

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ III

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.
1908.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Малорусская этнографія на XIV археологическомъ съездѣ въ Черниговѣ.

Тогда какъ великорусская этнографія за послѣдніе годы постоянно обогащалась новыми трудами, — вспомнимъ хотя бы капитальные сборники Былинъ Маркова, Ончукова и труды Московской комиссіи по собиранию памятниковъ народного творчества, — малорусская этнографія послѣ большинства сборниковъ Грияченка, можно сказать, застыла (это, впрочемъ, не относится къ деятельности австрійскихъ малороссовъ). Даже бывшіе подрядъ на территории Украины четыре археологические съѣзда не прибавили чего-либо значительного къ разработкѣ малорусской этнографіи. Столъ же бѣдныи въ этомъ отношеніи оказался и послѣдній XIV съездѣ въ Черниговѣ. Издание съ этнографическимъ материаломъ къ съѣзду не было выпущено, если не считать „Трудовъ Черн. Предварительного Комитета по устройству XIV съѣзда“, въ которыхъ напечатано нѣсколько документовъ, имѣющихъ нѣкоторый бытовой интересъ, и замѣтка на трехъ страницахъ: „Черниговскія писанки“ В. Д. На самомъ съѣздѣ было прочитано три реферата по малорусской этнографіи: А. Миллера — „Лотосъ въ украинскомъ орнаментѣ“, С. Шелухина — „Украинскія причтанія надъ умершими“ (на малорусск. яз.) и Х. Ящуржинскаго — „Почитаніе ключей и колодцевъ въ Малороссіи“ (на малор. яз.). Было заявлено еще два реферата: Х. Ящуржинскаго — „Украинскіе заговоры отъ урока“ и А. Синявскаго — „Бытовый малорусскія пѣсни Екатеринославской губ. въ XIX в.“ — но послѣдніе рефераты прочитаны не были. Изъ представленныхъ рефератовъ докладъ г. Миллера обладалъ научнымъ обоснованіемъ и былъ построенъ на изученіи малорусского орнамента сравнительно съ орнаментомъ восточнымъ (персидскимъ, киргизскимъ, татарскимъ). Г. Миллеръ выводить съ Востока довольно часто встрѣчающееся на малорусскихъ рушникахъ изображеніе махроваго цветка, видя

въ немъ отзвукъ рисунка лотоса, употребительного въ восточномъ орнаментѣ. Чтеніе г. Миллера было иллюстрировано какъ рисунками вышивокъ, такъ и образцами рушниковъ. Докладъ г. Шелухина объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ былъ построенъ на небольшомъ количествѣ собранныхъ имъ самимъ материаловъ, среди которыхъ немалая доля пришлась на народные анекдоты. На основаніи своего материала г. Шелухинъ пытался доказать, что въ Малороссіи не было наемныхъ плачальщицъ, и что малорусскія причитанія представляютъ продуктъ индивидуального творчества въ противоположность причитаніямъ великокорусскимъ, представляющимъ неизмѣнныя формы, передающіяся отъ одной плачальщицы къ другой. Для доказательства первого положенія рефентъ совершенно отрицалъ достовѣрность свидѣтельства польско-латинскаго писателя XVI вѣка, Себастіана Фабіана Кленовича—*Acernus'a*, въ его поэмѣ „*Roxolania*“, о существованіи въ Галицкой Руси наемныхъ плачальщицъ, на томъ основаніи, что въ приводимомъ Кленовичемъ причитаніи встрѣчаются слова: „*capitolinus anser*“—„*капитолійская гуска*“ что невозможно въ устахъ простой бабы. Но докладчикъ не принялъ во вниманіе характера всей „*Roxolania*“ Кленовича, которая ни въ комъ изъ историковъ литературы не вызывала подозрѣній въ невѣрности описываемаго авторомъ быта. Русскій изслѣдователь дѣятельности Кленовича г. Стороженко (Кievsk. Univ. 1881 г.) говорить, что поэма „*Roxolania*“—„настоящій кладъ для занимающихся южнорусской стариной“.

Вотъ свидѣтельство Кленовича. Когда умираеть, говорить онъ, человѣкъ,— „точка за плату (*mercede*) старуха заводить заученныя (*doctas*) причитанія (*querelas*), и такъ по заказу (*jussa*) женщина оплакиваетъ не своего мужа. Продажныя слезы (*venales lacrimas*) противъ воли выжимаетъ она изъ глазъ... Нанятymi за деньги рыданіями (*conductis pretio*) она оглашаетъ воздухъ“¹). Столь опредѣленное свидѣтельство мы сможемъ отвергнуть только тогда, когда не признаемъ всю описываемую Кленовичемъ бытовую обстановку, на что, однако, нѣтъ никакихъ данныхъ. Изъ того, что въ настоящее время въ Малороссіи неизвѣстно существованіе плачальщицъ, нельзя заключать того же по отношенію къ Галиціи XVI вѣка. Сербы занимаютъ меньшую территорію, чѣмъ украинцы, но и въ Сербіи по свидѣтельству В. Караджича въ его книгѣ: „*Живот и оби чаи народа српскога*“, въ одномъ мѣстѣ есть плачевницы, въ

¹) См. мое сообщеніе: „*Древнѣйшее малорусское причитаніе*“. Киев. Стар., 1904 г. декабрь, стр. 148—153.

другомъ ихъ нѣть. Въ доказательство того, что наемныя пла-
кальщицы существовали въ Малороссіи, можетъ быть приведенъ
рисунокъ изъ альбома француза Де-Ла-Флиз, относящейся къ
началу XIX вѣка и изображающей малорусское погребеніе на
саняхъ. Въ фигурахъ женщинъ, одѣтыхъ одинаково во все бѣ-
лое и идущихъ рядами за гробомъ вмѣстѣ съ нищими, можно
безошибочно видѣть не родственницъ покойнаго, а именно при-
глашенныхъ плачальщицъ¹⁾.

Второе положеніе референта, а именно, что малорусскія
причитанія являются продуктомъ индивидуального творче-
ства, опровергается извѣстнымъ въ литературѣ матеріаломъ.
Всѣ причитанія, сколько ихъ ни было напечатано у Метлин-
скаго, Чубинскаго и Милорадовича, очень однообразны и пред-
ставляютъ небольшое количество опредѣленныхъ похоронныхъ
формулъ-мотивовъ, которыми и пользуется причитывающая жен-
щина. Малорусскія причитанія отличаются однообразнымъ со-
держаніемъ, единствомъ стиля и поэтическихъ представлений,
что и создаетъ изъ нихъ опредѣленный, цѣлый видъ народ-
наго малорусскаго творчества. Объ индивидуальномъ творчествѣ
здесь не можетъ быть даже и рѣчи въ томъ смыслѣ, какъ по-
нималъ его докладчикъ, т. е., что каждое отдельное причитаніе
соответствуетъ каждому отдельному случаю смерти и погре-
бенія.—Вопросъ объ украинскихъ причитаніяхъ очень интересенъ
и еще ждетъ своего изслѣдователя. Въ „Кievskой Старинѣ“ за 1904—05—06 гг. и въ „Украинѣ“ 1907 г. мы
помѣстили рядъ очерковъ, посвященныхъ причитаніямъ, изъ
которыхъ укажемъ двѣ работы: „Одна глава объ украинскихъ
похоронныхъ причитаніяхъ“ и „Символика птицъ и растеній
въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ“.

Лучше была представлена малорусская этнографія на вы-
ставкѣ, устроенной при Съѣздѣ. Экспонаты были собраны осо-
бой экспедиціей Русскаго Музея Императора Александра III,
Черниговской Архивной Комиссіей и частными лицами. По-
стройки, домашняя утварь, промыслы, одѣждѣ, все это было
представлено полно и достаточно освѣщало народный бытъ. Осо-
бенное вниманіе обращали на себя не относящіеся къ мало-
русской этнографіи, но идущіе изъ Черниговской г. старинные
женские костюмы стародубскихъ старообрядцевъ. Предметы, быв-
шие въ этнографическомъ отдѣлѣ, описаны въ „Каталогѣ вы-
ставки“, изданномъ въ Черниговѣ.

B. Даниловъ.

¹⁾ Рисунокъ былъ напечатанъ въ „Кievskой Старинѣ“.

Первобытные древности на XIV археологическомъ съездѣ.

Въ числѣ рефератовъ, поступившихъ на XIV археологический съездъ, значительный интересъ представляли рефераты, прочитанные въ секціи первобытныхъ древностей, каковы: К. В. Хилинского— „Трипольская культура“, чешскаго проф. В. О. Пича „Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи“, И. Е. Евсѣєва— „Раскопки по верхнему течению р. Оки“, В. Д. Языкова— „О раскопкахъ въ окрестностяхъ Манзаго городища на Дону“, П. В. Селиванова— „По поводу производства раскопокъ и храненія добытаго материала“, В. Г. Ляскоронскаго— „Городища, курганы, майданы въ области днѣпровскаго лѣвобережья“, Ф. К. Волкова— „Палеолитическая стоянка близъ с. Мезени (Черниговск. г.)“, Л. Г. Допатинскаго— „Находка мастерской бронзового вѣка на Кавказѣ въ области Курь“, А. М. Мартиновича— „Хозарское городище на р. Воронежѣ“, В. А. Городцова— „Раскопки Бѣльского городища и сопровождающихъ его кургановъ“, К. В. Болсуновскаго „Культъ предковъ по памятникамъ эпохи неолита“, В. А. Бабенко— „Соотношеніе верхне-салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ сѣвернаго Кавказа“, А. А. Миллера „Археологическое обслѣдованіе устьевъ р. Дона“ и В. Е. Данилевича— „Раскопки въ Курской губерніи“. Съ захватывающимъ интересомъ былъ выслушанъ докладъ г. Хилинского о загадочной такъ называемой „трипольской культурѣ“, смѣды которой обнаружены В. О. Пичемъ въ Молдавіи въ Кукутенахъ, Г. Оссовскимъ— въ восточной Галиціи около Золотого Бильча и В. В. Хвойко— близъ М. Триполья Киевской губ., а также близъ с. Крутобородиць Летичевскаго у., Подольской губ. Докладчики приписывали эту культуру народу арійской расы и предлагали назвать ее географическимъ терминомъ „карпато-днѣпровской культурой“. Но описываемая культура распространена также въ Азіи, въ Фессаліи— близъ древнихъ Сузъ, Асхабада, Мерва и проч. Вѣроятнѣе всего, за этими находками утверждится терминъ— „до-микен-

ской культуры", т. к. они встречаются ниже предметовъ миленской культуры (въ Фессалии).

Обстоятельный докладъ чешского профессора В. О. Пича ознакомилъ русскихъ археологовъ со своеобразными городицами Чехии, которые можно раздѣлить по три категоріи: 1) городища съ валами изъ сплавленныхъ на огнь камней, 2) городища съ валами изъ камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента и 3) городища съ земляными валами. По мнѣнію референта городища 1-й категоріи принадлежать только славянамъ, а не Боямъ, которымъ приписывали ихъ многіе ученые.

Заслуживаютъ быть отмѣченными доклады: Ф. К. Волкова—объ открытой незадолго до съѣзда палеолитической стоянкѣ на берегу р. Десны, близъ с. Мезена; А. А. Миллера, которому удалось обнаружить слѣды древняго Танаиса на островѣ въ устьяхъ рѣки Дона и В. А. Городцова, внимательно изслѣдовавшаго Вѣльское городище Полтавской г., пріурочившее докладчикомъ ко времени скіфовъ.

При устройствѣ выставки древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, предварительнымъ комитетомъ по организаціи съѣзда были заботливо собраны коллекціи изъ различныхъ древлехранилищъ (Старая Рязань, Киевская губ., Полтавская, Харьковская, Курская, Тамбовская и др.), а также организованы специальные раскопки въ с. Мезенѣ Кролевецкаго у. и въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховскаго у. Отдѣль первобытныхъ древностей, не будучи обширнымъ, заключалъ въ себѣ, однако, весьма интересныя коллекціи, каковы, напр., находки близъ с. Мезена, Кролевецкаго уѣзда, а также замѣчательные сосуды трипольской культуры (изъ раскопокъ В. В. Хвойко), украшенные поразительно интереснымъ орнаментомъ. Перечень древностей, выставленныхъ на выставкѣ, занимаетъ 54 страницы „Каталога“ (изд. подъ редакціей П. М. Добровольскаго) и 4 страницы „дополненія“ къ нему.

Ив. Абрамовъ.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(Продолженіе **).

2. Начала пастурели

Устранивъ возможность школьнаго вліянія⁵²⁾, равно какъ и искусственной организаціи данной п'есенной схемы, мы хотѣли бы указать на крайне интересные факты обрядового порядка, которые, какъ намъ кажется, скорѣе могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи интересующей насъ формы.

Умыканіе или насильственный увозъ дѣвушкъ, сыгравшие такую огромную роль въ исторіи брака, оставили, какъ известно⁵³⁾, глубокій слѣдъ въ современной брачной обрядности народовъ различного происхожденія и культурной формациіи. Свадебное дѣйство открывается сватовствомъ. Сваты приходягъ къ дому невѣсты обыкновенно вечеромъ и просятъ впустить ихъ, покормить коней⁵⁴⁾. Они проѣзжіе⁵⁵⁾ или странники⁵⁶⁾. Но еще

*) См. Журн. Мин. Нар. Проев., 1901, № 12, часть СССХХХVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитический параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.“, вып. II, 1908 г.

⁵²⁾ Н. Reich, переопредѣняющій значеніе греко-римскаго мима, видѣть его отраженіе не только въ пастурели, но разсматриваетъ всю вообще пасторальную поэзію Франціи, Италии, Испаніи и др. какъ переживаніе его буколической формы. Опіцъ и Г. Гаутманъ (Потонувшій колоколь) замыкаютъ эту историческую цѣль. *Der Mimus, Ein littergarentwickelungsgeschichtlicher Versuch*, т. I (Берлинъ, 1903), стр. 894.

⁵³⁾ E. Westermarck, *Gesch. der menschlichen Ehe* (нѣм. перев. Katscher и Grazer, Jena, 1893), стр. 384 сл.; M. Kulischer, *Interkommunale Ehe durch Raub und Kauf* въ Zs. f. Ethnol., X (1878), стр. 200 сл.; J. Kohler, *Studien über Frauengemeinschaft, Frauenraub und Frauenkauf* въ Zs. f. vgl. Rechtswiss., (Stuttg., 1883), V, стр. 334 сл.

⁵⁴⁾ Шейнъ, Русск. нар. п. (Москва, 1870), I, стр. 536, 548.

⁵⁵⁾ П. Чубинскій, Матер. и изслѣдов. (Спб. 1877), IV, стр. 599.

⁵⁶⁾ F. Kraus, *Sitte und Brauch bei den Südslawen* (1885), стр. 357, ср. его же *Südslaw. Sagen und Märchen*, I, стр. 124—142; Шейнъ, о. с., стр. 599 (Волог. губ.).

чаще они называют себя охотниками. Они съ княземъ гнали звѣря, который, однако, ушелъ отъ нихъ и, какъ показываетъ слѣдъ, скрылся въ данномъ домѣ⁵⁷). Въ Полтавск. у.⁵⁸) отецъ невѣсты спрашиваетъ пришедшихъ къ нему на сватанье „старость“:

— А що ви за люди, и відкіля васъ Богъ принісъ? Чи зъ далека, чи зъ близька? Може ви охотники які, а може вольні козаки?

— Ми люде німецки,—отвѣчають старосты,—ідемо зъ землі турецької. Развъ дома у нашій землі випала пороша. Я й кажу товаришу: що намъ дивитися на погоду, ходіть лишень шукати звіриного сліду. Отъ и нішли. Ходили, ходили—нічого не знайшли; атъ—гулькъ! назустрічъ иде нашъ князь (молодой), щідніма у гору плечі и говорить намъ таки речі: „Эй, ви, хлощі, добрі охотники! Будте ласкові, покажіть дружбу мені. Трапилася мені куница, красная дівица. Не імъ, не пью и не сплю одь того часу, та все думаю, якъ ії достати? Поможіть ії мені поймати“. Отъ ми й нішли по слідамъ, по всімъ городамъ, а все куниці не знайшли. Отъ якъ у це село війшли, тутъ упять випала пороша: ми вранці встали и таки на слідъ напали. Вірно що звірь нашъ та пішовъ у двіръ вашъ, а зъ двору у хату, та й сівъ у кімнату. Тутъ и мусимо єго поймати. Тутъ застрила наша куница. Оде-жъ нашему слову конецъ, а ви дайте ділу вінецъ: oddайте нашему князю куницю—вашу красну дівицю. Кажить же діломъ, чи виддаєте, чи нехай ще пидросте?⁵⁹) Въ Волинской и Подольской губ. сваты ищутъ телку. Этотъ послѣдній или аналогичные ему образы были переработаны и съ точки зрѣння купли, измѣнившей основной мотивъ діалога — погоню. У лужичанъ сваты спрашиваютъ у отца невѣсты, нѣть ли у него продажной скотинки⁶⁰); поляки говорятъ о продажной коровѣ⁶¹), лужицкіе сербы⁶²) моравы⁶³),

⁵⁷) Шейнъ, о. с., стр. 416.

⁵⁸) Ср. свадьбу, записанную въ селѣ Ждановѣ у Чубинскаго, о. с., IV, стр. 581 сл.

⁵⁹) Ср. та мъ же, стр. 59—60, 557—558 (Полт. губ.), 633 (Волинск. губ.).

⁶⁰) М. Ковалевскій, Первобытое право, II, стр. 120.

⁶¹) Жена—корова, Gajus—Gaja, см. F. Liebrecht, Zur Volkskunde (1879), стр. 423; сл. М. Ковалевскій, о. с., стр. 121. сл.; Сумцовъ, О свад. обычаяхъ, стр. 22, 26.

⁶²) Kulischer, о. с., стр. 225; Reinsberg—Düringsfeld, Hochzeitsbuch, стр. 168.

⁶³) Kulischer, о. с., стр. 224.

прославцы ⁶⁴⁾, жители Гродненской ⁶⁵⁾ и Седлецкой губ. ⁶⁶⁾ — о телкѣ.

Та же форма сватовства, погоня, хорошо известна финнамъ и эстамъ. Въ діалогѣ сватовъ у православнаго населенія вост. Финляндіи (Кареліи) мотивъ купли и погони (исканія) чередуются. Описаніе страны, изъ которой они являются, напоминаетъ нѣмецкихъ людей и турецкую землю малорусскаго сватанья ⁶⁷⁾. Сваты гоняются за лисицей, покупаютъ птицу. На вопросъ, бывали ли они когда либо въ этомъ краю, они отвѣ чаютъ: „одинъ изъ насъ былъ здѣсь, да на отъездѣ потерялъ рукавицы (rukkaiset), вотъ мы и прѣѣхали сюда, чтобы поискать ихъ“. Разговоръ, происходящій въ избы, продолжается до тѣхъ поръ, пока не впустятъ въ комнату. У эстовъ сватъ, isamees, ищетъ обыкновенно пропавшую молодую корову (mulikas), темной или светлой масти, въ зависимости отъ цвета волосъ невѣсты (въ районѣ Oberpahlen'a). Если предложеніе не желаютъ принять, то отвѣ чаютъ отрицательно и всякий разъ настаиваютъ на томъ, что ничего о пропавшей не знаютъ. Въ противномъ случаѣ разговоръ поддерживается разспросами со своей стороны: спрашиваютъ, напр., о масти коровы и т. п., разрѣшаютъ поискать ее въ домѣ, и невѣstu находить въ комнатѣ. Подробности различны, смотря по мѣстности. Такъ по словамъ Neus'a ⁶⁸⁾ сваты ищутъ иногда ягненка; Petri ⁶⁹⁾ говорить о розыскахъ теленка, овцы, гуси или какой нибудь другой птицы. Въ Дерптскомъ у. отыскиваютъ обыкновенно ðhwaakene, Kühst r ke, или толкуютъ о покупкѣ стога сѣна (Кује), рѣже о подстрѣленной птицѣ, тетеревѣ ⁷⁰⁾. Въ приходѣ klein St. Johannis (у Oberpahlen'a) сваты держатъ приблизительно такую рѣчь: „мы послы турецкаго короля; у насъ случилась бѣда: улетѣлъ отъ насъ тетеревъ, и вотъ король въ безутѣшномъ горѣ. Тетеревъ пустился какъ разъ по этому направлению — не видали ли вы его?“ Сторона невѣсты отвѣ чаетъ отрицательно. Но послы настаиваютъ: „Однако нашъ стрѣлокъ

⁶⁴⁾ i b d. стр. 225.

⁶⁵⁾ V. Bogi i, Pravni obi aji u slovena (=III Knji enik, Zagreb 1867), стр. 89.

⁶⁶⁾ Чубинскій, о. с., IV, стр 671.

⁶⁷⁾ См. описание свадьбы д-ра А. О. Heikel'я, напечатанное у v. Schroeder'a, Hochzeitsgebr usche der Esten, стр. 243.

⁶⁸⁾ Neus, Estnische Volkslieder, стр. 240.

⁶⁹⁾ J. C. Petri, Estland und die Esten, II (Gotha, 1802), стр. 280, 281.

⁷⁰⁾ teder. См. v. Schroeder, о. с., стр. 225.

отлично видѣть, какъ онъ влетѣлъ въ вашъ домъ, въ окно коморы" (гдѣ живутъ обыкновенно дѣвушки) и т. п. Въ концѣ концовъ имъ позволяютъ искать птицу и они выводятъ ее избу невѣсту. Въ концѣ XVIII в., въ пору крѣпостного права, подобные рѣчи держали готовившіеся къ браку вѣсты своимъ помѣщикамъ⁷¹⁾. Они говорили также о пропажѣ коровы, телки, овцы и т. п., и на вопросъ, удалось ли имъ найти ушедшую скотинку, отвѣчали утвердительно и сообщали имя невѣсты.

У латышей сваты рассказываютъ о пропажѣ пастушки, гуся или какой-нибудь иной птицы, овцы, и просить ее выдать⁷²⁾. У мазуровъ сватъ вѣдетъ къ будущей невѣстѣ съ ко-чнемъ капусты, который онъ даетъ предварительно обѣсть своему коню. „Къ намъ въ огородъ", говорить онъ по пріѣздѣ, „забралась дикая коза (или просто коза), обгрызла капусту. Но я выслѣдилъ ее вплоть до вашего дома и хочу посмотретьъ на нее". Родители дѣвушки выводятъ ее къ пріѣзжимъ⁷³⁾. Если въ Chrudim'ѣ⁷⁴⁾ сваты, пришедшие по невѣсту, говорятъ, что пришли за кладомъ, сокровищемъ, которое спрятано въ домѣ, то пѣсня, которую поетъ женихъ на свадѣбѣ въ Чехіи во время торжественного пляса о похищении рабчика ворономъ, переносить нась къ прежнимъ зоологическимъ образамъ.

Венгерскій кѣгъ, предводительствующій группой сватовъ, обращается къ отцу невѣсты со слѣд. вопросомъ: „красивый голубокъ улетѣлъ отъ нась и опустился какъ разъ надъ вашимъ почтеннымъ домомъ; намъ очень хотѣлось бы знать, не видѣли ли вы его?" — „Нѣтъ, вашей птицы мы не видѣли; есть у нась голубокъ, только свой собственный. Ступайте своей дорогой дальше да поищите голубка въ другомъ мѣстѣ". Сваты выходятъ, но скоро снова возвращаются и кѣгъ повторяетъ свой вопросъ, къ которому онъ присоединяетъ обѣщаніе беречь голубка, если ему его отадутъ, посадить его въ хорошую клѣтку. На это ему отвѣчаютъ, что сразу нельзя дать отвѣта, нужно обдумать дѣло, пусть онъ пока уходитъ. За этимъ слѣдуетъ новое возвращеніе, новый діалогъ въ стилѣ прежнихъ,

⁷¹⁾ Petri, o. с., стр. 283.

⁷²⁾ Reinsberg—Düringsfeld, o. с., стр. 20.

⁷³⁾ i b d., стр. 203—204; (ср. аналогичные факты въ Зап. Пруссіи у v. Schroe-der, o. с., стр. 39. Великорусскія параллели у Веселовскаго, Три главы, стр. 39—40).

⁷⁴⁾ i b d., стр. 192.

пока вопросъ не окажется исчерпаннымъ и невѣста не будетъ представлена сватамъ⁷⁵⁾.

Аналогичный обрядъ существуетъ у румынъ. Женихъ идетъ къ невѣстѣ въ сопровождѣніи своихъ родителей, музыканта и сватовъ (petitori). Музыкантъ, скоморохъ по профессіи, обращается къ отцу невѣсты съ рѣчью: „дѣды наши и предки, охотясь, пришли нѣкогда случайно въ нашу страну, богатую молокомъ и медомъ. Слѣдя ихъ примѣру охотился и нашъ молодой, NN, бродя по полямъ, лѣсамъ и горамъ. На пути своемъ онъ повстрѣчалъ робкую серну (лань), которая, испугавшись его, скрылась; но мы нашли ея слѣды, которые и привели насъ сюда. Вы должны выдать намъ ее или указать то мѣсто, где она скрывается, потому что преслѣдованіе ея стоило намъ большого труда и силъ“.—Въ отвѣтъ на это выводятъ обыкновенно бабку невѣсты или другую старую женщину и показываютъ ее пришедшемъ. „Не она ли?“—„Нѣтъ“, отвѣчаютъ тѣ, „у нашей красавицы золотые волосы, глаза сверкаютъ какъ брилліанты, зубы что жемчугъ, а алые губы напоминаютъ че-решню. Видомъ она львица, ея шея бѣла какъ шея лебедя, пальцы нѣжны какъ воскъ, лицо сіяеть подобно солнцу“ и т. п. Комплименты тянутся безконечной вереницей, насколько хватаетъ воображенія говорящаго ихъ, пока наконецъ не выводятъ дѣвушку⁷⁶⁾).

Голубку ищутъ и сваты на Riviera della Castella, между Spalato и Тгаї, но соотвѣтствующій діалогъ пріуроченъ къ другому моменту. Въ день свадьбы къ дому невѣсты направляется поѣздъ жениха со знаменосцемъ и главнымъ сватомъ (starisvat) во главѣ, который выстрѣломъ даетъ сигналъ къ выступленію. Необычайно яркая и красива картина старой отмицы. Поѣзжане останавливаются передъ домомъ невѣсты, и отецъ ее спрашиваетъ: „кто тамъ?“—„Друзья“, отвѣчаютъ ему. „Зачѣмъ вы здѣсь съ этимъ поѣздомъ?“—„Мы знаемъ“, отвѣчаетъ starisvat, „что въ вашемъ дома скрывается нѣчто такое, чему здѣсь не мѣсто; мы ищемъ это“.—„Хорошо, входите и ищите“. Всѣ садятся за столъ, уставленный разными яствами и напитками. Поѣзъ сваты говорятъ: „ну, теперь мы поищемъ своего голубка, чтѣ спрятался въ этомъ домѣ“. Начинаются поиски. Имъ показываются самую старую родственницу въ домѣ: „это вашъ голубь?“—„Нѣтъ, нашъ не таковъ“.

⁷⁵⁾ i b d., стр. 44—45.

⁷⁶⁾ i b d., стр. 53.

Наконецъ показываютъ невѣсту. „Не онъ ли?“ спрашиваютъ сватовъ снова.. — Да, вотъ это и есть тотъ голубь, который улетѣлъ отъ насть“. Дѣвушку отрываютъ отъ отца и уводятъ. Но на порогѣ сватовъ встрѣчаетъ толпа сосѣдей, собравшихся постоять за невѣсту. Завязывается примѣрный бой, прекрасный уплатой выкупа, послѣ чего вся процессія направляется въ церковь⁷⁷). На ту же тему о похищении голубка жалуется послѣ свадьбы и братъ невѣсты.

Въ приморья Stagno, старой области Рагузы, отецъ жениха, являющійся сватомъ въ домъ невѣсты (dan prstenovanja), говоритъ ея отцу о красномъ цвѣтѣ, который онъ увидѣлъ, проходя мимо его дома, и который ему хочется пересадить въ свой садъ. Одну за другой показываетъ хозяинъ гостямъ своихъ дочерей—цвѣты, пока дѣло не доходитъ, наконецъ, до невѣсты, которой и вручается кольцо⁷⁸). Точно также ищетъ эстонскій сватъ по сообщенію Neus'a⁷⁹) цвѣтка, потеряннаго его спутниками; въ Приморья Makarska предметомъ исканія представляется яблоко, играющее роль и въ соответствующихъ обрядахъ французовъ. Оба ряда обрядовъ комбинируются въ жалобѣ испанской дѣвушки, которой она отвѣчаетъ на просьбу trobador'a, говорящаго отъ имени жениха: „я еще молода. Кто хочетъ оторвать голубка отъ матери, кто хочетъ сломать почку, которая не успѣла еще распуститься. Я не знаю тебя. Кто ты?“⁸⁰). Въ Сардиніи, сохранившей много древнихъ традиціонныхъ обрядовъ и обычаевъ, отецъ жениха или опекунъ его просить у отца невѣсты уступить ему голубя или телку; голубь утѣшалъ бы его въ старости, телка была бы лучшимъ украшеніемъ его стада⁸¹.

Символическое дѣйство, въ которомъ просвѣчиваютъ древнія отношенія умыканія, пристраивалось къ различнымъ моментаамъ свадебной церемоніи, дававшимъ поводъ къ такимъ безсознательнымъ, лучше, игровымъ воспоминаніямъ старыхъ реальныхъ отношеній. Характеръ момента опредѣлялъ всякий разъ подробности игры, пріурочивавшейся то къ вступительному эпизоду свадебной драмы—сватовству, то къ центральному ея моменту, ко дню свадьбы, когда поѣздъ жениха является къ невѣстѣ, чтобы везти ее подъ вѣнецъ, то къ завлчающей дѣй-

⁷⁷) i b d., стр. 80—81.

⁷⁸) i b d., стр. 74.

⁷⁹) o. с., стр. 240.

⁸⁰) Reinsberg-Düringsfeld, o. с., стр. 263.

⁸¹) i b d., стр. 94.

ство сценъ, свадебному пиру, послѣ котораго молодой хватаетъ въ охабку новобрачную и бросается съ ней изъ дома; молодая вырываетъ отъ мужа, девушки защищаютъ ее, но женихъ овладѣваетъ ею и уводитъ къ себѣ.

Соответственно съ этимъ чередуется и пріуроченіе пѣсень, разрабатываемыхъ обряды, наявънныя указанными бытовыми отношеніями. Мотивъ охоты очень часто лежитъ въ основѣ ихъ; какъ, напр., въ слѣд. записанной въ Щигровскомъ у. Курской губ. ⁸²):

На подъ небисью исменъ соколь ляталъ...

Съ нею можно сопоставить свадебную Сарат. губ. исполняемую передъ невѣстой послѣ словора:

Соколь лебедь ловилъ... ⁸³).

Въ эстонской свадебной пѣснѣ, пріуроченной къ моменту, когда женихъ является къ невѣстѣ, чтобы щѣхать съ нею въ вѣнцу, и ее прачутъ, поется:

Hier ging hin des Vogleins Stimme;
Durch Gestrauch des Entleins Stimme,
Eben wie des Eichhorn Sprunge!
Hier gestanden hat das Voglein,
Hat die Schuh geschnürt die Ente.
Thuet auf die weiten Thüren... ⁸⁴)

Въ Харьковск. губ. на заруцинахъ (рукодѣліи, рукопиши) поются небольшую пѣсню, иллюстрирующую моментъ своими охотничими образами:

Вчера зъ вечера та порошенька впала... ⁸⁵)

Тѣ же образы, но въ иномъ положеніи, отвѣтить позже и другимъ обрядамъ символизирующими умыканіе: куница заблудилась въ лѣсу и просить соболя вывести ее ⁸⁶). У белоруссовъ такая пѣсня поется послѣ вѣнчанія, въ домѣ жениха или еще

⁸²) Веселовскій, Психологическій параллелизмъ, стр. 44.

⁸³) М. Соколовъ, Великорусск. свадебн. пѣсни и причи-
тания, записанныя въ Саратовской губ., (Саратовъ, 1898),
стр. 1—2, № 2.

⁸⁴) v. Schroeder, o. с., стр. 59.

⁸⁵) Чубинскій, о. с., IV, стр. 84.

⁸⁶) Потебня, Объясненіе малорусск. и сродн. нар. пѣс., II,
стр. 344.

до сватовства⁸⁷). Исполняемая на белорусской свадьбе после заручинъ: Ходила козынька но ламу...⁸⁸) возвращаетъ насъ снова къ мотиву охоты.

Рядомъ съ нимъ уже самый обрядъ намѣчаетъ и другой мотивъ:—исканіе пропавшаго при тѣхъ или иныхъ условіяхъ; онъ шире прежняго, ибо онъ позднѣе: отсюда и большая нестрота образовъ связываемыхъ основными мотивами въ цѣлую картину. Сваты ищутъ телку, гуся, корову и т. п. Въ малорусской пѣснѣ⁸⁹) разсказывается о потери парнемъ въ лѣсу козы, отыскивая которую онъ встрѣчаетъ дѣвушку. Та же ситуация въ одной литовской народной пѣснѣ. Молодецъ потерялъ коня; находитъ дѣвушку⁹⁰). Коня заперли, но онъ вырвался и, бросившись въ садъ, откусилъ тамъ три цвѣтка руты.

Въ другой литовской пѣснѣ подробности разоренія произведенного конемъ иныя⁹¹).—Основной мотивъ старый, но образъ коня указываетъ на новую точку зреінія пѣсни: искомое не женскій символъ, а мужской; отсюда идея выкупа.

Финалъ пѣсень приводить насъ къ новымъ символамъ брака, характеризующимъ все тотъ же моментъ насилия: ломаніе, топтаніе посѣяннаго, посаженнаго (сада, винограда, руты, проса и т. п.). Обобщившись они дали образъ разрушенія въ широкомъ смыслѣ. Цитированные литовскія пѣсни лучше всего комментируются русской игрой въ „съанье проса“⁹²); спутанность нѣкоторыхъ подробностей объясняется забвеніемъ смысла основного образа; игровое преніе овладѣло имъ и дало пѣснѣ иное направлѣніе, хотя въ конечномъ обмѣнѣ молодцемъ и дѣвицей сквозитъ совершенно опредѣленно первоначальная мысль игры. Конь, конечно, молодецъ. Болѣе прозаическая „Посѣяли

⁸⁷) Шейнъ, Бѣлорусск. нар. пѣсни (Спб. 1874), стр. 323, № 556, 337, 601.

⁸⁸) i b d., стр. 460 № 28.

⁸⁹) Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси (Москва, 1878), III/1, стр. 343 № 76.

⁹⁰) Вс. Миллеръ и Ф. Фортунатовъ, Литовск. нар. пѣсни (Москва, 1873), стр. 100—101, № XXXVI.

⁹¹) У G. H. F. Nesselmann, Littauische Volkslieder (Berlin, 1853) стр. 147 № 181. Ср. также Соболевскій, Пѣсни, II, 222: у козака пропалъ конь; онъ находитъ его у корчмы, но на немъ оказывается дѣвушка.

⁹²) Терещенко, IV, 307; Потебня, о. с., I, стр. 39 сл.; Веселовскій, Три главы, стр. 30—31. Ср. также игру (въ Risano) описанную Vrœvićемъ въ его Srpske narodne igre (Бѣлградъ, 1868), стр. 29—30 и Fr. Krauss'омъ въ Sitte und Bräuch der Südslaven (Вѣна, 1895), стр. 147—148

дѣвки ленъ⁹³) выражается яснѣе: парень повадился въ ленъ ходить:

Весь бѣлый ленъ притопталъ,
Маковочки прищипалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ⁹⁴).

Въ другомъ варъянтѣ еще болѣе опредѣленныя указанія:

Со льну цвѣты сорывалъ,
Два вѣночка совивалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ⁹⁵).

Ой ходила Марися по новому двору,
Сіала садъ-виноградъ съ приполу,
Забула воротечки заченити,
Ажъ мусіла батенька просити:
„Ой піди—жъ, мій батеньку, зачини воритця:
Яки приде Иванъ зъ боярами,
То витопче садъ-виноградъ кониками“⁹⁶),

поется въ Новоградъ-волынскомъ уѣздѣ на заручинахъ. Въ великорусской пѣснѣ⁹⁷) молодецъ обѣщаетъ выкупъ дѣвицѣ за потоптанный его конемъ садъ. Въ связь съ этими образами и отмѣченными выше литовскими пѣснями нужно поставить и крайне интересную эстонскую игру, стоящую, правда, вѣдь свадебного обряда, но рядомъ съ игровыми пѣснями. Г. Калласъ приводитъ описание ея въ приложеніи къ своей работе⁹⁸). Играющіе разбиваются на три группы: одни становятся въ кругъ, другіе входятъ внутрь его, третыи остаются вѣдь. Затѣмъ начинается диалогъ между двумя послѣдними группами. (Приношу за содѣйствіе въ переводѣ текстовъ искреннюю благодарность лектору А. Игельстрѣму и проф. И. Миккола):

„Сынъ мой, ты, чтѣ сторожиши коней (hoburine=Pferde-wächter), не видѣлъ ли ты моего коня, бродящаго въ туманный день, разгуливающаго въ дождливый день?“ — „Какой масти

⁹³) Пласовая и вечериночная, см. Соболевскій, о. с., III, №№ 472—478.

⁹⁴) i b d., № 477.

⁹⁵) i b d., № 474.

⁹⁶) Чубинскій, о. с., IV, стр. 70—71, № 19. Ср. Nesselmann, о. с., № 49.

⁹⁷) Шейнъ, Русск. нар. п., 148—150.

⁹⁸) O. Kallas, Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie (1901), I. Ср. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Проев., т. 342 (1902), № 8, отд. 2, стр. 442 сл.

твой конь? — „Утромъ масть его, чтд молодой посѣть; на зарѣ — чтд золото; въ сумеркахъ — чтд закатъ солнца (viettili?); днемъ — чтд разсвѣть; въ полдень — чтд (мясо) семги“. — „Конь твой прошелъ дорогою дѣвушекъ (проходъ между двумя изгородями), новой улицей: много бѣды натворилъ онъ, когда уходилъ, много бѣды натворилъ онъ и въ другой разъ, когда приходилъ: онъ испортилъ свой хомутъ, испортилъ гужи, повредилъ желѣзныя ворота, опрокинулъ поль-тонны меду, погрызъ (цѣлый) ларь грѣховъ. Зѣвая (конь твой) сломалъ оглобли, мотнувъ головой, — разорвалъ узду. Загремѣлъ жемчужный конь, загремѣло на дорогѣ (обставленной) плоскими каменными, затрепѣла вязовая дуга“. Ржи, ржи, конь (мой) мышной масти, зови, меринъ, купцовъ, ржи, зови своего хозяина, зови (громко) того, что скакеть на твоей спинѣ, ржи подъ хозяиномъ, кричи подъ купцами!

Аналогичную игру мы встрѣчаемъ въ Финляндіи (стр. 358 сл.):

— Съ уздой на плечахъ, я ишу лошадку, уздечка жеребенка (у меня) за спиной. Если ты конь моего отца, — ржи, чтобы я могъ тебя услышать, ступай домой къ овсу, къ овсу, чтд шуршить; ступай домой къ сѣну, къ хрустящему сѣну. Сломай хворостаную изгородь, сломай изгородь, крѣпкую, какъ желѣзо; сломай хворостаную изгородь, опрокинь изгородь жердиную! Hette, lette, бросай прочь, taari, laagi, начинаю снова! — Въ Эстляндіи, на Эзелѣ, Монѣ и въ Перновскомъ уѣздѣ (Pärnupiataa) цитированный выше текстъ игры развился въ балладу, введеніе въ которую совершенно тождественно съ началомъ пѣсни объ „украденномъ поцѣлуѣ“ (II, 7). Дѣвушка (или дѣвушки) собираются въ лѣсу вѣти для вѣнковъ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвушка названа по имени, Anu, Viru neitsike, Sula Salmi n., Salvi или Salme (послѣднія имена, очевидно, подъ вліяніемъ крайне интересныхъ и ждущихъ еще разъясненія пѣсень о Salme, выросшей изъ курицы, за которую послѣдовательно сватаются солнце, мѣсяцъ и звѣзды. См. Fennia, I, с. № 2). Слѣдуетъ описание встрѣчи съ парнемъ, отыскивающимъ своего коня (вар: парень названъ Ott' огтис, ойтис или ойтис poisikene). Диалогъ скользированъ съ текста игры, Въ другихъ варіантахъ дѣвушка разсказываетъ о томъ страшномъ разгромѣ, который конь произвелъ въ домѣ ся отца (съѣденъ весь хлѣбъ, выпито нѣсколько бочекъ пива и т. п.). Парень предлагаетъ возвѣстить убытки и дѣлаетъ дѣвушкѣ предложеніе. Иногда, оказывается, что конь заперть въ конюшнѣ и можетъ быть возвращенъ лишь подъ условіемъ выкупа или же дѣвушка прямо заявляетъ парню, предугадывая

его намѣренія: „ты не коня ищешь, ты, злой человѣкъ, вадумалъ свататься за меня. Но у насъ такой обычай: обѣ этомъ говорятъ только въ присутствіи отца и матери“.

Въ цѣломъ рядъ вариантовъ перемѣщены роли: отыскивается коня не парень, а девушка; очевидно забылся смыслъ первоначального образа. Въ пинской свадебной пѣснѣ ищутъ голубки (утки), она ушла въ очереть; девушки ищутъ молодой, она ушла уже въ кѣть (она уже въ домѣ жениха):

Ключами забраждѣла,
А сунямы зашастѣла⁹⁹).

То же обобщеніе situaciи въ массѣ литовскихъ, великорусскихъ, малорусскихъ и другихъ пѣсень. Девушка пасла коней:

Красная панна малада Ганна кони пасе,
поется въ бѣлорусской волочебной пѣснѣ¹⁰⁰), или въ безыменной малорусской¹⁰¹):

Ой, за гаэмъ зелененъкимъ
Пасла дівка коні воронії,
А насучи загубила...

Также въ пѣсняхъ польск. и моравск.¹⁰²). Въ другихъ рѣчи идетъ о пастьбѣ воловъ, образъ, который не выводитъ насъ еще за предѣлы символики коня; ср. образъ воловъ въ плугѣ¹⁰³). Такъ въ малорусской колядкѣ:

Пасла Ганнуся воли...¹⁰⁴),

или литовск. пѣснѣ у Юшкевича, *Liet. dajnos*, II № 1015. Гораздо распространеннѣе образы, которые мы уже встрѣтили въ рѣчи сватовъ во время первого ихъ прїѣзда въ домъ невѣсты, если только они не позднѣйшія черты, внесенные въ данные рамки. Въ великорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются овцы¹⁰⁵), но особенно гуси, лебеди¹⁰⁶).

⁹⁹) Веселовскій, Психологич. параллелизмъ, стр. 28.

¹⁰⁰) У Шейна, Бѣлор. нар. п., стр. 101—102.

¹⁰¹) У Чубинскаго, о. с., V, стр. 1073.

¹⁰²) Kolberg, Lud, I, 133: Sušil, Мог. паг. р. 155.

¹⁰³) Головацкій, о. с., II, 435, 760.

¹⁰⁴) i b d., IV 86—87, 133, II 144, III 228 сл.; Чубинскій, о. с., V, 908.

¹⁰⁵) Соболевскій, о. с., II № 48; у малороссовъ также просто стадо, ср. колядку у Головацкаго, о. с. II 75.

¹⁰⁶) Соболевскій, о. с., II 49—57, V 742—746; въ малорусской—павы у Головацкаго, о. с., III/2 № 29—колядка.

Кое гдѣ сохранился мотивъ выкупа¹⁰⁷⁾; другія пѣсни останавливаются еще на мотивѣ исканія, причемъ мысль очень часто проходитъ впередъ отъ желанія или ожиданія къ исполненію, такъ что не исканіе пронавшаго приводитъ къ встречѣ съ женихомъ, къ браку, а, наоборотъ, находка становится возможной, такъ какъ рѣшенъ главный вопросъ: ни отецъ ни мать, ни братъ не могутъ отыскать пронавшаго стада, пока дѣвушкѣ не приходитъ въ голову обратиться къ милому:

„Шіди милейкий стада глядати!“
Мілейкий пішовъ, стадайко найшовъ.
Ліпшій милейкий, якъ братъ ріднейкий! ¹⁰⁸⁾.

Такую же метаморфозу встрѣчаемъ мы и въ пѣсняхъ о садѣ. Не тотъ кто придетъ и силой овладеетъ садомъ и его плодами станетъ мужемъ, суженымъ; дѣвушка сама даетъ яблоко милому, отказывая въ томъ отцу, матери и роднымъ. Такая перестройка мотива въ болѣе мягкому и гуманному смыслѣ отвѣтила, очевидно, новымъ бытовымъ запросамъ и возврѣніями.

Разложеніе старой схемы шло и другимъ путемъ.—Вниманіе останавливалось преимущественно на финальномъ эпизодѣ встречи, остальное разсматривалось какъ введеніе, какъ поводъ къ ней. Къ этому вела оторванность пѣсни отъ обряда, вызывавшая трактовку ея какъ баллады, какъ пѣсни о нѣкогда реальномъ фактѣ. Такъ въ литовской пѣснѣ у Фортунатова — Миллера, стр. 116—117, № LIV, 2 и 1 (ср. 114—115 — № 1)¹⁰⁹⁾—пастыба только аксессуаръ, фонъ, на которомъ разыгрывается любовная сценка. Въ одной великорусской пѣснѣ¹¹⁰⁾ дѣвунка сгоняетъ своихъ гусей-лѣбедей, собираясь итти домой; но

...гуси не табунятся,
По бережку разбѣгаются,
По кустикамъ разлетаются.

Ненужная подробность, такъ какъ ниже оказывается, что она

Собрала гусей, домой пошла.

¹⁰⁷⁾ Бѣлорусск. волочебная у Шейна, Бѣл. нар. п. 101—102; Kolberg. Lud, I 133, Snѣl, o. с., 115.

¹⁰⁸⁾ Колядка дѣвушки, Головацкій, o. с., II 75.

¹⁰⁹⁾ Ср. малорусскую пѣсню у Головацкаго, o. с., III/1, стр. 174—175, № 48 и стр. 182, № 57.

¹¹⁰⁾ Соболевскій, o. с., II 52, 49.

Остается только пастушеская, обстановка, которая вовсе не предваряет дальнейшаго: aoristus могъ имѣть мѣсто и при другихъ обстоятельствахъ.

Погоню овечку
За быструю рѣчку,
За калиновъ частый мостики.
На встрѣчу младеньки
Донской младой казакъ¹¹¹⁾.

Діалогъ обыкновенно развитъ слабо; завязываетъ его младецъ¹¹²⁾.

Форма изложения пѣсни можетъ быть, при способности народной пѣсни мѣнять этого рода оттѣнки¹¹³⁾, и „личной“, и „объективной“.

Такой схемой могли овладѣть французскіе цѣвцы, развивши подъ вліяниемъ популярныхъ *débats* зародышъ діалога, и обративъ ее въ позднѣйшую пастурель. Къ этому уже шла и народная пѣсня, сосредоточившаяся на моментѣ любовнаго *débat*; пасторальные элементы стали шаблоннымъ вступленіемъ. Женская по-преимуществу пѣсня (почти во всѣхъ варіантахъ этого типа въ центрѣ женщина) была снова переработана съ точки зреінія мушки.

Не только на почвѣ Франціи, о которой идетъ рѣчь, но и на почвѣ Германіи или Италіи мы напрасно искали бы народныхъ пѣсень, аналогичныхъ тѣмъ, которая приводили сейчасъ, и которая всѣ записаны въ восточной половинѣ Европы. Въ обширномъ сборнике *Erk-Böhme*¹¹⁴⁾ мы встрѣчаемъ одну пастурель, которой имѣются нѣсколько варіацій¹¹⁵⁾. Обстановка обычна для французской пастурели, несмотря на народный характеръ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей. Ситуація одной изъ первыхъ пѣсъ того же сборника, можетъ быть, также навѣяна пастурелью. Пѣсня рассказывала о похищении пастушки Рюбецалемъ, явившимся въ образѣ рыцаря (Силезія). Въ діалогѣ оригинала дѣвушка говоритъ на силезскомъ діалектѣ, Рюбецаль —

¹¹¹⁾ Соболевскій, о. с., II 48.

¹¹²⁾ Казакъ, I. с.; молодой парень II 49, 52, 54, 55, солдатъ 51, сержантъ 53, лакей 50 и даже дворянскій сынъ 57. Только въ V 742 на сценѣ милый. Дворянчикъ, можетъ быть, не безъ вліянія пастурелей, прошедшихъ съ Запада, пѣсень вродѣ „Вышелъ баринъ изъ лѣсочка“.

¹¹³⁾ Ср. Соболевскій, II 631.

¹¹⁴⁾ Deutscher Liederhort, Lz. 1893—1894.

¹¹⁵⁾ I 26: Reiter und Hirtenmädchen. см. стр. 442.

из литер. нѣм. языковъ¹¹⁶). Источникъ пьесъ этого типа склонять и въ подробностяхъ французскихъ „народныхъ“ пастурелей. Герой оказывается бариномъ¹¹⁷), кавалеромъ¹¹⁸), рыцаремъ¹¹⁹), королевский сыномъ¹²⁰), лѣсничимъ¹²¹), охотникомъ¹²²); въ финалѣ одной пастурели Haupt'a¹²³) рѣчь идетъ о замкѣ и т. п. Въ одной изъ очень популярныхъ пьесъ этого рода, напечатанной Гастономъ Парисомъ¹²⁴), дѣвушка называетъ своего собесѣдника *sire*; на общественное положеніе ея нѣть прямыхъ указаний, но общий характеръ пьесы—обычный тонъ куртуазной пастурели. Тоже можно сказать и о №№ IV и LX сборника Париса. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ чувствуется литературный прототипъ¹²⁵), сказывающійся и въ цѣломъ рядѣ народныхъ пастурелей, записанныхъ недавно¹²⁶).

Обстановка и подробности знакомы намъ хорошо изъ сборника Bartsch'a. Пастурели XV в. въ этомъ отношеніи ближе всего къ ихъ средневѣковымъ параллелямъ. Обычную форму зачина: *L'autrier quant je chevauchois*¹²⁷) или тождественную ей мы не найдемъ въ сборнике Haupt'a, древнѣйшая изъ пастурелей котораго (Мон рѣгѣ ш'енвое, р. 100) заимствована изъ пѣсенника 1538 г., не говоря уже о новѣйшихъ собраніяхъ

¹¹⁶) Другія пѣсни, изображающія аналогичныя встрѣчи, примыкаютъ скорѣе къ прототипамъ *chansons à personnages*. Ср. I 70, 73; I 120, 121, 123а и б., 125, 204а; II 437, 438, 440, 443, 444; II 517; III 1295; III 1436, 1437, 1450. Сл. также *Des Knaben Wunderhorn* III 305; *Haupt und Schmaler*, I 79; *Arwidsson, Svenska Fornsånger*, III р. 271; *Weddigen, Gesch. d. d. Volksdichtung* (Висбаденъ, 1891), стр. 207, 212—213.

¹¹⁷) J. Tiersot, *Histoire de la chanson popul. en France* (Парижъ, 1889), стр. 54.

¹¹⁸) J. Bujeaud, *Chants et chansons popul. des provinces de l'Ouest etc.* (Niort, 1866), I стр. 311—312, ср. E. Rolland, *Recueil des chansons populaires* (Парижъ, 1883—1887) I хcm., лxi и II стр. 124.

¹¹⁹) *Chevalier tout en blanc*, *Haupt, Französische Volkslieder*. (Lz., 1877), р. 141; ср. Bujeaud, о. с., р. 309—310, 312 вар.

¹²⁰) Bujeaud, о. с., стр. 109—110; ср. Rolland, о. с., I cxxi и II стр. 144 сл.

¹²¹) *Forestier du roi*, *Haupt*, о. с., р. 129; Rolland, о. с., I ш, ср. II стр. 22 сл.

¹²²) Bujeaud, о. с., стр. 213—214, 215—216, ср. стр. 207—208, 209—210, 211, 212, 213.

¹²³) о. с., стр. 110—111.

¹²⁴) *Chansons du XV siècle* (Парижъ, 1875, SATFr). № LXIII.

¹²⁵) Ср. №№ IX, XXIX, L, CXVI.

¹²⁶) Ср. Bujeaud, о. с., стр. 254—255, 266—267; Rolland, о. с., I, LXI.

¹²⁷) Сборникъ Париса №№ XXIX, ср. *IV, VI, IX, XXIX, L, LX, *LXIII, CXVI.

народныхъ пѣсень. Описаніе виѣшиаго вида пастушки сведено до простыхъ ничего не говорящихъ эпитетовъ, какъ *gaie*¹²⁸), *jeune*¹²⁹), *belle au cuer plaisir*, *belle*¹³⁰), *jolie*¹³¹), *aimable*, *d'une aimable beauté*¹³²). Начальныя стихи Rolland, LXI, поэтому, поневолѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя:

Quant la bergère s'en va-t-aux champs
Bien peignée, bien coiffée,
Sa quignolette à son joli côté...

Характеристика его еще болѣе скучна; короткимъ и сухимъ *beau valeton*¹³³) исчерпывается описание въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ разсказъ ведется отъ лица пастушки. Никакихъ указаній на время встречи¹³⁴), его настроеніе и даже на мѣсто встречи¹³⁵): ситуация предполагается известной. Сравнительно чаще встречаются указанія на занятія ея въ данный моментъ: она поетъ и плететъ вѣнокъ¹³⁶);

Je fleuris ma houlette
Tout pleine de fleurs...

говорится въ другой современной пастурели изъ Оверніи¹³⁷). У Haupt'a, стр. 129, девушка собираетъ фіалки. Центръ тяжести интереса сосредоточивается въ діалогѣ, которому, поэтому, и отведено главное мѣсто. Подробности, которыхъ мы встрѣтимъ въ предѣлахъ его, нами уже знакомы: эпизодъ съ волкомъ мы находимъ въ сборникѣ Париса, XXIX, у Haupt'a стр. 129, Rolland III; на настойчивыя просьбы героя она отвѣчаетъ болѣе или менѣе рѣзкимъ отказомъ¹³⁸), или ссылкой на недосугъ¹³⁹) или на то, что любить другого¹⁴⁰), шуткой¹⁴¹). Но страстныя

¹²⁸) i b d., №№ XXIX. CXVI.

¹²⁹) i b d., №№ LXIII, XCIII c.

¹³⁰) i b d., № LX.

¹³¹) Rolland, I шд., xa, lxv b.

¹³²) i b d., XCIII d.

¹³³) Haupt, o. с., р. 110. Cavalier tout en blanc, i b d., стр. 141.

¹³⁴) Вечеръ—сборникъ Париса, №№ LX и *LXIII; маѣ—i b d., № LXIII.

¹³⁵) Кратко у Париса LXIII, LX, XXIX, CXVI, VI, IV; Haupt, стр. 129, 141; Rolland LXI.

¹³⁶) Сб. Париса, CXVI.

¹³⁷) Rolland Xa.

¹³⁸) Сб. Париса III, VI, LXIII.

¹³⁹) i b d., XXIX.

¹⁴⁰) Rolland, XCIII; Vujeaud, II, стр. 311—312.

¹⁴¹) Rolland Xa и b.

рѣчи, импровизуемыя неожиданнымъ поклонникомъ начинаютъ въ концѣ концовъ заражать ее: она просить его говорить типе: иначе отецъ или мать ихъ услышать¹⁴²); она готова почти уступить, но нѣть, она дастъ ему только поцѣлуй¹⁴³); еще одно, послѣднее усиленіе съ его стороны и дѣло кончается или согласіемъ ея¹⁴⁴) или насилиемъ въ случаѣ упорства или нерѣшительности дѣвушки¹⁴⁵). „Типическая“ форма пастурели— единственная вошедшая въ обиходъ народной пѣсни; это объясняется контрастомъ, на которомъ она построена и который могъ заинтересовать, существованиемъ аналогичныхъ схемъ въ составѣ народной поэзіи, и можетъ быть, наличностью прототипа пастурели. Сценки не пережили эпохи литературного интереса къ пастурели, что объясняется, конечно, характеромъ ихъ содержанія. Правъ ли послѣ этого Гастонъ Парисъ, счи- тавшій возможнымъ признать и за ними народные оригиналы, переработанные наравнѣ съ пастурескимъ *contrast*?

Кое-гдѣ привычные пѣсенные пріемы измѣнили традиціон-
ный обликъ пастурели (ср. сб. Г. Париса I, II, III), но перера-
ботка коснулась только формы, вѣнцемъ организаціи, въ которую
внесены были типическая для народной пѣсни черты отрывочности,
полудосказанности, неустойчивости точки зренія, съ которой
передается содержаніе пьесы и т. п. Самымъ яркимъ признаніемъ
вульгаризаціи этой формы нужно признать несомнѣнно
обращеніе ея въ женскую пѣсню. Еще въ сборникѣ Г. Париса
всѣ пастурели сложены съ точки зренія героя. Пьесы Haupt'a,—
всѣ безъ исключенія женскія пѣсни; въ сборникахъ Bujeaud
и Rolland чередуютъ формы изложенія объективная¹⁴⁶) съ жен-
ской¹⁴⁷) и мужской¹⁴⁸), но женская преобладаетъ. — Въ
Германіи пастурель мало популярна въ эпоху ея расцвѣта
во Франціи, среди пѣвцовъ рыцарства, почти неизвѣстна
въ народѣ; во Франціи она демократизовалась, если не въ
составѣ своеи, то, по крайней мѣрѣ, какъ предметъ лите-
ратурного обмѣна. При всемъ томъ, мы были бы, однако,
далеки отъ мысли утверждать категорически на основаніи

¹⁴²) Rolland IIIa и IIId.

¹⁴³) i b d., IIIc.

¹⁴⁴) Сб. Париса, II, IV. LX; Haupt, стр. 110.

¹⁴⁵) Rolland LXIIa и b; сб. Париса, I.

¹⁴⁶) Bujeaud I, стр. 254—255, 266—267; Rolland, Xb, LXI, IIIc и d.

¹⁴⁷) Bujeaud, I, стр. 109—110, 309—310, II 311—312, 313; Rolland, IIIa и b

CXXI.

¹⁴⁸) Bujeaud, I, стр. 209—215; Rolland, XCIII.

приведенныхъ фактовъ, что за пастурелью не стоитъ никакой народной схемы, что она искусственный во всѣхъ отношеніяхъ литературный продуктъ, какъ это дѣлаетъ Е. В. Аничковъ¹⁴⁹). Записи народной пѣсни слишкомъ поздни для того, чтобы можно было строить на нихъ широкія обобщенія. Да и вызваны они, конечно, прежде всего литературными, эстетическими запросами: слѣд. полународность сборника Г. Париса столько же въ его составѣ, сколько, очень возможно, и въ качествѣ записи; припомнимъ народныя пѣсни эпохи Макферсона и романтиковъ. Все это требуетъ большой осторожности въ оцѣнкѣ материала, выдаваемаго и принимаемаго за народный. — Не объясняется ли популярность пастурели во французской народной поэзіи тѣмъ, что почва была подготовлена аналогичными мотивами, т. е. въ пору, недоступную нашему анализу, обѣ пѣсенные схемы стояли рядомъ.

Предполагая существование народнаго прототипа пастурели во Франціи мы опираемся прежде всего на распространенность въ Европѣ того обряда сватства, который отражается въ указанныхъ выше пѣснахъ. Правда, на существование подобнаго обряда во Франціи нѣтъ прямыхъ указаний, но его можно предположить рядомъ съ многочисленными свадебными обрядами, представляющими собой переживаніе насильтственного увоза жены¹⁵⁰). Помимо обряда важно существование въ этой части Романіи множества образовъ отражающихъ въ себѣ древнія брачныя отношенія, образовъ, которыя известны не только всюду въ Европѣ, но и далеко за предѣлами ея. Растительные, цвѣточные символы преобладаютъ, чтд объясняется отчасти бытовыми условіями, отчасти вліяніемъ средневѣковой поэзіи на народную. Но съ ними чередуются и такие, которые стоять ближе къ образамъ нашей гипотетической пастурели. Садъ садить, жать, полоть, ломать цвѣты, розу, сучья—безконечной веереницей тянутся черезъ пѣсни и игровые дѣйства Франціи, Германіи и т. д., въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и сочетаніяхъ. Встрѣча молодца съ дѣвушкой на лугу въ тотъ моментъ, когда она ломаетъ розу, въ лѣсу, когда она собираетъ вѣтки, въ саду,—популярны по обѣ стороны Рейна не

¹⁴⁹) Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ, I, (Спб. 1904), стр. 12 сл., особ. 14.

¹⁵⁰) См. Reinsberg—Düringsfeld, o. с., стр. 245 сл.: *Laisnel de la Sale, Le Berry. Moeurs et coutumes въ Les littér. pop. de toutes les nations*, т. XLIV (Парижъ, 1902), стр. 54 сл. Ср. также пѣсни у Rolland, I лxi.

менѣе, чѣмъ въ Великороссіи или вост. Финляндіи. Схему нѣм. пѣсни *Die schöne Holzlerin*¹⁵¹⁾ мы видимъ въ лат.-нѣм. пьесѣ *Carmina Burana*¹⁵²⁾. Съ французскими *chansons à personnages*, въ которыхъ поэтъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ дамой *pres d'un vergier* (I 49), *en un jardin* (I 64), *de joste un vergier* (I 68) и др. могутъ быть сопоставлены, если не французская же пьесы вродѣ *En allant au bois*¹⁵³⁾, ибо можно спорить о ихъ народномъ происхожденіи¹⁵⁴⁾, или нѣмецкія пѣсни о розовомъ саду и встрѣчѣ въ лѣсу¹⁵⁵⁾, то по крайней мѣрѣ великороссія о дѣвушкѣ, которая въ саду крапиву жнетъ, цвѣты собирается, грушу ломаетъ и т. п.¹⁵⁶⁾. Обстановка французскихъ *chansons à personnages* постоянная, такъ какъ передъ нами символъ обратившійся въ формулу; это не изобрѣтенная жонглѣрами рамка для *contrasto*. Послѣднее могло быть въ предѣлахъ даннаго мотива сопутствующей формой, другой стороной „объективной“, выражаясь французскимъ терминомъ пѣсни, если предположить (что вполнѣѣ вѣроятно) существованіе рядомъ съ послѣдней тождественной съ ней по содержанію игры. Слабое развитіе діалога, сказывающееся подчасъ въ чисто формальномъ присутствіи поэта, почти перестающимъ быть героемъ описываемаго, объясняется не тѣмъ, что схема эта вышла изъ монолога, въ которому искусственно приращивали потомъ, какъ думалъ Г. Парисъ разныя детали, но 1) тѣмъ что данная пѣсенная форма была далеко не такъ популярна какъ пастурель, и 2) одностороннимъ увлечениемъ шампагіе съ ея естественнымъ послѣдствіемъ тяготѣніемъ къ ламентаціи, т.-е. монологу. Въ цитированныхъ русскихъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, но иногда описывается и ухаживаніе за замужней. Это приводило къ мотиву о несчастномъ бракѣ, популярному въ народной поэзіи, далеко за предѣлами Франціи, какъ на то спра-ведливо указалъ Г. Парису Cesareo¹⁵⁷⁾. Изолированная народ-

¹⁵¹⁾ Erk-Böhme, I 73.

¹⁵²⁾ С. В. 145 (р. 216). Ср. финскія пѣсни обѣ Айно и ихъ эстонскія параллели (Kallas, o. с.).

¹⁵³⁾ Bujeaud, I, стр. 244—246, вар. i b d., стр. 248—251, 251—253; E. de Beaupreire, *Etudes sur la poésie pop. en Normandie*, (1856): *Chanson de l'oranger* Tiersot, o. с., стр. 46, 52—53; сборникъ Париса, № LXXXI.

¹⁵⁴⁾ Ср. Bujeaud, II, стр. 171—173; сл., впрочемъ, I стр. 57, Rolland, I lxi и II стр. 98 сл., I схн.

¹⁵⁵⁾ Erk-Böhme, I 68а и II 57; ср. I 70, 121, 141, II 40, 443, 444 и др.

¹⁵⁶⁾ Соболевскій, IV 281—284.

¹⁵⁷⁾ *Origini della poesia lirica*, стр. 64 и сл.

но-пѣсенная ситуация могла легко обобщиться въ средѣ, въ которой кульгъ дами являлся протестомъ чувства противъ замыкавшей его дѣловой или необходимой сдѣлки.

Мы отошли иѣсколько отъ нашей прямой задачи, хотя, въ сущности, отмѣченная связь образовъ смогла бытъ гораздо шире. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если иѣменскій поэзіи хорошо знакомъ образъ оленя, топчущаго садъ¹⁵⁸); французы поютъ о королевскомъ сынѣ, убившемъ утку дѣвушкѣ¹⁵⁹); въ другой пѣснѣ молодецъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ застрѣлилъ жаворонка, чтобы изъ перьевъ его сдѣлать подушку себѣ и своей Jeannette¹⁶⁰). Я не говорю уже объ образахъ сокола, голубя. Наконецъ и мотивъ выхода изъ затруднительнаго положенія съ помощью человѣка, который въ награду требуетъ любви отлично знакомъ французской народной пѣснѣ¹⁶¹).

Нѣть, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, достаточныхъ оснований отрицать существованіе на почвѣ Франціи тѣхъ пѣсенныхъ схемъ, которая при известныхъ условіяхъ развились въ художественную форму пасторели. Всѣ необходимыя для нея материалаы могли быть собраны и обработаны затѣмъ жонглѣрами, тѣмъ болѣе что обрядовое значеніе мотива обеспечивало, въ известной мѣрѣ, его сохранность; рядомъ съ лирической формой въ самой рыцарской средѣ могла еще исполняться отѣ чающая ей игра, которую есть полное основаніе предполагать при условіи обрядового толкованія пѣсенной схемы.

B. Шнамаревъ.

---

¹⁵⁸) In seinem Garten geht ein Hirsch, Tritt nieder alle Blthen; см. Бесѣдовскій, Психологический параллелизмъ, стр. 12.

¹⁵⁹) Bujeaud, I стр. 134, вар. стр. 135; см. Напт, стр. 41; Rolland, I cxxvi, II стр. 147.

¹⁶⁰) Bujeaud, I, стр. 139.

¹⁶¹) Ср. Rolland, I xliv, 1; II, стр. 95 сл.

Къ вопросу объ общинахъ у зырянъ.

(По поводу статьи г. М. А. Большакова).

(Окончание).

Г. Большаковъ, приведя первую, помещенную выше цитату изъ моей работы, спѣшилъ увѣрить меня, „что сельское общество, какъ таковое, въ Устьысольскомъ уѣздѣ никогда не признаетъ себѣ права распорядковъ надъ земельными угодьями“ ... Но если бы г. Большаковъ внимательнѣе отнесся къ цитатѣ (и вообще ко всей моей работѣ), то онъ, конечно бы, увидѣлъ, что я говорилъ въ ней о сельскомъ обществѣ не какъ „о таковомъ“, а имѣль въ виду, такъ сказать, „общество“ генераль-наго межеванія, получившее дачу и документы на нее. Въ этомъ смыслѣ я могъ, конечно, безъ большого риска говорить, что „право распорядковъ луговыми землями сельскія общества стараются удержать за собой“; и это, конечно, не значитъ, что я „навязываю“ сельскимъ обществамъ, „этимъ административнымъ органамъ“, роль въ выработкѣ хозяйственныхъ община,—какъ предполагалъ г. Большаковъ. „Сельское общество“ здѣсь то же, что „составная сѣнокосная община“, стремящаяся разверстать сѣнокосныя угодья возможно равномѣрно и справедливо между всѣми хозяйствами всѣхъ селеній общины, почему она обычно гонитъ, скажемъ, ховяевъ дер. Ивановки на покосы за 10 верстъ, хотя бы таевы и были расположены у Ивановцевъ, что называется, подъ бокомъ,—гонить потому, что „подъ бокомъ“ покосовъ потому ни у кого изъ селеній общины нѣтъ.

Затѣмъ, болѣе вдумчивое отношеніе къ моей работѣ въ этой части, можетъ быть, помогло бы г. Большакову понять, что я разумѣю подъ терминами „земельная община“, „хозяйственная община“ и „земельно-хозяйственная община“. Онъ увидѣлъ бы, можетъ быть, что при данномъ положеніи дѣла эти понятія совершенно равнозначущи, будучи противопоставленіемъ лишь чисто административнымъ функциямъ сельскаго общества. Но г. Большаковъ

шаковъ не видѣлъ всего этого. Вотъ почему я пожалѣлъ выше, что рукопись моей работы не побывала въ моемъ просмотрѣ до отпечатанія ея въ „Итогахъ...“ Можетъ быть мнѣ удалось бы тогда внести въ работу такія дополненія и поясненія, что и г. Большакову пришлось бы понять, что я хочу сказать“...

Но что всего неизвинительнѣе для г. Большакова, это—его обращеніе съ „фактами“ и „примѣрами“ для „илюстраціи“ своихъ „положеній“. Здѣсь уже прямо сказывается какое-то упорное нежеланіе понять и видѣть эти „факты“, какъ они есть. А, между тѣмъ, „факты“ эти, какъ мнѣ хорошо известно, входили въ районъ „непосредственныхъ наблюденій“ автора.

Приведу нѣсколько примѣровъ, въ интересахъ которыхъ я подчеркивалъ выше цитаты изъ статьи г. Большакова.

Полемизируя противъ моего будто бы предположенія о присвоеніи сельскимъ обществамъ, „какъ таковыми“, права распорядковъ надъ земельными угодьями, г. Большаковъ утверждалъ, что если это иногда бываетъ (т. е., если сельское общество распоряжается землей), то „оно дѣйствуетъ здѣсь какъ составная община, случайно съ нимъ совпадающая“; что, „анализируя ходъ и причины образованія составныхъ общинъ“, онъ показалъ, какъ онъ формируются; и что „онъ иногда бываютъ менѣе общества, иногда болѣе“... Затѣмъ г. Большаковъ приводить „примѣръ“ Пожегодской составной сѣнокосной общинѣ, „въ которую входятъ не только селенія Пожегодского сельского общества, но и д.д. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества“—и заключаетъ: „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ“.

Особо эффектенъ этотъ примѣръ „Пожегодской составной общинѣ“ послѣ „анализа хода и причинъ образованія составныхъ общинъ“!

Если бы г. Большаковъ не такъ увлекался своимъ „анализомъ“, то вѣроятно увидѣлъ бы, что Пожегодская составная община есть ни что иное, какъ община генеральской дачи, на рѣзанной на бывшую тогда (при межеваніи) „Пожегодскую волость“; что она по сіе время цѣликомъ охватываетъ *всѣ селенія этой дачи*, хотя два изъ нихъ — входящія въ дачу, — въ 60-хъ годахъ, по соображеніямъ административнаго свойства, были причислены въ составъ болѣе близкаго къ нимъ, Поморзинскаго сельского общества; что не будь этого случайнаго по отношенію къ общинной жизни перехода названныхъ селеній, мы имѣли бы здѣсь типъ той общинѣ, въ которой „сельское

общество, генеральная дача и хозяйственная единица совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ"; теперь же такое совпаденіе наблюдалось лишь между двумя послѣдними понятіями, т. е. генеральной дачей и составной общиной, ибо сельское общество, какъ мы сказали, по причинамъ стороннимъ для общинной жизни, измѣнилось въ своемъ составѣ.

Или, можетъ быть, г. Большаковъ предполагаетъ, что его „анализъ хода и причинъ образованія составныхъ общинъ“ объясняетъ принадлежность с.с. Скородумского и Кырныша къ Пожегодской общинѣ, не смотря на то, что селенія эти находятся отъ *средоточія общиннаго управления* — *первое въ 21, а второе въ 17 verstахъ*?

Не думаемъ, чтобы и самъ г. Большаковъ вѣрилъ въ притягательную силу раскрытыхъ имъ „причинъ“ на такомъ разстояніи, вѣрилъ и въ такую всеобъемлемость своего „анализа“. Проще, намъ думается, предположить, что г. Большаковъ дѣлалъ свой „анализъ“, не считаясь съ анализируемыми „элементами“ и не зная ихъ, какъ слѣдуетъ, почему самъ себя побилъ своимъ „примѣромъ“ и свелъ результаты „анализа“ къ нулю... ¹⁾.

Потомъ, г. Большаковъ, какъ мы видѣли, прибавилъ, что „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ“.

Что онъ этимъ хочетъ сказать? Если то, что „составные общины иногда бываютъ менѣе сельского общества, иногда — болѣе“, —то дѣйствительно *такихъ* примѣровъ можно привести „не одинъ“. (Хотя, надо сказать, и не очень ужъ много: они встречаются лишь въ тѣхъ 8 обществахъ, въ которыхъ, какъ мы указывали выше, общинные порядки наиболѣе развиты). Но если разумѣть подъ „примѣрами“ такие факты, когда дача генерального межеванія и хозяйственная единица совпадаютъ другъ съ другомъ, а сельское общество, будучи по административнымъ соображеніямъ измѣнено въ своемъ составѣ, уже не соответствуетъ имъ, —то такихъ примѣровъ, какъ мы хорошо извѣстно, наберется не много: ихъ въ Устьысольскомъ уѣзда всего два-три.

Или вотъ еще „иллюстрація“ г. Большакова. Приводя мои слова — „также Шиловское и Уркинское общества, передѣлив-

¹⁾ А, вѣдь, Пожегодская община должна быть наиболѣе хорошо извѣстна г. Большакову. Онъ лично тамъ былъ и работалъ, а на стр. 90—91 своей брошюры приводить даже краткую исторію борьбы между селеніями этой общини на почвѣ земельныхъ отношеній.

шія землю по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственныя единицы "...—г. Большаковъ, между прочимъ, спрашивается: „какая хозяйственная связь до 1900 года могла существовать между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговорѣ: землю изъ деревни въ деревню не переводить?“ Какой смыслъ можно вложить въ этомъ случаѣ въ понятіе „хозяйственная община“, относимое къ Шиловскому обществу?

Sit venia verbo,—меня прямо оторопь береть отъ этихъ вопросовъ г. Большакова,—до того они, такъ сказать, далеки отъ существующаго положенія вещей въ Шиловскомъ обществѣ, которое береть для своей „иллюстраціи“ авторъ.

А, вѣдь, г. Большаковъ долженъ хорошо вѣтать и это общество: онъ тоже здѣсь былъ лично, работалъ, а на стр. 68—69 своей работы пишетъ слѣдующее:

„Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ (выше излагался пресловутый „анализъ“ ... В. П.) образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ на ту эволюцію, которую испытали общины Шиловской волости. Въ 1884 году волостнымъ сходомъ было постановлено: „пашотную землю изъ деревни въ деревню не переводить и дѣлить въ деревнѣ сколько таковой окажется позагонно“ ...

„Поддеревенская разверстка въ результатѣ повлекла къ тому, что на наличную душу м. п. (каковая принята за единицу при разверсткѣ) въ различныхъ деревняхъ приходилось неодинаковое количество угодій“. (Слѣдуетъ примѣрная таблица о количествѣ пашни на душу по отдѣльнымъ деревнямъ. В. П.).

„Такое различіе въ величинѣ паевъ по деревнямъ не могло держаться, и въ 1900—1901 году постановлено раздѣлить пашотныя и сѣнокосныя (?) угодья безъ отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ, чѣмъ и достигнуть одинаковой величины душевыхъ долей по всей волости¹). Но уже при перемѣрѣ земель выяснилось практическое неудобство этого способа, заключающееся въ томъ, что крестьянинъ, получившій дополнительное количество земли въ другой, отдаленой деревнѣ, фактически не могъ воспользоваться имъ за дальностью разстоянія, и, какъ видно изъ дополнительного приговора Шиловскаго

¹) Относительно сѣнокосныхъ угодій утвержденіе автора совершенно не вѣрно (я отношу это къ опискѣ). Угодья эти никогда въ распоряженіи отдѣльныхъ селеній и третей не бывали. Ниже обѣ этомъ я еще буду говорить. В. П.

волостного схода, крестьяне избрали средний путь: они раздѣлили волость на три части, назвали ихъ „третями“ и произвели уравненіе внутри каждой трети. Хотя между деревнями различныхъ третей и осталась нѣкоторая разница въ величинѣ паевъ, но она значительно менѣе прежней“. (Слѣдуетъ опять примѣрная таблица. В. П.).

„Группы селеній, или „жила“, преобразовываются такимъ образомъ съ течениемъ времени въ составные полныя общин. *Бытовая-административная община становится кромъ тою и земельной*“ (курсивъ мой. В. П.).

Присмотримся поближе къ приведеннымъ сейчасъ разсужденіямъ г. Большакова.

Прежде всего необходимо установить здѣсь твердо такое положеніе: сѣнокосныя земли Шиловскаго общества никогда не бывали въ отдельномъ распоряженіи и владѣніи ни селеній, ни третей (что я и отмѣтилъ выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, объясняю упоминаніе авторомъ „сѣнокосныхъ“ угодій, —которые будто бы тоже рѣшено въ 1900 году дѣлить безъ „отнесенія ихъ къ отдельнымъ деревнямъ“, —опиской). Угодья эти и прежде разверстывались и теперь разверстываются еп шассе, цѣликомъ, всѣмъ обществомъ-общиной прямо между отдельными хозяйствами, а не между деревнями или третями. Такимъ образомъ здѣсь мы опять встрѣчаемъ „составную сѣнокосную единицу“, *вполнѣ соѣдниющую*, съ одной стороны, съ сельскимъ обществомъ (и даже съ волостью), а съ другой, —дачей генерального межеванія. Значить, рѣшенія о томъ или иномъ порядке раздѣла земель касались только пахотныхъ угодій (что, впрочемъ, явствуетъ и изъ цитаты приговора Шиловскаго схода, приводимой самимъ г. Большаковымъ: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить“... и т. д.).

Итакъ, что же мы видимъ?

Въ 1884 году „Шиловскій волостной сходъ“¹⁾ находилъ нужнымъ *при общемъ передѣлѣ земель „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить“ и дѣлить въ деревнѣ ту, какая оказывалась тогда въ ея пользованіи*. Въ 1900 году тотъ же сходъ находить нужнымъ измѣнить этотъ порядокъ и постановляетъ дѣлить „пахотные земли безъ отнесенія къ отдельнымъ деревнямъ“ (т. е. такъ же, какъ дѣлятся сѣнокосы). Это рѣшеніе при проведеніи на практикѣ оказалось малоудоб-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, конечно, не „волостной“, а сельскій сходъ, ибо Шиловская волость состоять изъ одного общества.

нымъ, в сходъ вновь постановляетъ: межъ-хозяйственное уравненіе пахотныхъ земель произвести по третямъ, на которыхъ дѣлится общество - община ¹⁾). При всѣхъ этихъ перемѣнахъ право разверстки съмокосныхъ угодій ни разу не затрагивается; оно оставалось и остается цѣликомъ за обществомъ - общиной.

И вотъ, г. Большаковъ спрашиваетъ: какая „хозяйственная“ связь могла существовать между селеніями Шиловскаго общества до 1900 года? Какое понятіе можно вложить въ выраженіе, что „Шиловское общество представляетъ изъ себя цѣликомъ одну хозяйственную общину“?

Неужели г. Большаковъ самъ не въ состояніи видѣть эту „связь“ и понять выраженіе: „Шиловское сельское общество = одной хозяйственной общинѣ?“ Неужели онъ не видитъ, что всѣ эти перемѣны и порядки — „земли изъ деревни въ деревню не переводить“, „земли дѣлить безъ отнесенія къ отдельнымъ деревнямъ“, „земли дѣлить по третямъ“ — установляетъ и санкционируетъ Шиловскій общественный (общинный — тоже) сходъ?

Не будетъ ли, наконецъ, все это яснѣй для г. Большакова, если я укажу, что рѣшеніе Шиловскаго схода, состоявшееся въ 1901 году, обѣ уравненіи пахотныхъ земель *внутри третей съ переводомъ ихъ изъ деревни въ деревню*, не есть что-нибудь новое. Съ 1870 по 1884 годъ (когда шиловцы рѣшили „пахотныя земли изъ деревни въ деревню не переводить“) существовалъ именно тотъ порядокъ, который они вздумали повторить при передѣлѣ въ 1900 — 901 году. Въ 1870 году Шиловское общество впервые официально разбилось на „трети“ и уравняло пахотныя земли внутри этихъ третей, переводя ихъ (т. е. земли) изъ деревни въ деревню...

Что, наконецъ, скажетъ г. Большаковъ, если Шиловскому сходу при слѣдующемъ передѣлѣ опять вздумается постановить, чтобы земли „изъ деревни въ деревню не переводить?“ А, вѣдь, это вполнѣ возможно, ибо никакихъ — ни юридического, ни земельно-бытоваго характера препятствій для этого пока не имѣется.

Но я думаю, что и тогда г. Большаковъ „не пойметъ“ хозяйственной связи между селеніями Шиловскаго общества и

¹⁾ Это подраздѣленіе Шиловскаго общества-общины на трети соотвѣтствуетъ географическому положенію селеній, составляющихъ какъ бы три отдельныя компактныя группы, и существовало уже издавна, а не создано въ „1900 году“, какъ это полагаетъ г. Большаковъ. Объ этихъ „третяхъ“ мнѣ еще придется сказать два-три слова.

содержания понятия „Шиловская хозяйственная община“ и такъ же будетъ задавать свои вопросы. Ему, вѣдь, рѣшеніе Шиловскаго схода 1901 года объ уравненіи земли по третиць важно, какъ признакъ того, когда „группы селеній преобразуются въ составные полныя общины“, когда „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной“ ¹). Онъ, вѣдь, и описывалъ земельные порядки въ Шиловскомъ обществѣ специально для „иллюстраціи“ своего „анализа причинъ и хода образованія составныхъ общинъ“, а анализъ этотъ, очевидно, требовалъ видѣть въ земельно-хозяйственной жизни упомянутаго общества не то, что есть въ дѣйствительности, а нѣчто другое, могущее служить примѣромъ, иллюстраціей ²).

---

¹) См. подчеркнутый мною выше конецъ послѣдней цитаты изъ г. Большакова.

²) Я быль бы неправъ, если бы не упомянулъ объ одномъ, по существу правильномъ и дѣльномъ замѣчаніи г. Бол—ва по поводу моей статьи. Замѣчаніе это вызвано тѣмъ, что я, перечисляя сельскія общества „представляющія изъ себя одну земельно-хозяйственную единицу“, включилъ въ число ихъ, безъ всякихъ оговорокъ, Кочергинское и Верхолузское общества. Г. Бол—въ на стр. 72—73 своей брошюры справедливо указалъ на довольно пеструю картину юридическихъ правъ на землю въ этихъ обществахъ, связанную съ существованіемъ въ нихъ массы мелкихъ починковъ, заброшенныхъ на десятки верстъ другъ отъ друга, а потому не имѣющихъ между собой никакой связи на земельно-хозяйственной почвѣ. Оговорить все это я, конечно, быль обязанъ. Но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, что—какъ я уже говорилъ—отпечатана моя работа съ рукописи, не бывшей въ моемъ разсмотрѣніи; во-вторыхъ, что положеніе мое относительно коренныхъ селеній („жила“) упомянутыхъ обществъ, на которыхъ были выданы документы генерального межеванія, все же остается правильнымъ,—принимая, я говорю, все это во вниманіе, можно считать допущенный мною пробѣлъ не за слишкомъ важную „ошибку“.

Кстати, долженъ упомянуть еще вотъ о чёмъ: г. Бол—въ, указывая на эти общества, говоритъ, что „достаточно для иллюстраціи привести одинъ примѣръ“ (т. е. примѣръ этихъ обществъ), и нѣсколько ниже продолжаетъ „...почти все общества имѣются, если не подобную, то развѣ немного менѣшую спутанность правъ“. Здѣсь г. Бол—въ опять, по своему обыкновенію идетъ мимо дѣйствительности: „примѣръ“ этихъ обществъ на самомъ дѣлѣ совершенно таки единственный. Больше узырянь Устьысольского уѣзда обществъ съ такимъ пестрымъ составомъ землевладѣнія нѣть. Въ данномъ же случаѣ созданію пестроты правъ на землю способствовали особыя (мѣстныя) причины, на которыхъ отчасти указалъ самъ г. Бол—въ въ двухъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту своихъ разсужденій. (См. 72 стр., его брошюры).

Было бы, можетъ быть, въ извѣстномъ смыслѣ поучительно нѣсколько ближе разобраться въ этомъ „анализѣ причинъ и хода образованія составныхъ общинъ“, — каковой анализъ г. Большаковъ, очевидно, ставить себѣ въ особую заслугу... Но моя замѣтка уже и безъ того растянулась, и, кромѣ того, теперь — послѣ всего сказаннаго — я совершенно не вижу какой-либо необходимости входить въ разборъ не соотвѣтствующихъ дѣйствительности теоретическихъ построеній г. Большакова. Поэтому въ дальнѣйшемъ я ограничусь лишь нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Изъ приведенныхъ выше (послѣ разсужденій о Шиловскомъ обществѣ) заключительныхъ словъ г. Большакова, что „такимъ образомъ жила преобразовываются въ полныя составныя общинны“, а „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной“, — можно заключить, что г. Большаковъ за Шиловской составной общиной не хочетъ признавать „земельнаго“ значенія вплоть до 1900—901 года и видѣть въ ней до этого времени какую-то только „бытовую-административную общину“.

Послѣдній довольно таки загадочный терминъ употребленъ г. Большаковымъ здѣсь въ первый разъ, и насколько можно догадываться изъ всего содержанія его статьи, — онъ вкладывается въ него понятіе недостаточно развитыхъ и не сполна выраженныхъ общинныхъ порядковъ землевладѣнія, присущихъ менѣе подвижнымъ формамъ послѣднаго, — каковыя формы, какъ мы видѣли выше, пока наиболѣе характерны для земельно-хозяйственной жизни зырянъ Усть-Сысольского уѣзда.

Было бы излишне спорить съ г. Большаковымъ по этому поводу и доказывать, что землевладѣніе по дробнымъ частямъ ревизской души, въ той или иной мѣрѣ всегда примѣняется къ наличному составу семей, какъ равно землевладѣніе Шиловского и Пожегодского обществъ¹⁾) въ ихъ цѣломъ есть именно общинные землевладѣнія какъ по духу, принципу, такъ и по установленію порядковъ его и по тенденціи этихъ порядковъ къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Тенденція же эта выражается въ двухъ ясно обозначившихся направлѣніяхъ: во-первыхъ, въ желаніи достигнуть наиболѣе справедливаго способа землераспределенія по отдельнымъ хозяйствамъ, каковой способъ въ концѣ концовъ находитъ свое вы-

¹⁾ Упоминаю только обѣ этихъ обществахъ-общинахъ, конечно, лишь для примѣра, какъ уже нѣсколько извѣстныхъ намъ.

раженіе въ разверсткѣ земли по юдокамъ,—и, во-вторыхъ, въ стремлениі, такъ сказать, обособиться, разбиться на болѣе мелкія и компактныя хозяйственныя единицы, чтобы такимъ образомъ избѣжать громоздкой возни по землевладѣнію цѣлыми обществами-общинами, состоящими обычно изъ такихъ селеній, которыхъ иногда удалены другъ отъ друга на десятокъ и болѣе верстъ.

По имѣющимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, развитие общино-земельной жизни узыянъ Устьсысольского уѣзда неуклонно и прежде шло, и теперь идетъ въ обоихъ сейчасъ указанныхъ направленияхъ, и—кстати сказать—оно шло бы несомнѣнно быстрѣе, если бы дѣло не осложнялось вопросомъ о сѣнокосныхъ угодьяхъ, которая, въ виду особой своей хозяйственной цѣнности и но условіямъ расположенія относительно селеній, трудно поддаются такому разверсткѣю между отдѣльными, стремящимися обособиться частями сложныхъ общинъ, которое бы удовлетворило всѣ эти части—будущія болѣе мелкія общины. Но не смотря на все это—какъ я уже сказалъ, эволюція земельно-общинной жизни совершается безостановочно, выражаясь, какъ въ улучшении способовъ землераспределенія между отдѣльными дворами, такъ и въ распаденіи крупныхъ общинъ на болѣе мелкія. Приведенное выше раздѣленіе Шиловской общинѣ на „трети“ есть, конечно, одинъ изъ такихъ примѣровъ распада, дающаго то удобство, что въ настоящее время передѣлы и разверстки пахотныхъ земель могутъ происходить самостоительно внутри каждой изъ этихъ третей, не считаясь съ порядками, существующими въ другихъ третяхъ.

Наиболѣе лучшій и полный примѣръ эволюціи земельно-общинной жизни узыянъ Устьсысольского уѣзда даетъ, по моему мнѣнію, Вотчинское общество, имѣющее свой отдѣльный (групповыи) планъ генерального межеванія. Въ концѣ 60-хъ годовъ это общество разбилось на три хозяйственныя общинѣ, при чемъ, въ виду особо благопріятныхъ условій расположенія сельско-хозяйственныхъ угодій относительно существующихъ селеній, удалось раздѣлить по вновь образованнымъ общинамъ не только пахотныя, но и сѣнокосныя земли. При этомъ, въ одну общину вошло 8 селеній, въ другую 3 и въ третью одно (самое большое въ обществѣ). Затѣмъ, въ началѣ 70-хъ годовъ первыя восемь селеній раздѣлились еще на 2 вполнѣ самостоятельныя общинѣ; а въ половинѣ 80-хъ годовъ возникла упорная борьба на почвѣ выдѣленія въ особую общину одного изъ трехъ селеній второй общинѣ. Борьба эта въ концѣ концовъ

(въ 90-хъ годахъ) завершилась тѣмъ, что всѣ три селенія образовали особыя *пахотныя* общины, хотя и связанныя общностью владѣнія *сплошными* угодьями, но съ сильно выраженнымъ стремленіемъ обособиться и этими послѣдними. (Нашло ли это стремленіе свое осуществленіе—я, къ сожалѣнію, сейчасъ подъ руками свѣдѣній нѣ имѣю).

Такимъ образомъ, съ конца 60-хъ годовъ изъ одной сложной общины, совпадавшей съ сельскимъ обществомъ и съ дачей генерального межеванія, образовалось шесть вполнѣ сформировавшихся земельно-хозяйственныхъ общинъ, съ предусмотренными сроками коренныхъ предѣловъ и съ землераспределѣніемъ по ѓдокамъ.

Послѣ сейчасъ высказанного, мнѣ думается, нѣть нужды ни спорить съ г. Большаковымъ, ни указывать на фактическую неправильность его утвержденія, что „онъ не знаетъ ни одного случая распаденія составной общины“ и что „наоборотъ— соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную — заурядное явленіе“¹⁾.

Распаденіе составныхъ общинъ—какъ мы уже это видѣли—представляетъ изъ себя одно изъ естественныхъ звеньевъ эволюціи земельно-общинной жизни у выранъ Устьсыольского уѣзда, а соединеніе простыхъ общинъ въ составную явленіе совершенно несвойственное выранскому землевладѣнію,—если только не считать за „соединеніе“ такие случаи (возможные, но мнѣ совершенно не извѣстные), когда, скажемъ, нѣсколько дворовъ, образовавшихъ новый починокъ не вдалиѣ отъ своего селенія-метроцентра, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе расширенія площасти хозяйственныхъ угодій, опять сливаются этими послѣдними со своимъ селеніемъ, обобщаясь при этомъ и земельными угодьями. Насколько можно судить по соображеніямъ, высказаннымъ г. Большаковымъ на стр. 63—64 своей брошюры, онъ именно подобные случаи и имѣть въ виду, говоря о „заурядности“ соединенія простыхъ общинъ въ составную. Но мы рѣшительно повторяемъ, что хотя подобные случаи и возможны, но могутъ быть крайне рѣдкими. Описанное же г. Большаковымъ сліяніе пахотными угодьями самостоятельныхъ такъ сказать селеній никогда само по себѣ не ведетъ въ соединенію въ одну пахотную общину. Такіе примѣры теперь не наблюдаются да по существу они и не возможны. Нѣчто подобное могло на-

¹⁾ Эти положенія г. Большакова я подчеркивалъ въ первой своей цитатѣ изъ его брошюры.

блюдаться только въ стародавнія времена, въ эпоху образованія крупныхъ (иногда до 300 и бол. дворовъ) зырянскихъ поселеній изъ отдельныхъ посемейныхъ выселковъ. Впрочемъ, дальше, на стр. 75 и сл., г. Большаковъ самъ разбиваетъ свое положеніе о „соединеніи простыхъ общинъ“. Хотя здѣсь онъ какъ будто говорить „въ будущемъ времени“ и видѣть теперь лишь „зачатки“ разложенія составной общини, но на это даетъ ему возможность исключительно неправильное освѣщеніе фактической стороны земельно-хозяйственной жизни.

Я далеко не могъ исчерпать въ этой краткой замѣткѣ всѣхъ тѣхъ фактовъ, положеній и выводовъ г. Большакова, которые или прямо неправильны, или возбуждаютъ крупное сомнѣніе. Но онъ въ заключеніи рекомендуетъ „заглянуть“ въ свою работу „тѣмъ лицамъ, на долю которыхъ выпадаетъ поземельное устройство зырянъ“ и при этомъ высказываетъ въ своемъ резюме,— „что должно вмѣтъ въ виду этимъ дѣятелямъ“...

Ничего конечно не имѣя противъ того, чтобы „заглянуть“ въ работу г. Большакова, и даже рекомендуя это сдѣлать непремѣнно, я, однако, долженъ повторить къ свѣдѣнію будущихъ дѣятелей поземельного устройства зырянъ, что „заглядывать“ въ работу г. Большакова слѣдуетъ непремѣнно съ острымъ критическимъ скѣпелемъ въ рукахъ.

В. Ф. Поповъ.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

(Продолженіе).

Донесеніе о торговлѣ.

Въ донесеніи вашему сіятельству отъ 11 прошлаго февраля, изложивъ подробности, относящіяся собственно до путешествія моего въ западные города Китая, Чугучакъ и Кульджу, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія и наблюденія моя по части торговли, производимой чрезъ Семипалатинскъ¹⁾ съ западными областями Китая.

Нужнымъ считаю представить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, дабы дать яснѣйшее понятіе о сей торговлѣ, нынѣшнѣмъ ея состояніи и основаніяхъ, на коихъ она производится. Свѣдѣнія сіи тѣмъ необходимѣ, что обѣ образы производства ея существуютъ довольно сбивчивыя понятія и она въ подробности еще не была изслѣдована.

Взглядъ на прежнее состояніе сей торговли. Не входя здѣсь въ историческія розысканія о началѣ торговыхъ нашихъ сношеній съ западными владѣніями Китая, не распространяясь о предметѣ, который далеко бы отвлекъ отъ главныхъ и существенныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросовъ, я долгомъ поставляю только изъяснить, что торговля наша съ мѣстами, гдѣ нынѣ Чугучакъ и Кульджа, т. е. съ бывшою Джунгаріею, или Зюнгоріею, и городами Восточнаго Туркестана производилась издавна: караваны наши еще въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія ходили въ такъ называемую Калмыцкую Ургу (мѣстопребываніе Джунгарскихъ контайшеръ, или владѣльцевъ), гдѣ была довольно

¹⁾ Подъ Западными областями Китая разумѣются здѣсь: Илійская область (бывшая Джунгарія), въ коей находятся города: Чугучакъ, Кульджа, Урумчи, Баркюль, Хами и проч., и Кашкарія, или Восточный Туркестанъ, гдѣ главные города суть: Кашгаръ, Яркентъ, Аксу, Хотенъ и другие.

значительная по тогдашнему времени мѣна товаровъ. Купцы проникли даже въ Урумжи, одинъ изъ богатыхъ городовъ вынѣшней Иллайской области, лежащей ближе къ внутреннимъ Китайскимъ провинціямъ. Къ намъ также приходили тогда караваны изъ Зунгоріи, и главный торгъ ихъ былъ въ крѣпостяхъ Ямышевской и Семипалатной. Но, по завоеваніи сей страны китайцами, что послѣдовало въ 1755 году, торговля эта совершенно прекратилась: изъ указа 1762 года видно, что за не-приходомъ болѣе каравановъ изъ Зунгоріи велѣно было даже распустить всѣхъ таможенныхъ служителей въ таможняхъ Семипалатинской и Ямышевской¹⁾.

Въ послѣдствіи времени, и по основаніи уже китайцами, на новыхъ западныхъ предѣлахъ ихъ, городовъ Кульджи (Или) и Чугучака (Тарбагатая), торговля опять стала возникать, но уже въ другихъ видахъ и, такъ сказать, *тайная*. — Поелику никакими трактатами Россіи съ Китаемъ не было установлено торговли въ помянутыхъ мѣстахъ, и какъ съ другой стороны мѣновой въ нихъ торгъ свободно былъ разрѣшены киргизамъ,— то купцы (бѣльшою частію азіаты, у нась проживавши) пріѣзгнули къ посредничеству киргизовъ и султановъ ихъ и чрезъ нихъ проложили себѣ первую дорогу въ западные китайскіе города. Они для этого брали письма отъ помянутыхъ султановъ къ мѣстнымъ китайскимъ властямъ (къ чугучакскому амбаню и къ кульджинскому джанджуну, или главновомандующему); брали также нѣкоторые къ нимъ подарки, состоявшіе обыкновенно въ лошадяхъ, и отъ имени султановъ, *и какъ бы съ ихъ товарами*, являлись уже въ Чугучакъ и Кульджу и производили тамъ торгъ свой. Но потомъ торговля въ Западномъ Китаѣ разрѣшена была и анъджанамъ (хокандцамъ и ташкентцамъ), и обычай брать письма мало по малу отмѣнился, или сдѣлался одною пустою формою. Когда именно разрѣшена была со стороны китайскаго правительства торговля ташкентцамъ и хокандцамъ, съ точностью неизвѣстно; но достовѣрно, что она имъ позволена.

Нынѣшнєе состояніе торговли съ Западнымъ Китаемъ. Первые обороты наши съ западомъ Китая, какъ и естественно, были весьма слабы: русские купцы вѣбсе почти въ оныхъ не участвовали, кроме татаръ и ташкентцевъ. Главнѣйшая торговля производилась киргизскимъ скотомъ, вымѣниваемымъ купцами отъ киргизовъ и потомъ сбиваемымъ въ Чугучакъ и Кульджѣ на дѣбы,

¹⁾ Объ этомъ упоминается въ Историческомъ описаніи Россійской коммерціи Чулкова, Т. III, Кн. II, стр. 329.

бязи, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай (въ мѣшкахъ). Еще въ 1825 году весь отпускъ нашъ по семипалатинской таможнѣ не превышалъ 256,097 р. асс. (73,170 р. 57 к. сер.), включая тутъ и товары, которые частію шли въ Киргизскую степь и Хокандъ. Но около этого времени вывозъ нашихъ пропиаведеній, особенно же нанки, полуситца, сукна и металлическихъ издѣлій, постепенно сталъ возрастать; а съ 1837 года сталъ являться въ этой торговлѣ (изъ привозныхъ статей) байховый чай, который съ 1839 года замѣтно началъ возрастать, что придало торговлѣ новое движение.

Оборотъ торговли. Впрочемъ, торговля эта и теперь въ сущности еще незначительна и далеко не соответствуетъ нашимъ ожиданіямъ. Я имѣю честь при семъ представить четыре вѣдомости, полученные изъ семипалатинской таможни обѣ отпускныхъ и привозныхъ чрезъ сю таможню товарахъ, начиная съ 1825 года по 1844-й включительно, и особо двѣ вѣдомости за 1845 годъ. Таблицы сіи представляютъ весь ходъ торговли за послѣднія 20 лѣтъ и изъ нихъ видно, что въ настоащее время оборотъ нашъ съ Западнымъ Китаемъ простирается на сумму 230,536 р. 17 к. сер., по отпускнымъ статямъ, и на 254,617 р. 70 к. сер. по привознымъ изъ Китая, *а всего на 485,153 р. 80 к. сер.* Доходъ же семипалатинской таможни (собственно по торговлѣ же съ западными городами Китая) можно полагать въ 56 тыс. р. сер. по привознымъ и отвознымъ товарамъ¹⁾.

Предметы отпуска. Главные предметы отпуска суть: изъ шерстяныхъ издѣлій — сукно, которого въ прошломъ году вывезено 11,928 арш. (на 17,936 р. сер.) и драпедамъ, который сталъ идти только съ недавнаго времени; изъ бумажныхъ же нанка, составляющая постоянно одну изъ главныхъ статей отпуска (ея отправляется до 500 т. арш., на сумму до 80 тыс. р. сер.), полуситецъ, вейвереть, или плисъ, миткаль, коленкоръ, платки и т. п.; изъ кожевенныхъ — юфтевый кожи. Затѣмъ отправляется еще не малое количество разныхъ желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ издѣлій: котловъ, тагановъ, тагильскихъ подносовъ, столовъ и т. п. Прочія статьи отпуска состоять въ разныхъ мелочахъ, какъ то: въ фарфоровой посудѣ, мышурѣ, сундукахъ и проч.

¹⁾ Всѣ таможенные доходы за 1845 годъ простирались до 67,848 р. 53 коп. серебромъ; но въ этомъ числѣ заключаются и сборы по торговлѣ съ киргизскою степью и Хокандомъ; послѣдніе составляли въ прошломъ году 11,800 р. сер. съ небольшимъ.

Относительно сихъ отпускныхъ нашихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что большая часть ихъ суть весьма грубыя произведения фабричной и заводской промышленности: сукно лучшее, какое идеть въ Чугучакъ и Кульджу, стбить не свыше 4 р. 50 к. асс. (Мизиритскихъ суконъ вовсе еще не идеть въ сю торговлю); плисъ и большая часть бумажныхъ издѣлій (платки, миткаль, коленкоръ, ситецъ) — такой же низкой доброты. Вообще всѣ эти товары не могутъ выдержать никакого сравненія съ кяхтинскими; но тѣмъ не менѣе сбыть ихъ полезенъ и необходимъ для нашихъ фабрикъ и поддержанія мелкой фабричной промышленности. Замѣчательно еще, что многихъ предметовъ, которые въ кяхтинской торговлѣ составляютъ немаловажные статьи и которыхъ китайцы съ той стороны постоянно требуютъ, вовсе не идеть въ этой торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ; такъ, наприм., вовсе не идеть чешуйки, мало, или почти не идеть тика, — двухъ статей, которые въ кяхтинской отпускной торговлѣ занимаютъ важное мѣсто; то же слѣдуетъ сказать о сафьянахъ и козлахъ. Пушныхъ товаровъ, которые въ огромномъ же количествѣ требуются на Кяхтѣ, также съ этой стороны вовсе не сбываются, а напротивъ, наши купцы вывозятъ изъ Кульджи нѣкоторые пушные товары, какъ, напр., лисицъ и волковъ, доставляемыхъ въ Чугучакъ и Кульджу киргизами.

Привозныя статьи. Привозныя же статьи изъ Китая главнейше состоятъ: въ байховомъ черномъ, или такъ называемомъ торговомъ чаѣ, въ кирпичномъ чаѣ, въ бумажныхъ издѣліяхъ (дабахъ и базахъ) и въ шелковыхъ материахъ (канфахъ, канчахъ, фанвахъ, чучунчахъ и т. п.). Байховый чай началъ идти, какъ выше сказано, съ недавнаго времени и хотя по сравненію съ количествомъ кяхтинского чая его вывозится еще незначительныя пропорція (по вѣдомостямъ семипалатинской таможни въ 1845 году вывезено было 1.637 пудовъ); но тѣмъ не менѣе онъ уже въ послѣдніе годы сталъ занимать первое мѣсто между привозными товарами изъ Чугучака. Въ Кульджѣ же торговля имъ (для китайцевъ вообще весьма выгодная) также начинаетъ усиливаться; но доселъ въ Кульджѣ главные товары суть шелковые материаи и бязи; изъ Чугучака же шелковыхъ материаи вовсе почти не идеть, и въ этомъ главная разница между чугучакскимъ и кульджинскимъ рынками по предметамъ вывоза. Прежде изъ западнаго Китая не мало также шло къ намъ серебра въ слиткахъ, или такъ называемыхъ ямбъ (его привозилось болѣе 200 пудовъ, какъ въ 1831 и 1833 годахъ); но теперь эта статья значительно упала, и серебра, по срав-

иеню съ прежними годами, доставляется уже немного. (Въ прошломъ году было всего въ привозѣ 43 пуда).

Кто торговцы съ нашей стороны. Производители теперь нашей торговли съ Чугучакомъ и Кульджею суть главныйше ташкентцы, съ давняго времени поселившіеся въ Семипалатинскѣ, и наши татары. Изъ русскихъ купцовъ по сіе время участвуютъ въ ней еще весьма не многіе, и тѣ обыкновенно посылаютъ свои товары чрезъ ташкентцевъ же и татаръ, не отваливаясь сами ъздить въ Чугучакъ и Кульджу. Только два три купца отправляютъ свои товары съ русскими прикащиками, и то въ одинъ Чугучакъ; въ Кульджу же почти исключительно ъздать наши ташкентцы, и вся кульджинская торговля находится, можно сказать, въ ихъ рукахъ: изъ русскихъ въ ней участвуетъ только купецъ Самсоновъ, посылающій туда свои товары съ прикащикомъ. О ташкентцахъ слѣдуетъ однако же замѣтить, что доколѣ наша торговля съ Чугучакомъ и Кульджею не учредится на законныхъ основаніяхъ, азіатцы эти необходимы для торговыхъ сношеній съ западомъ Китая: безъ нихъ кульджинская торговля для насть не существовала бы.

Немногіе русскіе, которые ъздить теперь въ Чугучакъ (помянутые три прикащика и еще человѣкъ пять мелкихъ торговцевъ) являются туда подъ видомъ азіатцевъ, переодѣтые въ азіатское платье. Китайцы, впрочемъ, очень хорошо знаютъ, что они русскіе и сами торговцы наши нисколько этого не скрываютъ. Въ Чугучакъ, напр., я явился хотя тоже въ азіатскомъ платьѣ, но подъ русскимъ именемъ и объявилъ прямо въ китайской таможнѣ, что я русскій. Китайскій чиновникъ при этомъ только съ улыбкою замѣтилъ, что русскимъ не позволено пріѣзжать въ Чугучакъ и затѣмъ безпрепятственно допустить къ тorgu. Доступность Чугучака для природныхъ русскихъ, конечно, есть явленіе довольно пріятное, но оно еще ничего особенного не доказываетъ, какъ увидимъ далѣе, и нисколько не ручается за развитіе сей торговли: доступность эта должна покупаться немалыми пожертвованіями и сопряжена съ разными уничтоженіями.

Большихъ капиталистовъ вовсе еще нѣть въ этой торговлѣ: самыми значительными купцами въ ней считаются: помянутый купецъ Самсоновъ, ведущій тorgъ съ Кульджею и посылающій товаровъ всего на 20 т. р. сер., и Ибрагимъ Амирзовъ (изъ азіатцевъ), торгующій исключительно съ Чугучакомъ на сумму не болѣе 15 т. р. сер. Изъ прочихъ купцовъ кто торгуетъ тысячи на четыре, кто на пять; остальные и вообще вся масса

суть ничто иное какъ мелочники, которыхъ въ Чугучакъ и Кульджу, и особенно въ первый изъ сихъ городовъ ѿздить весьма не мало. Для большаго сбыта всякихъ грубыхъ нашихъ издѣлій они также народъ полезный, но нельзя съ другой стороны не сознаться, что мелочники эти, дабы сбыть только скорѣе товаръ свой, портить цѣны на русскія произведения, и тѣмъ наносить немалый вредъ этой торговлѣ. Если въ послѣднее время китайскіе товары и въ Чугучакѣ стали доставаться нашимъ купцамъ не дешево, такъ что имъ, безъ особыхъ незаконныхъ продѣлокъ, трудно иногда сводить концы съ концами, то это явленіе надобно главнѣйше приписать наводненію чугучакскаго рынка всякимъ мелкимъ торговющимъ народомъ, хотя тутъ есть и другія еще причины, о коихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Торговля съ китайской стороны представлена теперь купечеству. Съ китайской стороны производители торговли въ Чугучакѣ и Кульджѣ суть теперь китайскіе купцы. Прежде вся эта торговля была исключительно въ рукахъ мѣстнаго китайскаго начальства: пріѣзжавшіе иностранные купцы не иначе могли сбывать пригоняемый ими для промѣна скотъ и разные товары, какъ въ китайскую казну, которая платила за оные дабами и бязами; на сторону же, т. е. китайскимъ купцамъ, дозволялось продавать только то малое количество товаровъ, которое оставалось за промѣномъ въ казну. Отъ этого купцы, пріѣзжавшіе съ русскими товарами, прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы скрывать отъ взоровъ китайскаго начальства небольшую частицу лучшихъ своихъ товаровъ, за которые отъ казны назначалась та же плата, какъ и за самые посредственные, они прятали ихъ въ своихъ юртахъ, въ землю и т. п. — (Получаемые китайской казною товары обращались въ жалованье пограничному войску и китайскимъ чиновникамъ; лучшіе изъ нихъ, разумѣется, разбирались джанджуномъ, амбанемъ и таможенными чиновниками. Вымѣниваемые же бараны, рогатый скотъ и лошади, за употребленіемъ изъ всего этого сколько надобно было на казенные надобности, передавались въ казенные китайскіе табуны, содржимые калмыками въ окрестностахъ Чугучака и Кульджи). — Но съ большими впослѣдствіи развитіемъ торговли, съ большими противъ прежняго приливомъ разныхъ мануфактурныхъ товаровъ, которые по времени взяли верхъ надъ торговлею киргизскимъ скотомъ, а можетъ быть и вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ азіатскаго купечества на притѣсненія китайскихъ чиновниковъ, отъ произвола коихъ за-

вистъло назначеніе цѣнъ товарамъ, правительство китайское сочло, наконецъ, нужнымъ измѣнить эти правила и *передать торговлю въ руки китайскихъ купцовъ*. Первоначально измѣненіе это послѣдовало въ Чугучакѣ, гдѣ уже лѣтъ десять купцы наши имѣютъ дѣло съ пріѣзжающими туда китайскими торговцами; въ китайскую же казну представляютъ только, въ видѣ пошлины, десятую часть изъ каждого привезенного ими товара, и то, впрочемъ, не даромъ, а за назначаемую китайскимъ начальствомъ половинную цѣну (сія половинная цѣна опредѣлена, сообразуясь съ базарными цѣнами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ взятыми, изъ чего составлено рѣдъ тарифаго положенія). Въ Кульджѣ же новый этотъ порядокъ (дозволеніе продавать китайскимъ купцамъ) возымѣлъ свое дѣйствіе только съ прошлаго 1845 года. Тамъ сдѣлано еще противъ Чугучака то облегченіе, что половинная цѣна за товаръ, *поступающій въ пошлину*, назначена, вслѣдствіе особенного ходатайства нашего каравана, большая нежели, какая опредѣлена въ Чугучакѣ.

Вольную торга еще нѣтъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ. Конечно, всѣ эти измѣненія для торговли благопріятны; купцы въ силу оныхъ до нѣкоторой степени болѣе противъ прежнаго избавлены отъ прижимокъ китайскихъ чиновниковъ; они могутъ также привозить товары въ большемъ количествѣ, имѣя дѣло уже не съ одною казною (потребности коей въ товарахъ всегда ограничены); могутъ привозить и лучшаго качества товары, продавая ихъ по вольной цѣнѣ. Если торговля развилась въ послѣднее время противъ кульджинской, то это должно отчасти приписать вышеизѣяннѣемъ перемѣнамъ. *Притѣсненія со стороны китайскихъ властей.* Но со всѣмъ этимъ вполнѣ вольного торга, свободныхъ и безпрепятственныхъ сношеній съ китайскимъ купечествомъ, еще не существуетъ: торговля все еще находится, таъ сказать, въ вогтяхъ китайскихъ чиновниковъ, и почти во всемъ зависитъ отъ ихъ произвола: прежде нежели наприм., разрѣшается купцамъ торгъ съ китайцами, отъ нихъ (кромѣ товаровъ, слѣдующихъ въ пошлину) вымогаются еще разныя вещи для джанджуна, для амбана, для разныхъ чиновниковъ, и разумѣется, по цѣнамъ весьма низкимъ и въ явный для купцовъ убытокъ; если же послѣдніе не соглашаются отдать за сія низкія цѣны, то начинаются разнаго рода прижимки и притѣсненія. Примѣровъ подобныхъ самопроизвольныхъ поступковъ, грубаго обращенія и обидъ нашему купечеству со стороны китайскихъ чиновниковъ можно бы привести множество;

но довольно сказать, что во время прошлогодняго торга въ Кульджѣ всѣхъ нась, за то только, что не соглашались вдругъ безусловно на всѣ новые торговые постановенія китайцевъ и просили сбавки пошлины, китайское начальство продержало почти цѣлый мѣсяцъ въ осадномъ положеніи, не пропуская ни хлѣба для нась, ни корма для нашего скота. Бывали даже при мѣры, что пріѣзжавшихъ изъ Россіи купцовъ (по счастію не русскихъ, а азіатцевъ) китайское начальство, безъ всякихъ съ ихъ стороны проступковъ, а за то только, что не удовлетворяли иногда его корыстолюбію, подвергало, подъ самыми пустыми предлогами, тѣлесному наказанію¹⁾). Въ самомъ взиманіи товаровъ, поступающихъ въ пошлину, существуетъ тотъ же произволъ и стѣсненіе: по положенію слѣдуетъ брать одну десятую съ каждого товара за полцѣны; между тѣмъ въ Чугучакѣ, наприм. въ прошломъ году, съ предъявленныхъ мною товаровъ взято было съ иныхъ гораздо болѣе нежели сколько слѣдовало по ихъ количеству, съ другихъ же, которые китайскимъ чиновникамъ не нравились, вовсе ничего не было взято, и за все назначена была цѣна произвольная: за мизиритское сукно, плисъ и другіе товары, въ пошлину отъ меня поступившіе, назначена была полудѣна, какъ за подобныя же издѣлія, несравненно низшаго качества, которыхъ были предъявлены прочими купцами.

Послѣ всего этого легко вообразить себѣ, можетъ ли пропытать торговля въ этихъ мѣстахъ, при такомъ положеніи ея! можетъ ли привлечь она капитальныхъ модей, безъ коихъ значительной торговли никогда и нигдѣ не существовало!

О пошлинахъ съ Русскихъ товаровъ. О товарахъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ правительствомъ въ пошлину, долгомъ считаю еще присовокупить, что назначеніе ихъ то же, какое было и при прежнемъ порядкѣ сей торговли, т. е. лучшіе изъ нихъ идутъ въ карманъ джанджуна и прочихъ китайскихъ властей; другіе же, и весьма уже въ маломъ теперь количествѣ, поступаютъ на жалованье пограничному китайскому войску. Вообще китайская казна тутъ мало выигрываетъ; главный же сборъ ея — собственно съ китайскихъ купцовъ, вымѣнивающихъ отъ нась товары. Сія послѣдняя пошлина (съ китайскихъ купцовъ)

¹⁾ Такимъ образомъ въ 1839 г., въ Кульджѣ начальнику нашего караавана, прибывшаго изъ Семипалатинска, ташкентцу Мирвотѣ, дано было вѣсколько ударовъ плетью за то только, что онъ пустить въ свою юрту китайского купца прежде, нежели окончена была торговля съ китайской казною.

взимается уже не товарами, а деньгами, съ цѣны, по какой вымѣненъ ими товаръ. Она довольно значительна, по 3 фынъ съ сари; это составляетъ около 8%.

Образъ производствъ самого торга. Что касается до образа производства сей торговли, до самого механизма ея, то по сему предмету слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что ни въ Чугучакѣ, ни въ Кульдѣ для промѣна китайцамъ нашихъ товаровъ не составляется между нашими купцами никакого предварительного *положенія* (по чѣмъ отдавать свой товаръ и по чѣмъ принимать китайскій): всѣ товары, по привозѣ, представляются въ китайскую таможню и по очисткѣ ихъ пошлиною, по выдачѣ чего слѣдуетъ джанджуну, амбаню и прочимъ чиновникамъ, всякий уже промѣнивается по какой хочетъ цѣнѣ китайскимъ купцамъ, не будучи удержаны никакими постановленіями купечества. Самый же промѣнъ дѣлается такимъ образомъ: что сначала русскій и китайскій купцы производятъ расцѣнку своимъ товарамъ; потомъ окончательно условливаются, — и всѣ наединѣ, — какой именно товаръ и сколько какого получить въ обмѣнъ. Расцѣнка товаровъ въ Чугучакѣ дѣлается на дабы, замѣняющія тамъ ходачую монету; въ Кульдѣ же на серебро. Главная при всемъ этомъ трудность съ нашей стороны бываетъ — склонить китайца дать такой именно товаръ, а не другой; что же касается до самыхъ цѣнъ, то оныя довольно скоро устанавливаются (базарныя цѣны на всѣ главныя статьи)¹⁾ и только на первыхъ порахъ, при открытии торга, подаютъ поводъ въ нѣкоторымъ спорамъ и возраженіямъ. Обыкновенно китайсіе купцы желаютъ болѣе сбыть байхового чая; наши же купцы, напротивъ того, въ количествѣ вымѣниваемаго товара желаютъ болѣе получить дабъ и кирпичнаго чая, такъ какъ эти статьи представляютъ вѣрный и выгодный сбыть, расходясь въ значительномъ количествѣ между киргизами и по всей нашей линіи.

Не смотря, однако, на нѣкоторую теперь неохоту нашихъ купцовъ брать отъ китайцевъ чай, торговля приняла въ послѣднее время такой оборотъ, особенно въ Чугучакѣ, что купцы находятся въ необходимости брать главнѣйше отъ китайцевъ это произведеніе, т. е. байховый чай ихъ. Въ Чугучакѣ прошлаго года купцы наши къ концу расторожки даже ничего другаго не могли уже получить отъ китайцевъ въ обмѣнъ на свои произведенія, кромѣ чая.

¹⁾ Но цѣны, разумѣется, не такія, какія могли бы устанавляться, если бы составлялось между нашими купцами *Положеніе о промѣнѣ товаровъ*.

О цѣнахъ на Русскіе и Китайскіе товары и проч. Представляю при семъ выписку изъ особаго отчета о промѣненныхъ въ Чугучакѣ и Кульдѣ товарамъ. Изъ нея можно видѣть, по чѣмъ расцѣнены были русскіе товары и по чѣмъ китайскіе, поступившіе въ обмѣнъ на оные. Прилагаю также записку о цѣнахъ вообще на главные русскіе и китайскіе товары въ помянутыхъ двухъ городахъ, съ разными замѣчаніями на оные китайскіе купцовъ.

Въ Кульдѣ, кромѣ мѣны, существуетъ также и продажа на чистыя деньги; но уже это болѣе для всякихъ мелочныхъ статей, выставляемыхъ для покупателей всѣхъ классовъ. На сихъ мелочахъ торговцы получаютъ иногда значительныя прибыли.

Относительно цѣнъ на наши товары въ Чугучакѣ и Кульдѣ можно вообще сказать, что они довольно выгодны *съ сравненіемъ съ ихъ покупными цѣнами*; но такъ какъ вѣрный расчетъ о выгодности или невыгодности торга можно только сдѣлать по окончанію всего оборота,—по сбытѣ въ Россіи вымѣненнаго китайскаго товара,—то рассматривая съ этой точки, выводы не всегда будутъ въ пользу нашего купечества. Вообще промѣнъ товаровъ, особенно въ Чугучакѣ, теперь уже не таъ сдѣлалася для торговцевъ прибыль, какъ было прежде тому нѣсколько лѣтъ, и главною причиной, что китайскіе товары въ послѣднее время значительно поднялись въ цѣнахъ ихъ, особенно чай, составляющій теперь, какъ выше было замѣчено, главную статью привозной нашей торговли. Обстоятельство это, въ соединеніи съ тѣмъ, что въ Ирбитѣ, главномъ мѣстѣ сбыта семипалатинскихъ чаевъ), цѣна на чай осталася прежняя и по сравненію съ цѣною на Нижегородской ярмаркѣ весьма низкая, дѣлаетъ то, что торговля чаемъ не можетъ для семипалатинскихъ купцовъ представлять особыхъ выгодъ, а напротивъ, вести иногда къ явнымъ убыткамъ¹⁾). Купцы, однако, же умѣ-

¹⁾ Представляю здѣсь расчетъ по вымѣнѣ чая въ Чугучакѣ, въ прошломъ 1845 году, на нанку,—главный нашъ товаръ въ Западномъ Китаѣ.

На ящикъ чернаго чая, въ 80 фунтовъ, обыкновенно даютъ 14 кусковъ нанки (она расцѣнивается, при промѣнѣ, въ 11 дабъ за кусокъ; чай же (изъ обыкновенныхъ сортовъ)—въ 150 дабъ ящикъ въ 80 ф. вѣсомъ; итого выходить 14 кусковъ нанки за ящикъ чая). Нанка эта стоять русскому купцу (считая по 35 к. ас. за аршинъ, а за кусокъ въ коемъ 40 арш.,—14 р. ас.)—196 р. ас. За провозъ ея отъ Ирбита до Семипалатинска, считая по 3 р. съ пуда, за 2 пуда (вѣсъ 14 кусковъ нанки)—6 р. ас. За провозъ отъ Семипалатинска до Чугучака (по 1 р. 50 к. ас. съ пуда)—3 р. ас. Прѣвѣдъ и содержаніе себя въ пути, а также кормъ работниковъ и проч., на что примѣрно

ють уравновешивать сія невыгоды провозомъ вымѣненнаго ими чая помимо таможни, чemu обширность нашей границы даетъ всѣ средства. Огромная контрабанда по Сибирской линіи есть фактъ, не подлежащий сомнѣнію и всѣмъ известный. Таможенное начальство не разъ уже о семъ представляло, изыскивавъ разныя мѣры пресѣченію сей контрабанды; разумѣется, обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значительности сей контрабанды скажу только, что байхового чая по семипалатинской таможнѣ за 1845 годъ показано было въ привозѣ и дѣйствительно въ оную предъявлено 1.637 пудовъ (что, по свѣдѣніямъ изъ той же таможни, составляетъ 1.002 ящика); между тѣмъ какъ одинъ только китайскій купецъ въ Чугучакѣ, по собственнымъ словамъ его, промыниваетъ ежегодно нашимъ купцамъ до 1.000 ящиковъ чая. Количество всего вымѣниваемаго нашими торговцами въ Чугучакѣ и Кульдѣ чая можно по самой малой мѣрѣ полагать въ 6 т. ящиковъ¹). Изъ этого можно видѣть сколь велика, по нашей Сибирской линіи контрабанда чаемъ. Непріятнѣмъ всего этого послѣдствіемъ то, что честнымъ торговцамъ трудно вести эту торговлю²): они всегда противъ торгующихъ контрабанднымъ образомъ останутся въ накладѣ, и тѣмъ болѣе, что по теперешнему обороту торговли, также должны будутъ брать отъ китайцевъ преимущественно чай. Обстоятельство это въ совокуп-

---

надобно положить 10 к. на рубль,—20 р. ас. Итого 225 р. ас., или 64 р 29 к. сер., не считая еще процентовъ, которые купецъ долженъ заплатить за взятый имъ товаръ, такъ какъ почти всѣ они торгаютъ въ долгъ.

На нанку эту купецъ получаетъ, какъ выше сказано, ящикъ байхового чая въ 80 фун. Расходы по сему вымѣненному товару слѣдующіе: заширка ящика — 2 дабы, или на наши деньги 4 р. ас. Провозъ отъ Чугучака до Семипалатинска (считая въ ящикѣ съ укупоркою 3 пуда, а за пудъ по $1\frac{1}{4}$ дабы) — $3\frac{3}{4}$ дабы, или 7 р. 50 к. асс. Пошлина за 80 фунтовъ сего чая по 60 к. сер. съ фунта,—48 р. сер. или 168 р. ас. Провозъ отъ Семипалатинска до Ирбита за 3 пуда — 9 р. ас.—Итого (не считая издержекъ по своему проѣзду и содержанію въ обратный путь) 188 р. 58 к. ас., или 53 р. 86 к. сер.

Итакъ, чтобы выручить цѣнность поступившаго въ промѣнѣ за ящикъ чая товара своего и всѣ издержки посему обороту (пошлины, провозные и другія) купцу, по самому строгому расчету, надобно получить за вымѣненный имъ чай 413 р. ас. (118 р. сер.). А цѣна чая въ Ирбите 320 р. ас. и никакъ не болѣе 350 р. ас. за ящикъ. Слѣдственно купецъ не только не выручаетъ своихъ денегъ, но даже теряетъ около 30 р. сер. на каждый ящикъ чая.

1) Изъ Бульдомы вывозится не болѣе 500 ящиковъ.

2) Трудно вести *при теперешнемъ ея положеніи*, когда она вся въ рукахъ мелкихъ торговцовъ и законнымъ образомъ не установлена.

ности съ разными другими, тоже не можетъ *от настоящемъ положеніи вещей* слишкомъ заманивать порядочныхъ людей въ сюю торговлю, гдѣ не только не представляется имъ особенныхъ выгодъ (не смотря на всѣ трудности, униженія и притѣсненія, какимъ они должны подвергнуться въ китайскихъ городахъ), по явный даже убытокъ, если только будутъ вести дѣла свои частнымъ образомъ. Уменьшеніе контрабанды, при учрежденіи сей торговли на нравильныхъ основаніяхъ (если когда-нибудь къ этому приступятъ) составляетъ важный вопросъ *от этого дѣла*.

На возвышение цѣнъ на китайские товары отчасти дѣйствуетъ и то, что не составляется, какъ выше было замѣчено, между купцами Положенія о промѣнѣ товаровъ на мѣстѣ, отъ чего мелочники особенно портятъ цѣны. Но дѣло въ томъ, что Положеніе это, о коемъ нѣкоторыя изъ купцовъ уже не разъ помышляли, если и можетъ быть составляемо, то только въ Кульджѣ, гдѣ болѣе между ними единства и порядка; а въ Чугучакѣ (гдѣ теперь главный нашъ рынокъ) весьма трудно это сдѣлать и даже, при настоящемъ положеніи вещей, не возможно: по близости Чугучака отъ нашей границы туда пріѣзжаетъ, въ теченіе всего лѣта, множество всякаго народа: и ташкентцы, и бухарцы, и киргизы, и бѣглые наши татары; всѣ съ русскими товарами пріѣзжаютъ въ разное время: одинъ оканчиваетъ свои дѣла, тогда какъ другой только является и начинаетъ ихъ. При такомъ порядкѣ нельзя и думать о составленіи Положенія. Разумѣется это было бы легко и возможно, если бы *въ Чугучакѣ появилось болѣе капитальныхъ людей*, которые тогда привлекли бы къ себѣ главную массу китайскихъ товаровъ, и могли бы и дѣлать Положеніе и возвышать, при постоянныхъ и благоразумныхъ усиленіяхъ, цѣны на свои товары: въ нихъ рукахъ была бы, такъ сказать, вся оптовая торговля, а тѣмъ осталась бы мелочная, и все могло бы тогда принять другой оборотъ.

О караванныхъ путяхъ въ Чугучакъ и Кульджу. Довончу теперь всѣ эти замѣчанія о нашей торговлѣ съ Западнымъ Китаемъ нѣкоторыми подробностями о самыхъ торговыхъ путяхъ, ведущихъ въ Чугучакъ и Кульджу.

Пути въ Чугучакъ: Изъ Семипалатинска (главнаго и, можно сказать единственнаго пункта, чрезъ который торговля эта производится), ведутъ въ Чугучакъ два пути (оба лежать чрезъ Киргизскій степи): одинъ—чрезъ Кокбектинскій нашъ Цриказъ и чрезъ Тарбагатайскій хребетъ горъ, который обыкновенно

караваны переезжаютъ въ мѣстѣ, называемыи Сай-асу, и отъ коего по китайскимъ уже владѣніямъ идутъ до самаго Чугучака. Пространство собственно отъ Тарбагатая (южнаго его склона) до Чугучака составляетъ не болѣе 50 верстъ; весь же путь, по расчету нашихъ купцовъ, составляетъ 470 верстъ. Другой путь имѣть свое направленіе западнѣе, и именно: чрезъ Аягузскій Приказъ, и потомъ чрезъ такъ называемый Котель (переходъ чрезъ Тарбагатай), и далѣе, до самаго Чугучака, степями киргизовъ, считающиhsя именательно въ китайскомъ подданствѣ. Растояніе отъ Семипалатинска до Чугучака по сему послѣднему пути можно считать въ 512 верстъ. Здѣсь прилагаю маршруты какъ тому, такъ и другому изъ вышеозначенныхъ путей. Въ отношеніи къ разнымъ удобствамъ (коры для выночнаго скота, воды и проч.) какъ тотъ, такъ и другой путь равно удобны, мѣстѣ бѣльшею частию привольнія; самая же переправа черезъ Тарбагатай по Аягузскому тракту, т.-е. чрезъ Котель, удобнѣе нежели по Кокбектинскому, чрезъ Сай-асу, хотя и послѣдній не представляетъ особенныхъ затрудненій. Купцы однако же предпочитаютъ послѣдній трактъ, т.-е. Кокбектинскій, по большей его краткости. Оба сіи пути могутъ называться и тележными, хотя доселѣ главная масса товаровъ перевозится на верблюдахъ и только самая позначительная часть на телегахъ. Караваны употребляютъ на переходъ отъ Семипалатинска до Чугучака, чрезъ Кокбекты, 12 и не болѣе 15 дней; черезъ Аягузъ же идутъ двумя, или тремя днями болѣе. Обыкновенная цѣна за провозъ товаровъ отъ Семипалатинска до Чугучака 43 к. сер. съ пуда, а въ обратный путь—отъ 55 до 85 к. сер. (1 до $1\frac{1}{2}$ дѣбы); если же нанимать въ оба конца съ тѣмъ, чтобы въ Чугучакѣ пробыть не болѣе 15 дней, то возчики берутъ 1 р.. сер. съ пуда, или около того.

Путь от Кульджу. Путь въ Кульджу лежитъ чрезъ тотъ же Аягузскій Приказъ и чрезъ Котель, слѣдя до извѣстнаго пункта, называемаго Урджартъ, по той же дорогѣ, которая ведетъ изъ Аягуза въ Чугучакъ; съ Урджара же караваны, отдѣляясь отъ Чугучакскаго тракта, берутъ направленіе къ югу и слѣдуютъ мимо озера Алакуля, по восточной сторонѣ его, и далѣе—чрезъ разные хребты горъ: Тохтѣ (гдѣ начинаются уже китайскіе караулы), Канджигу и Талку, отъ коей до Кульджи не болѣе 40 верстъ. Путь этотъ, по случаю переправъ чрезъ отмеченныe высокіе хребты горъ, сопряженъ съ разными трудностями, которая при обратномъ слѣдованіи изъ Кульджи (что

обыкновено бывает въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ) увеличиваются отъ недостатка въ иныхъ мѣстахъ топлива и отъ скучности, мѣстами же, подножного корма. Растояніе отъ Семипалатинска до Кульджи по сену пути считаются приблизительно въ 830 верстъ. Его можно совершать въ 25 дней съ небольшимъ. Товары въ Кульджу иначе не возятся (по затруднительности вышеозначенныхъ переправъ чрезъ горы), какъ выюками на верблюдахъ. Цѣна за наемъ выючнаго верблюда, поднимающаго не болѣе 12 пудовъ клади, въ оба конца—70 р. асс., слѣдственно менѣе 6 р. асс. съ пуда; но купцы обыкновенно перевозятъ на собственныхъ своихъ верблюдахъ, которыхъ нарочно для этого содержать въ Киргизской нашей стечи.

Новый путь въ Кульджу. Кромѣ вышеозначенного пути въ Кульджу есть другой путь, гораздо удобнѣйшій, и именно: чрезъ такъ называемыя *Семь-рѣка*, или Большую Орду. Слѣдя по сему пути, караваны могутъ избавиться отъ трудностей, выше сего исчисленныхъ: по оному одна только переправа чрезъ Югантасъ (отрасль Алатаускаго хребта) и то нисколько незатруднительная; а затѣмъ — корма для скота, топлива, воды и т. п. въ изобиліи. Купцы однако же не ѻздятъ по сему тракту, опасаясь своеольства и всякихъ насилий со стороны киргизовъ Большой Орды. Въ прошломъ 1845 году учиненъ былъ мною первый опытъ слѣдованія по сему пути, изъ Кульджи въ Семипалатинскъ и опытъ этотъ вполнѣ убѣдилъ въ превосходствѣ сей дороги предъ тою, по коей доселѣ ходили наши караваны. Симъ двумъ путямъ въ Кульджу имѣю честь у сего же представить подробные маршруты.

Безопасны ли означенные пути? Что касается до вопроса о безопасности вышеозначенныхъ караванныхъ путей, то о Чугучакскихъ двухъ путяхъ можно вообще сказать, что слѣдованіе по онимъ до Тарбагатая, чрезъ стени нашихъ киргизовъ Средней Орды, совершенно безопасно. Но что касается до степей, лежащихъ по ту сторону помянутаго хребта горъ, гдѣ кочуютъ киргизы, известные подъ названіемъ Байджигитовъ, считающіеся въ китайскомъ, или, лучше сказать, ни въ чьемъ подданствѣ, то хотя ординцы эти въ послѣднее время сдѣлались противъ прежняго смиренѣе, но тѣмъ не менѣе мѣстѣ эти, (т.-е. все пространство отъ Тарбагатая до Чугучака) не могутъ еще считаться совершенно безопасными для слѣдованія каравановъ, по временамъ бывають тамъ со стороны Байджигитовъ шалости и грабежи: въ прошломъ году, при Котели, они ограбили нашего толмача изъ Аягускаго приказа, и неподалеку

отъ Сай-асу напали (прошлою же осенью) на небольшой караванецъ, возвращавшійся изъ Чугучака и принадлежавшій одному татарину, котораго убили. Чуть въ Кульджу (обыкновенный путь, по коему караваны доселѣ сѣдовали) пролегаетъ, по минованіи Тарбагатая, чрезъ кочевья тѣхъ же Байджигитовъ и потомъ чрезъ кочевья Кызайцевъ, которые считаются еще большими грабителями. По степямъ сихъ киргизовъ прежде караваны иначе не ходили какъ въ сопровождѣніи казачьей команды, которая, по распоряженію начальства, отряжалась для сего изъ Аягусского приказа, и только съ 1839 года (со времени поимки извѣстнаго своими разбоями сultана Сиванкула), купцы стали уже ходить одни, безъ казачьихъ командъ. Впрочемъ, они и теперь въ Кульджу иначе не могутъ пускаться, какъ всегда большими караваномъ. Обстоятельство это дѣлаетъ то, что въ Кульджу изъ Семипалатинска купцы отправляютъ караванъ только единожды въ годъ, (въ іюнѣ, или въ іюль мѣсяцѣ), тогда какъ въ Чугучакъ, по большей безопасности пути, торговцы ъздятъ безпрестанно, въ теченіе всего лѣта, небольшими караванами.

На счетъ же *новаго пути* въ Кульджу, чрезъ Семь-рѣкъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя купцы, считая сей путь самыи опасныи, доселѣ по оному не ъздили, но отношенія къ наимъ киргизовъ Большой Орды теперь начинаютъ измѣняться къ лучшему, и безопасность сего новаго пути будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ мѣръ, которая приметъ Правительство въ отношеніи къ помянутымъ киргизамъ.

Можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ сдѣлаться для насъ значительной? Изложивъ всѣ таковыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи торговли нашей съ Чугучакомъ и Кульджею,— свѣдѣнія, служащія вмѣстѣ и отвѣтомъ на вѣкоторые пункты данной мнѣ Инструкціи,—приступаю теперь къ главному и существенному вопросу, и именно: можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ развиться и сдѣлаться значительной?

Отвѣчу положительно и по внутреннему моему убѣжденію, что *можетъ*, если только будетъ существовать на другихъ основавіяхъ, если будетъ установлена правильнымъ образомъ, по обоюдному согласию нашего и китайского правительства.

Возраженіе, что она доселѣ не представляла ничего значительного, что въ теченіе десятковъ лѣтъ не развилаась въ желаемой степени, еще ничего не доказываетъ. Изъ нѣсколькихъ указаний, выше сего сдѣланныхъ на стѣнительное ея положеніе, уже видно, можетъ ли она желательнымъ образомъ раз-

виваться при теперешнемъ порядке вещей. Надобно еще удивляться, что она существуетъ.

Чтобы представить болѣе убѣдительные всему этому доводы, полагаю, что прежде надобно вникнуть въ вопросы: какъ велика въ Чугучакѣ и въ Кульдѣ потребность на наши произведения? Куда идуть оттуда наши товары? Велики ли рынки, тѣ оные сбываются китайскими купцами? Начну прежде съ изложенія свѣдѣній о мѣстахъ, потребляющихъ наши произведения въ Западномъ Китаѣ. Изъ всѣхъ показаній о семь китайцевъ и нашихъ купцовъ видно, что русскіе товары, по вымѣнѣ ихъ въ Чугучакѣ и Кульдѣ, отправляются китайцами *въ городъ Урумджи*, отстоящей отъ Чугучака на 15 дней караваннаго хода, а отъ Кульджи на 18. Урумджи, къ коему ведеть весьма удобная тележная дорога, есть одинъ изъ богатыхъ городовъ Илійской области. Тамъ находятся главныя конторы китайскаго купечества, производящаго торгъ въ Чугучакѣ и Кульдѣ и торгъ съ Кашкаріею. Товары наши, по полученіи, отправляются изъ Урумджи частію въ Кашкарію (въ города Яркентъ, Кашгаръ, Аксу, Хотенъ и другіе, гдѣ тоже у китайскихъ купцовъ имѣются конторы), а частію *во внутреннія провинціи* (западныя) Китая. Въ Кашкарію идутъ преимущественно всѣ бумажныя издѣлія, какъ то: нанка, ситецъ, коленкоръ, миткаль и т. п., а въ Китай,—въ провинціи, прилегающей къ Западнымъ его владѣніямъ,—часть нашихъ суконъ и драдедамовъ, а также плисъ, за распродажу другой ихъ части собственно въ Илійской области. Кожевенные же издѣлія, чугунныя и желѣзныя—главнѣйше расходятся между калмыками и зиргизами.

И такъ, для сбыта нашихъ произведеній на западѣ Китая, представляются: во-первыхъ, *Илійская область*, съ городами Чугучакомъ, Хами и другими; во-вторыхъ, *Кашкарія*, съ массою своего народонаселенія и съ многолюдными городами, выше сего означенными, и затѣмъ еще *внутреннія провинціи Китая*: Гань-су, Сы-чуань и другія. Что же касается до существующей во всѣхъ этихъ мѣстахъ потребности на наши произведенія и особенно на мануфактурныя, то достаточно сказать, что съ нѣкотораго времени проникли въ Кашкарію даже англинскіе товары и проникли въ значительномъ количествѣ, особенно миткаль, коленкоръ, ситецъ и драдедамъ. Китайскіе купцы, несмотря на огромность разстоянія до Кашкаріи отъ главныхъ мѣстъ закупа ими англинскихъ внутри Китая товаровъ, нашли для себя выгоднымъ дѣлать подобные обороты и отправлять помянутые товары въ

Кашкарію. Привозъ туда сихъ англинскихъ издѣлій, какъ сказывали мнѣ сами китайские купцы, въ послѣднее время съ каждымъ годомъ сталъ увеличиваться: одинъ торговый домъ въ Урумдже пересыпаетъ ежегодно въ Кашкарію не менѣе какъ 20 т. кусковъ англинского миткаля. Миткаль этотъ даже появился въ Кульджѣ, и я для образца вывезъ одинъ кусокъ онаго съ англинскимъ клеймомъ. Спрашивается: какимъ образомъ могли бы проникнуть эти товары въ край столъ для нихъ, по видимому, недоступный, проходить изъ Китая (не изъ Индіи), чрезъ всѣ внутреннія Китайскія провинціи, на Западную оконечность сего государства, во внѣшнія его области, если бы наніи произведенія удовлетворили потребностямъ жителей этихъ мѣстъ, которыхъ, по географическому положенію ихъ исключительно должны бы были снабжаться нашими товарами? (Отъ Кульдже до ближайшихъ городовъ Кашкаріи всего 10 дней караваннаго хода).

Замѣчательное также обстоятельство и которое тоже могло бы ручаться за развитіе торговли, если бы торговля была открыта—это, что всѣ китайские купцы, съ нами торгующіе въ Чугучакѣ и Кульджѣ, суть шансійцы, жители той же шансійской провинціи, изъ которой всѣ купцы, производящіе торгъ на Кахтѣ, и всѣ они, какъ и на Кахтѣ, торгуютъ также кампаниами, или торговыми домами, состоящими изъ нѣсколькихъ участниковъ. Главныя ихъ конторы, какъ выше сказано, находятся въ Урумдже, а урумджинскія завѣдываются находящимся отъ тѣхъ же торговыхъ домовъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ разныхъ городахъ Кашкаріи, посыпая отчеты въ Шанси, где остаются главные хозяева¹⁾). Въ Кульджѣ имѣется до 30 человѣкъ купцовъ отъ этихъ торговыхъ домовъ; въ Чугучакѣ же человѣкъ 10, или 15, но изъ нихъ три отъ домовъ весьма значительныхъ. Если бы въ Чугучакѣ и Кульдже болѣе привозилось нашихъ произведеній, то и китайскіе купцы могли бы доставлять своихъ товаровъ въ обмѣнъ сколько угодно; но привозить теперь, разумѣется, сообразуясь съ положеніемъ рынка, съ количествомъ нашихъ привозныхъ товаровъ. Это говорили мнѣ сами китайцы и справедливость словъ ихъ, между прочимъ, подтверждается и самимъ появленіемъ и распространеніемъ въ семипалатинской

¹⁾ Дорога отъ Урумдже до внутренніхъ провинцій Китая, сначала идетъ тѣлѣжная до города Хами, а далѣе до крѣпости Дзя-юй-гуань (до великой Китайской стѣны) хотя уже лежитъ черезъ пески, но къ переходу каравановъ не представляеть, по отзыву китайскихъ купцовъ, никакихъ особыхъ затрудненій; по ней товары обыкновенно возятся на верблюдахъ.

торговли байхового чая. Мы долгое время полагали, что чайной торговли съ западомъ Китая быть не можетъ, что тамъ могутъ вымѣниваться только нѣкоторыя бумажные и шелковые издѣлія, кирпичный чай и грубый сабель-чай; полагали такъ, основываясь на долголѣтнемъ опыте, на томъ, что въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, какъ существуетъ эта торговля, не привозилось къ намъ байхового чая. Но вотъ вдругъ купцы наши пожелали имѣть его; стали съ охотою разбирать первые появившіеся чаи и лишь только китайцы замѣтили это стремленіе и убѣдились въ возможности ввести сюю новую статью въ ихъ торговлю, какъ въ самое непродолжительное время стали привозить байхового чая, можетъ быть, въ большемъ количествѣ, нежели сколько купцы наши желали бы теперь имѣть его. Достойно также вниманія, что чай, который въ намъ идетъ изъ Чугучака и Кульджи, есть тотъ же фуцзянскій чай, т. е. добываемый въ Фуцзяни, (откуда идуть къ намъ всѣ байховые чаи), а не изъ другой какой либо провинціи, какъ нѣкоторые думали; это также мнѣ говорили сами китайскіе купцы. Они главнѣйше закупаютъ его въ Шанси отъ купцовъ, имѣющихъ непосредственный дѣлъ съ Фуцзяни, (вѣроятно отъ тѣхъ, которые производятъ торгъ съ Кяхтою, какъ главныхъ закупщиковъ чая въ Фуцзяни); но нѣкоторые китайскіе дома, въ Чугучакѣ и Кульдже торгующіе, недавно вошли сами въ непосредственный спошениіи съ Фуцзяни и стали отправлять туда своихъ комиссіонеровъ, для закуповъ чая. Теперь въ чугучакскую и кульджинскую торговлю идуть, изъ байховыхъ чаевъ, одни только торговые, или черные, которые съ каждымъ годомъ улучшаются, такъ что хорошие сорта ихъ не уступаютъ нисколько кяхтинскимъ. Цвѣточныхъ же чаевъ хотя еще нѣть въ оборотѣ сей торговли; но нѣкоторые китайскіе купцы уже дѣлали опыты ихъ вывоза и надобно ожидать, что со временемъ и сіи чаи будутъ тѣми же путями доставляться въ Семипалатинскъ.

Изъ всего вышеприведенного, кажется, не обинуясь можно вывести заключеніе: что торговля съ западными областями Китая можетъ разиться, при нѣкоторыхъ, разумѣется, для сего условіяхъ (если устраниются существующія препятствія).

Не произведетъ ли развиtie семипалатинской торговли вреда для кяхтинской? Здѣсь по порядку слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ: не повредить ли ея развиtie кяхтинской торговли? По сemu предмету прежде всего долгомъ считаю замѣтить, что мѣста потребленія въ самомъ Китѣ нашихъ произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ, совершенно иные нежели тѣ, гдѣ потребляются

русскія же произведенія, идущія черезъ Кяхту. Для первыхъ какъ выше сего было объяснено, представляются: Илійская область, Кашкарія и частью западныя провинціи внутренняго Китая; для кяхтинскихъ же товаровъ вся съвериа, а частію средняя и южная его полосы. Доказательствомъ сей разности мѣстъ потребленія нашихъ произведеній въ Китай (произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ и промыняемыхъ на Кяхтѣ), служить между прочимъ и то, что многія изъ статей весьма важныхъ въ отпускной кяхтинской торговлѣ, какъ наприм., чешуйка, тиѣ и всѣ пушные товары, не находятся въ торговлѣ семипалатинской; слѣдственно и въ самомъ Китай товары наши, чрезъ Чугучакъ и Кульджу получаляемы, имѣютъ другихъ потребителей. Къ этому должно еще присовокупить, что по обшириности Китайскаго государства, по огромности народонаселенія его, можно быть почти увѣрену, что какъ бы ни распространились наши съ нимъ торговыя сношенія, недостатка въ рынкахъ для русскихъ произведеній тамъ не будетъ и ожидать тѣсноты въ этомъ отношеніи едва ли возможно. Все это ведетъ къ тому заключенію, что отпускъ нашихъ товаровъ въ самой Кяхтѣ, отъ усиленія отпуска чрезъ Семипалатинскъ, сколько мнѣ кажется, не можетъ уменьшиться: требованія на нихъ въ Китай отъ того не измѣнятся. Одно, что только можно сказать, это, что съ болѣшимъ распространениемъ торговли въ западныхъ областяхъ Китая, безъ сомнѣнія будетъ увеличиваться и самый привозъ къ намъ байховаго чая, и слѣдственно кяхтинскіе купцы въ этомъ отношеніи встрѣтять въ семипалатинскихъ купцахъ какъ бы соперниковъ собственно по чайной торговлѣ на внутреннихъ рынкахъ Россіи. Но ужели обстоятельство это должно удерживать отъ открытія для фабричной и мануфактурной промышленности нашей большихъ истоковъ, въ коихъ она нуждается, и подвергать ее опасности (въ случаѣ какихъ-либо размолвокъ нашихъ купцовъ съ китайскими на Кяхтѣ) оставаться, такъ сказать, въ застое, безъ движенія, и въ необходимости уменьшать производство нѣкоторыхъ издѣлій (закрывать фабрики, какъ этому уже были примѣры, послѣ несостоянія расторжки на Кяхтѣ въ 1843 году)! При существованіи семипалатинской торговли въ желаемыхъ размѣрахъ и подобное явленіе на Кяхтѣ (остановка тамъ торговли) уже не будетъ сопровождаться столь непріятными для нашей промышленности послѣдствіями

Къ вышеизложенному долгомъ считаю присовокупить, что если бы даже семипалатинская торговля, по болѣшей близости Чугучака и Кульджи отъ внутреннихъ нашихъ рынковъ,

со временемъ развилась до того, что привлекла бы къ себѣ главную массу нашихъ товаровъ (что, конечно, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ скоро совершилось не можетъ), то и въ такомъ случаѣ нельзя ожидать вредныхъ отъ сего послѣдствій ни для нашей промышленности вообще, ни для сибирской въ частности. Для Россіи все равно—тѣмъ или другимъ путемъ будетъ болѣе идти нашихъ произведеній, лишь бы шло ихъ болѣе. А что касается до Сибири, то пушная торговля всегда останется за Бахтою: звѣриные промышленники слѣдственno пострадать ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Относительно же всѣхъ промышляющихъ по сибирскому тракту провозомъ кяхтинскихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что положеніе ихъ теперь измѣнилось и, при распространившемся въ Сибири золотодобываніи, благосостояніе ихъ уже не такъ связано съ вышеизѣясненнымъ промысломъ (извозомъ товаровъ).

Якуты въ ихъ домашнѣй обстановкѣ.

(Этнографическій очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго¹⁾.

Предлагаемый вниманію читателей „Живой Старины“ очеркъ представляетъ собою отрывокъ изъ подготовляемаго мною къ печати посмертнаго труда В. Ф. Трощанскаго: „Наброски о якутахъ Якутскаго округа“, первыя двѣ главы коихъ посвящены, главнымъ образомъ, описанию домашней обстановки якутовъ. Въ октябрѣ мѣсяца мин. 1907 г. онъ были прочтены мною въ засѣданіяхъ Императ. Русскаго Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи по слѣдующей программѣ, исчерпывающей содержаніе обѣихъ помѣщаемыхъ ниже главъ:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Лѣтнее жилище—берестяная юрта (ураса). Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Кудѣтъ огни. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности.

Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическихъ типа якутовъ.

Въ текстѣ мною сдѣланы незначительныя вставки и приведены якутскія названія упоминаемыхъ авторомъ предметовъ.

Эд. Пекарскій.

I.

Вдучи въ Якутскую область, я рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины жизненной обстановки якутовъ на основаніи тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыхъ случайно долетали до меня. Но вотъ, не доѣзжая верстъ 200 до Якутска, мнѣ представился случай ознакомиться съ жильемъ того народа, среди которого предстояло коротать дни. То, что я при этомъ увидѣлъ, только реализовало въ конкретной формѣ мои болѣе или менѣе неопределенные страхи и произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе.

¹⁾ Автора изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“ Казань. 1902.

На одной изъ почтовыхъ станцій мѣѣ предложили осмотрѣть якутскую юрту, которая находилась, по словамъ почтодержателя, въ нѣсколькихъ шагахъ. Я вышелъ на дворъ и, пройдя немнога, остановился въ недоумѣніи, такъ какъ нигдѣ не оказывалось и признаковъ человѣческаго жилья. Но каково же было мое удивленіе, когда мнѣ указали на какой-то коричневый холмъ съ небольшимъ отверстиемъ, заткнутымъ льдиной, и сказали, что вотъ именно этотъ холмъ и есть якутская юрта, а льдина—не что иное, какъ окно. Нужно замѣтить, что сами якуты никогда не называютъ своего жилья юртой¹). Для обозначенія вообще всякой жилой постройки у нихъ есть слово дїа (= цїа), а то, что русскіе называютъ юртой, они зовутъ балаганомъ (балаан). Балаганъ—слово персидское; принесли ли якуты съ собою это слово или заимствовали его у русскихъ—неизвѣстно, но что сама постройка заимствована у послѣднихъ—болѣе чѣмъ вѣроятно. Помнится, я читалъ гдѣ-то описание старинныхъ казачьихъ куреней, и, помнится, принципъ постройки ихъ тотъ же, что и якутскихъ балагановъ. Правда, самый принципъ этой постройки до того простъ, что можно бы, разумѣется, обойтись и безъ заимствованія, но,—въ виду того, что якуты заимствовали у русскихъ даже такой, простой конструкціи и въ то же время крайне необходимый, предметъ, какъ столъ (о трехъ ножкахъ), называющійся по-якутски о ст у о л,—трудно предположить, что до постройки балагана, требующей болѣе значительной сообразительности и технической сноровки, они додумались сами. Кроме того, едва ли якуты имѣли возможность, до пришествія русскихъ, срубить и обдѣлывать болѣе или менѣе толстыя деревья своими первобытными инструментами,—туземное происхожденіе теперешняго якутскаго топора для меня весьма сомнительно, такъ какъ его форма решительно ничѣмъ не отличается отъ формы русскаго топора. Къ тому же, въ одной сказкѣ, дѣвушка, обращаясь къ матери, говорить: „Достань, дай мнѣ ремень, которымъ я увязываю сѣно и дерево. Дай оправленный оловомъ ножъ, которымъ

¹) Якутское слово сурт (пепелище)=турк. јурт (место жительства столика, жилище), отъ которого происходитъ русское юртъ или юрта, встрѣчается въ обиходной рѣчи, очень рѣдко, въ значеніи „лѣтника“, „зимника“ (кысы, чы сурт) или заброшенного жилья (хадыбъ сурт), чаще—въ названіяхъ мѣстностей: Кылай сурда, Хотур сурда, Сурт ссы и пр. По Сироевскому („Якуты“, 347), сурт назывались мѣста, гдѣ пасли скотъ: „былъ кобылій суртъ; былъ коровій суртъ. Якуты перебирались изъ урасы въ урасу, изъ сурта на суртъ“.

я играю — строгаю траву и дерево! Дай топоръ, которымъ я играю — перерубаю траву и дерево!“¹⁾ Во-первыхъ, мы видимъ, что запасать сѣно и дрова лежало на обязанности женщинъ, а потому топоръ не могъ быть такимъ тяжелымъ, какимъ мы его видимъ теперь; во-вторыхъ, онъ не могъ быть такимъ и потому, что его съ одинаковымъ удобствомъ употребляютъ для „перерубки“ травы и дерева; наконецъ, онъ употребляется наравнѣ съ мечомъ, а потому, въ качествѣ орудія, не можетъ значительно отличаться своею приспособленностью къ обработкѣ, а главное — къ рубкѣ болѣе или менѣе толстыхъ бревенъ. Но имѣются еще основанія въ пользу того, что балаганъ — не якутскаго происхожденія.

Еще и теперь можно встрѣтить кое у кого изъ богачей коническую юрту изъ бересты, которая имѣеть специальное якутское название — ураса²⁾. Ея постройка очень характерна для якутской техники, а потому я и скажу нѣсколько словъ объ ней.

Ураса, которую я специально осматривалъ, имѣеть около $3\frac{1}{2}$ саж. высоты и, по формѣ, напоминаетъ сахарную голову, такъ какъ линія продольнаго сѣченія урасы — кривая. Окно нѣть, но она освѣщается свѣтомъ, падающимъ сверху черезъ дымовое отверстіе, которое очень велико; въ ней имѣется дверь, въ старину лѣтомъ завѣшивавшаяся берестой, а зимой шкурами. Я буду описывать урасу въ томъ порядкѣ, какъ она строится. Нужно замѣтить, что урасу можно строить изъ самаго мелкаго лѣса. Прежде всего, вкапываются вертикально столбы, — въ осмотрѣнной мною юртѣ ихъ было 12, — вышиною въ сажень на разстояніи отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 арш. другъ отъ друга; внизу между каждыми двумя столбами врублены горизонтально два бревна, лежащія другъ на другѣ. Въ верхніе концы столбовъ врублены дугообразныя плахи, такъ что получается деревянный кругъ (ортокурдѣ), поддерживаемый столбами. Отступя наружу аршина $1\frac{1}{2}$ отъ столбовъ, вкапываются наклонно длинныя, гладко выстроганныя жерди такъ, что онѣ лежать на вышеупомянутомъ деревянномъ кругѣ; жерди вкапываются на разстояніи вершковъ 4-хъ другъ отъ друга. Затѣмъ, изъ двухъ или трехъ выгнутыхъ и связанныхъ между собою жердей дѣ-

¹⁾ Худяковъ, И. А. Верхоянскій Сборникъ. Ирк. 1890, стр. 93.

Э. II.

²⁾ Ср. бурятское *игүсэ* (палаточное или шатерное деревко), которое Castrén (Versuch einer burjäischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St. Petersburg, s. 102b) сравниваетъ, впрочемъ, съ якутскимъ *урасас* — шесть, жердь.

Э. II.

лаются кольцо, равное по величинѣ кругу примѣрно средняго сѣченія предполагающагося конуса, и насаживаются его на пропущенный внутрь жерди, нажимая ихъ на деревянный кругъ; одна треть жердей—такой длины, что концы ихъ связываются между собою въ верхушкѣ конуса, тогда какъ остальная не доходитъ до вершины аршина $1\frac{1}{2}$ или 2 и ихъ концы привязываются къ другому, гораздо меньшему кругу изъ крученыхъ талинь. На этотъ остовъ изъ жердей надѣвается плотно пригнанный берестаный покровъ, спитый конскими волосами изъ небольшихъ кусковъ бересты; затѣмъ, этотъ покровъ еще обкладывается кусками бересты, но уже не спитыми, а сверхъ всего этого лежать также вкопанный нижними концами жерди, которая опять пригнется посрединѣ кольцомъ; съ верхними концами жердей поступаютъ какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Въ серединѣ урасы устраивается холумтан или состуок (русск. шестокъ)—деревянный ящикъ вышиною въ 4—5 вершковъ, плотно набиваемый глиной и служацій очагомъ. По обѣ стороны очага вкопано по столбу въ $2\frac{1}{2}$ арш. вышиною; столбы (ачахъ или кѣлѣ) соединены между собою перекладиною, имѣющею сквозной продольный прорѣзъ, въ которомъ движутся деревянные крючки (кѣхѣ) для навѣшиванія котловъ¹). Отъ нижнихъ бревенъ, соединяющихъ основные столбы, идуть къ берестаному покрову неподвижная лавки, оронъ, вокругъ всей урасы, оставляя свободнымъ только пространство противъ дверей.

Въ нашемъ²) наслегѣ имѣется только три урасы, и въ нихъ живутъ лѣтомъ; въ настоящее время ихъ почти не строятъ³), такъ какъ онѣ очень дорого стоять, а для лѣтнаго помѣщенія устраиваются такие же балаганы, какъ и для зимнаго, но только изъ болѣе мелкаго лѣса. Если бы якуты умѣли строить свои балаганы до прихода русскихъ, то имѣть, значитъ, извѣстно было бы и слово балаганъ, а потому нужно было бы признать, что они принесли съ собою изъ своей прежней родины какъ самое слово, такъ и умѣніе строить балаганы, но, въ такомъ

¹⁾ У г. Сѣрошевскаго („Якуты“, стр. 350) ошибочно перекладины названы ачахъ; затѣмъ, у него же, а также у Маака (Вил. окр., III, стр. 46) деревянные крючья ошибочно назнаны кѣлѣ вм. кѣхѣ. Э. П.

²⁾ Авторъ жилъ въ 3-емъ Жексогонскомъ наслегѣ Ботуруссаго улуса Э. П.

³⁾ Въ упомянутомъ наслегѣ богатый родовичъ Н. П. Сѣпцовъ, бывшій голова улуса, выстроилъ на своей усадьбѣ урасу съ цѣлью сохранить для по-томства этотъ родъ стариннаго якутскаго жилья, признаваемаго Сѣрошевскімъ (Якуты I, 347) „за самую древнюю форму якутскіхъ жилищъ“. Э. П.

случаѣ, такія же постройки должны были бы быть и у ихъ родичей—бурятъ, изъ настоящаго мѣстожительства которыхъ якуты и пришли сюда, но тамъ ихъ нѣтъ. Съ другой же стороны, если имъ были извѣстны балаганы, то, въ такомъ случаѣ, чѣмъ могло побудить ихъ строить урасы, которыхъ хуже защищаются отъ стужи и непогоды и требуютъ больше труда и трудно добываемаго материала? Можно подумать, что они строились только для лѣтніхъ помѣщений, но и это невѣрно, такъ какъ у якутовъ сохранилось название буор ураса, указывающее, что эти сооруженія обкладывались дерномъ или обмазывались глиной, а это могло дѣлаться только съ помѣщеніями, предназначавшимися для зимы¹). Предположить же, что якуты сами додумались до постройки балагана на своей новой родинѣ, также невозможно, потому что тогда они удержали бы круговую форму, замѣнивъ только бересту и жерди сплошными стѣнами изъ бревенъ и построивъ потолокъ. Круговую форму они должны были бы сохранить какъ потому, что она была имъ болѣе привычна, такъ и потому, что въ первое время имъ легче было бы строить круговые балаганы, чѣмъ четырехугольные. Кромѣ того, я не могу допустить, чтобы народъ, сумѣвшій самостоятельно дойти до постройки балагана, связывая остатки его разнообразными зарубками, сохранилъ до прихода русскихъ свой столь, который состоялъ только изъ столешницы, спитой изъ бересты и прикрепленной къ четыремъ палкамъ, связаннымъ между собою по угламъ;—сохранилъ бы до настоящаго времени свои нарты (сани) въ первобытномъ ихъ видѣ, скрѣпляя между собою различные части ремнями,—даже копытья привязаны или, вѣрнѣѣ сказать, пришиты узкими ремнями къ полозьямъ. Я полагаю, что спитыя нарты болѣе соотвѣтствуютъ спитой урасѣ и спитой же берестяной посудѣ, а если прибавить еще, что даже выгребныя лопаты спиваются изъ мелкихъ досточекъ, которыхъ прикрѣпляются ремешками къ рукояткамъ,—что лодки и деревянныя части сѣдель также спиваются,

¹⁾ Въ Колымскомъ округѣ и до сихъ порь якуты живутъ „въ коническихъ обсыпанныхъ землю чумахъ“. Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. II. вып. I. Ирк. 1892: Очерки крайняго сѣверо-востока. И. Шклоускаго, стр. 37, *Прим. автора.*

По сообщенію В. И. Іохельсона, эти конические обложенные дерномъ (но не обсыпанные землей) юрты встречаются у якутовъ глубокаго сѣвера какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Верхоянскомъ округѣ (въ послѣднемъ округѣ чаше). Въ нихъ живутъ только лѣтомъ во время промысла рыбы. В. И. Іохельсонъ рассматриваетъ этотъ типъ лѣтнаго жилья якутскихъ рыболововъ заимствованнымъ отъ оставшихъ тунгусовъ. Обыкновѣніе (по языку и образу жизни) тунгусы устья Лены лѣтомъ живутъ въ такихъ урасахъ,

то для насъ станетъ вполнѣ ясно, что принципъ постройки балагана совершенно иной и не имѣть ничего общаго со сши-ваніемъ, которое у якутовъ было единственной технической основой¹).

Но, какъ бы то ни было, передъ нами стояло человѣческое жилье-юрта, а отверстіе, заткнутое льдиной, дѣйствительно, оказалось окномъ, обращеннымъ къ югу, тогда какъ съ восточной стороны обнаружилась дверь, обшитая коровьей шкурой.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ тепло, но земля покрыта еще толстымъ слоемъ снѣга. Лена скована непроницаемой броней, и, какъ ни старается солнце разжечься, — ничего не выходитъ.

Только на этой коричневой глыбѣ и подлѣ нея нѣтъ снѣга, только надъ ней струится воздухъ отъ легкой испаринѣ, далеко разнося ароматъ якутской весны, — ароматъ, отъ которого тошнить; въ немъ преобладаетъ ёдкій запахъ амміака съ запахомъ горѣлаго навоза, потому что, въ это время года, обсохшая на поверхности юрта тамъ и сямъ загорается отъ падающихъ изъ трубы искръ, и якутки съ ребятишками постоянно засыпаютъ снѣгомъ или заливаютъ водою загорѣвшіяся мѣста. Горитъ коровій навозъ, которымъ облѣплена юрта поверхъ глиняной обмазки.

Обыкновенно каждую осень, когда начинаетъ и днемъ подмораживать, якутскія женщины набрасываютъ на стѣны юрты лопатами свѣжій коровій навозъ безъ всякой подмѣси, а затѣмъ разглаживаютъ его, и эта работа производится ежедневно не дѣли двѣ, по мѣрѣ накопленія смазочнаго материала, — вотъ почему весной эта глыба, постепенно оттаивая, благоухаетъ. Къ тому же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья вы можете увидѣть цѣлые горы коровьяго навоза, накопившагося за зиму, а иногда и за много зімъ, потому что не всегда его лѣтомъ сжигаютъ; онъ также таетъ въ эту пору и также возвѣщаетъ своимъ благоуханіемъ о наступлѣніи весны, — якутской весны съ глубокимъ снѣгомъ и отвратительнымъ смрадомъ. Судя по величинѣ этихъ горъ, вы можете составить себѣ понятіе о сте-

¹) По мнѣнію Миддендорфа (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, отд. IV. Спб. 1878, стр. 780), якутскій народъ „перенялъ у тунгусовъ ихъ зимнее жилье, ютн, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его“; ютн — охотничій шалашъ, устроенный изъ конусообразно-поставленныхъ жердей, съ отверстіемъ вверху, и обмазанный глиной или обложенный дерномъ. „Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленного дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вместо горизонтальнаго) положеніи бревенъ“ (ibidem). Ср. Сироцевскій, „Якуты“, стр. 362—3. Э. П.

шени благосостоянія хозяина; это—едва ли не единственное вѣрное мѣрило, такъ какъ жизненная обстановка якутовъ ничего вамъ не скажетъ: сплошь и рядомъ состоятельные якуты живутъ въ такой же обстановкѣ, какъ и бѣдные, и зачастую не признаешь даже богача по его домашней обстановкѣ и обычной одеждѣ, особенно богача, нетронутаго цивилизацией, т.-е. неграмотнаго и не юздащаго въ г. Якутскъ.

Но такъ какъ мы въ скотоводческой странѣ, то весьма естественно, что картина весны пріобрѣтаетъ окончательно пасторіальный характеръ отъ присутствія на ея фонѣ коровъ и телятъ, еще болѣе оттѣняющихъ характеръ этого края. Да, глядя на этотъ жалкій, мелкій, истощенный скотъ, съ уродливыми рогами и копытами, съ плотно присохшимъ на бокахъ и на заднихъ ногахъ толстымъ слоемъ навоза, который отвалится только къ серединѣ лѣта вмѣстѣ съ шерстью, съ такимъ же образомъ облѣпленнымъ хвостомъ, со взбитой, грязной шерстью, мѣстами вытертой, съ отвратительнымъ запахомъ, распространяющимся вокругъ этихъ скрючившихся коровъ и телятъ, вы уже предчувствуете, что васъ ожидаетъ въ юртѣ.

Вотъ, прежде всего, чѣмъ поражаетъ васъ жизнь якутовъ,— поражаетъ ваше зрѣніе, обонаніе и дыханіе. Но не поддавайтесь этимъ впечатлѣніямъ, а главное—не дѣлайте никакихъ обобщеній и сближеній подъ вліяніемъ благоуханія якутской весны, а то рискуете очутиться въ положеніи человѣка, отрывающаго несуществующую Америку. Въ такое положеніе попадаютъ многіе русскіе, незнающіе якутскаго языка, но имѣющіе слабость къ стремленію пролить свѣтъ истины на основаніи данныхъ того же языка. Каждый изъ нихъ обязательно откроетъ, что саха, которыми называютъ себя якуты, имѣтъ общий корень со словомъ сѣхъ, коровий навозъ, а затѣмъ дѣлаются болѣе или менѣе неожиданныя сближенія и заключенія. Но постарайтесь запомнить, что между этими двумя словами—какъ увѣряютъ прекрасно знающіе языки и практическі, и теоретически—не существуетъ никакого лингвистического родства. Когда уже были написаны эти строки, мнѣ пришлось прочесть въ высшей степени забавное открытие въ этомъ родѣ, превзошедшее своею бойкостью всѣ извѣстныя мнѣ анекдотическія открытия. В. Л. Приклонскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества за 1887 годъ¹⁾, что якуты

¹⁾ Томъ XVIII. Ирк. 1888. См. также въ „Живой Старпѣ“ 1890, вып. II: Три года въ Якутской области (Этнографические очерки), гл. II, стр. 32.

„носить название саха — навозъ“ (стр. 13). Чего можетъ быть проще к вразумительнѣе: якуты такъ-таки прямо и называютъ себя навозомъ! А между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, для народа и навоза существуютъ два разныхъ слова; но по-чтенный авторъ „Материаловъ по этнографіи якутовъ“ вѣ подозрѣвалъ этого, а разъ онъ этого вѣ подозрѣвалъ, то, разумѣется, никакія сомнѣнія не колебали его рѣшимости обогатить этнографію и иныхъ науки, и онъ обогащаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Навозомъ обмазывали и обмазываются юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду (?) ; за отсутствіемъ глины хозяйство якута безъ навоза немыслимо“. Начать съ того, что обмазка якутами своего жилья вачалась, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно, такъ какъ въ сказахъ нигдѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы юрты обмазывались навозомъ, а всегда онъ обкладываются землей; ватѣмъ тунгусы называютъ якутовъ „земляными“ (буор сахалар¹), а не навозными. Далѣе, неизвѣстно, о какой посудѣ говорить авторъ? Развѣ глины совсѣмъ нѣть, то, вначать, и горшки дѣлаются изъ „навоза“ — чѣмъ можетъ быть любопытнѣе для этнографа? Но фактъ тотъ, что „изъ навоза“ якуты не дѣлаютъ никакой „посуды“²). Я живу 8-й годъ среди якутовъ, и мнѣ пришлось только одинъ разъ видѣть нѣчто въ родѣ большой ванны, сдѣланной изъ коровьяго „навоза“; въ ней якуты обмачиваются зимою хлѣбъ, а потому происхожденіе этой навозной посуды позднѣйшее, такъ какъ якуты стали сѣять хлѣбъ очень недавно. Что же касается до того, будто Якутская область представляетъ изъ себя песчаную Аравію, то я ужъ и не знаю, какъ называть это открытие. Глины въ Якутской области даже болѣе, чѣмъ нужно, и только на берегахъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ имѣются пески. Я живу въ 200 верстахъ отъ г. Якутска у небольшой рѣчки³ и, чтобы имѣть песокъ, которымъ обмазывается деревянная лопатка, употребляемая для правки косы, я вынужденъ возить его для себя — а всего то мнѣ нужно фунтовъ 7—8—

¹⁾ Худ., стр. 68.

Э. П.

²⁾ Говорятъ, что якуты дѣлаютъ вѣ навоза посуду, покойный Приклонскій имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, ту большую чашу изъ навоза, которую онъ описываетъ такъ: „Съ наступлениемъ морозовъ вѣсыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкій тарь изъ ушатовъ“ (Жив. Ст., оп. с., стр. 43). Тарь — проясненіе за лѣто молоко.

Э. П.

³⁾ Татты, лѣваго притока Алдана.

Э. П.

изъ-за 35 верстъ, да и тамъ онъ имѣется на небольшомъ клочкѣ земли, а въ большомъ количествѣ можно его достать только въ 20-ти верстахъ на р. Амгѣ. Но вернемся къ прерванному разсказу.

Итакъ, я вижу передъ собою усѣченную четырехугольную пирамиду коричневаго цвѣта, вышиною аршина въ 4, съ закругленными углами и съ расплывающимся основаніемъ, съ едва выпуклой земляной крышей, обложенной по краю невысокими бортами изъ навоза, съ наискось торчащей трубой пзъ жердей, скрѣпленныхъ тальниковымъ кольцомъ и вымазанныхъ съ внутренней стороны глиной.

Я обратилъ ваше вниманіе на то, что двери юрты выходили на востокъ, и это не случайность, такъ какъ даже и въ настоящее время у громаднаго большинства юртъ двери всегда выходятъ на востокъ, а въ старину это было общимъ правиломъ. Герой одной сказки, построивъ себѣ юрту, говоритъ: „Весенне мое солнце, кажись, съ этой стороны всходить“ и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь¹). Чѣмъ это объясняется? Естественно, если якуты предпочитаютъ устраивать на южной сторонѣ окна, чтобы, какъ говорится въ варианѣ той же сказки, „мое девятылучистое полное (т.-е. во время полудня) солнце, поворачиваясь на югъ, зажинуло свои лучи въ домъ“²); точно такъ же понятно, почему они загораживаютъ свою юрту съ сѣверной стороны хотон'омъ (коровникъ). Но затѣмъ для нихъ должно быть безразлично—устроить ли двери на востокъ или на западъ. Почему же они предпочитаютъ востокъ? Нужно думать, что въ старину якуты считали необходимымъ, чтобы первое, что имъ представится при выходѣ поутру изъ юрты, было животворящее солнце. То обстоятельство, что якуты считали для себя обязательнымъ обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ лицомъ въ востоку, находитъ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что они я о своемъ скотѣ думаютъ то же самое, т.-е. они думаютъ, что ихъ скотъ предпочитаетъ стоять, обращая свои взоры въ востоку, потому что переднюю часть скотины они называютъ восточной, и если вы желаете купить переднюю часть туши, то должны назвать ее восточной³). По-якутски одинъ словомъ

1) *Н. Городовъ Юрюнгъ Уоланъ. Якутская сказка. Ч. 1-я (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XV, № 5—6, 1884 г. Ирк. 1885, стр. 44).* Э. П.

2) *Худ.*, стр. 132. Э. П.

3) Въ якутскомъ языке *ilin* значить: передъ и востокъ, передний и восточный. Э. П.

(арб^а) означается спина, тыль и западъ, съверъ называется лѣвой стороной (хан^ас), а югъ правой (уң^а). „По китайскимъ лѣтописямъ,— говоритъ Д. Банзаровъ въ „Черной вѣрѣ“,— ханы хунские задолго до христіанской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненія солнцу“ (13—14); съ другой стороны, персы—солнцепоклонники, а якуты вышли изъ долины Заревшана въ съверную Монголію, а оттуда въ Сибирь¹).

Если же взять во вниманіе еще и то обстоятельство, что на одѣждѣ шамана, въ которой онъ камлаеть, имѣется изображеніе продырвленного въ центрѣ солнца (күн), т.-е. обезсиленаго, то мы должны будемъ признать, что въ старину солнце занимало важное мѣсто въ вѣрованіяхъ якутовъ, но что оно (мѣсто) утрачено, и утрачено, повидимому, очень давно, такъ какъ теперь якуты, на мои вопросы по этому поводу, высказали только въ видѣ предположенія, что нѣкогда солнце было, вѣроятно, богомъ у якутовъ.

Я не рѣшаюсь утверждать, что и металлический кругъ (туосахта), который нашиваютъ якутки спереди на свои зимнія шапки, имѣеть аналогическое значеніе съ кругомъ шаманскаго костюма, но я все-таки считаю возможнымъ упомянуть объ этомъ, потому что круговая форма украшенія встрѣчается только на шапкѣ²), а, слѣдовательно, она не можетъ быть случайной, тѣмъ болѣе, что гораздо труднѣе сдѣлать металлический кругъ незамысловатыми инструментами якутскаго кузнеца, чѣмъ четырехугольникъ или какую-нибудь неправильную фигуру, какъ и дѣлаютъ въ другихъ случаяхъ. Знаменательно то обстоятельство, что женщины, принося жертву богинѣ родовъ [ајысит], надѣваютъ свои шапки задомъ напередъ,—не устраниются ли они, такимъ образомъ, изображеніе солнца, которое считается мужчиной, отъ присутствія при жертвоприношеніи, такъ какъ въ это время всѣ мужчины изгоняются изъ юрты? Интересно и то, что невѣста прѣѣзжаетъ въ домъ жениха до восхода солнца и, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы, въ качествѣ новаго члена семьи, съ перваго же дня встрѣтить солнце. Но имѣются еще и другіякосвенные доказательства. Күн тоjoн—собственное имя, Господинъ Солнце; слово күн, солнце, употребляется также для выраженія почтенія; солнце въ полномъ блескѣ называется „лас-

¹) Соображенія автора о прародинѣ якутовъ см. въ его изслѣдованіи: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, стр. 12—17. Э. П.

²) Так же и въ серебряномъ грудномъ украшеніи, свѣшивающемся ниже пояса и называемомъ юн кѣбісѣр. Э. П.

ковымъ солнцемъ“ (аламаі қүн). Қүн һан буолла! по-
меркло солнце, прости солнце!—восклицавіе, съ которымъ уми-
рающій якутъ разстается съ жизнью. Солнце имѣть еще эпи-
теты: почтеннѣйшій чародѣй и слѣдащая особа. Қүн уота—
солнечные лучи, т.-е. солнечный огонь, а огонь у якутовъ—
божество и, въ то же время, сынъ солнца¹).

Но войдемъ же, ваконецъ, въ юрту, хотя, по правдѣ ска-
зать, торопиться нечего, такъ какъ едва только вы успѣете
сунуть носъ въ это логовище, какъ васъ шибанетъ такой аро-
матъ, котораго вы вигдѣ не встрѣтили. Я не въ силахъ опре-
дѣлить ароматъ якутской юрты. Если вы спросите якута, ка-
ковъ, напримѣръ, вкусъ водки или уксуса, онъ отвѣтить, что
то и другое не такъ ъдки, какъ желчь, но болѣе ъдки, чѣмъ
соль,—такъ они опредѣляютъ всѣ вкусовые ощущенія веществъ
не-сладкихъ. Къ тому же способу опредѣленія и я вынужденъ
прибѣгнуть, чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ атмо-
сферѣ юрты. Она менѣе ужасна, чѣмъ смрадъ отъ падали, но
невыносимѣе атмосферы казарменныхъ отхожихъ мѣстъ глу-
хихъ провинцій,—въ юртѣ и этотъ запахъ имѣется въ болѣе
или менѣе достаточномъ количествѣ, такъ какъ дѣти до трехъ-
четырехлѣтнаго возраста совершаютъ всѣ свои отправлѣнія ва-
полу и гдѣ придется въ теченіе всей зимы, а ноль—земляной
и никогда не исправляется, какъ это дѣлается съ земляными
полами на югѣ Россіи. Къ этому запаху примѣшиваются въ
большомъ количествѣ ъдкій аміачный запахъ хотон‘а, ко-
торый часто бываетъ даже совсѣмъ не отгороженъ отъ жилой
юрты, и оба помѣщенія имѣютъ общую входную дверь, такъ
что либо скотъ проходить въ хотон‘и черезъ край юрты, либо
люди проходить въ юрту черезъ край хотон‘а. При входѣ въ
юрту, у васъ сейчасъ же завертить буравомъ въ носу, потомъ
крутнеть во лбу и запершить въ горлѣ, а затѣмъ становить
тошнить, но вы мужайтесь, ибо, въ концѣ концовъ, придется
свыкнуться съ подобнымъ запахомъ.

Входя въ юрту, будьте осторожны, такъ какъ, кроме нечи-
стотъ, ва которыхъ вы легко можете наступить, на полу масса
выбоинъ, и вы можете свалиться и испачкать не только

¹) Во время весеннаго праздника устраивается ысыах [кумысная попой-
ка] съ жертвоприношеніемъ, и въ одной сказкѣ говорится: „Бѣлый Юноша
развѣялъ убитаго дьявола по землѣ на ысыах солнцу и мѣсяцу“ (Худ.,
161). Итакъ, солнцу приносить жертвы, какъ божеству, и приносили не толь-
ко во время весеннаго праздника, но и въ другихъ случаяхъ.

обувь. Предположимъ, вы благополучно укрѣпились въ какомъ-нибудь пункѣ юрты и начинаете осматриваться въ этомъ полу-мракѣ подвала, который съ одной стороны освѣщается огнемъ камина, а съ другой—едва пробивающимъ черезъ оконныя льдины, покрытыя слоемъ инея, дневнымъ свѣтомъ. Прежде всего, вамъ бросаются въ глаза ребятишки въ количествѣ достаточномъ, чтобы отравить жизнь бѣдняка, но только не якута, потому что онъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выносливъ,—выносливъ, какъ и его коровы, быки, лошади; всѣ они выносятъ самыя, казалось бы, невозможныя условія существованія. Якутъ тупо относится къ тому, что его ребятишки живутъ впроголодь, какъ потому, что это—нормальное положеніе большинства якутскихъ ребятъ, такъ и потому, что онъ самъ, его жена, его престарѣлые родители, его скотъ, его собака и кошка живутъ впроголодь изо дня въ день всю жизнь и только изрѣдка насыщаются до отвалу; и можно съ увѣренностью сказать, что даже мыши его юрты живутъ голодомъ, такъ какъ поживиться у хозяина нечѣмъ. Это—страна систематического голоданія. Существуетъ разсказъ, что какой-то еврей пріучилъ свою лошадь къ тому, чтобы она обходилась безъ пищи, и что это ему удалось блистательно, но на бѣду она оконѣла. Можно подумать, что этотъ еврей набрѣлъ на такую счастливую мысль, живя среди якутовъ и видя, какъ они добиваются того же, но бѣзъ достаточной выдержки. Мнѣ разсказывали такой характерный случай изъ якутской жизни. Былъ старый якутъ, имѣвшій много рогатаго и коннаго скота, но ни онъ самъ, ни его семья никогда не їли мяса, а потому, разумѣется, зиму жили впроголодь. Каждую осень онъ выбиралъ обыкновенно самую тощую корову, которую нужно было бы усиленно кормить, чтобы она могла дожить до лѣта, и убивалъ ее, а мясо держалъ для тѣхъ случаевъ, когда проѣздомъ останавливался у него ночевать какой-нибудь почетный якутъ, котораго нельзя не кормить мясомъ. Однажды другой якутъ заявилъ на наслежномъ собраниі, что онъ, будучи соѣдомъ этого богача, опасается быть обвиненнымъ въ томъ, что допустилъ его или кого-либо изъ его семейства умереть голодной смертью, а потому считаетъ необходимымъ поставить общество въ извѣстность о возможности подобного печальнаго случая и предложить, для отвращенія его, назначить кого-либо, кто выбралъ бы у голодающаго богача нѣсколько жирныхъ скотинъ, убилъ бы ихъ и кормилъ его и его семейство мясомъ, ибо онъ самъ, по своей крайней скѣости, никогда не рѣшился на это. Все общество выслушало рѣчъ молча и

вполнѣ серьезно,—на это якуты большіе мастера. Скадѣ же, по окончаніи рѣчи, испугавшись, что его станутъ черезъ мѣру корить мясомъ, поспѣшилъ уѣхать домой, а дома вѣдѣль поймать самую жирную кобылу и убить ее,—такъ онъ и его семейство стали єсть мясо. Это не анекдотъ, а дѣйствительный случай.

Якуты отъѣдаются лѣтомъ, когда у нихъ много молока, а наѣдаются до отвалу, въ началѣ осени, хоть одинъ разъ: такъ какъ въ это время многіе бьютъ скотъ, то и бѣдняку удается поймать гдѣ-нибудь мяса. Въ неурожайный же годъ и бѣднота бьетъ скотъ: или очень молодой (бычковъ), или очень старый, который не идетъ въ продажу. Когда какой-нибудь якутъ бьетъ скотину, то сосѣди его моментально слетаются, какъ вороны на падаль, ибо каждый гость не только поймать мяса, но получить еще кусокъ и на домъ. Въ виду такого обычая, вытекающаго изъ родовыхъ отношеній,сосѣди (не богачи) бьютъ осенью скотъ поочереди, и счетъ съѣденнаго сосѣдами мяса и данныхъ кусковъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ, накормивъ кого-нибудь и давъ ему мяса, я пріобрѣтаю право воспользоваться у него тѣмъ же.

Богачи большую часть года живутъ сыто, но и они въ веснѣ тощаются, потому что къ тому времени и у нихъ истощается пища, которую изъ скучости запасаютъ въ недостаточномъ количествѣ. Однажды весною я замѣтилъ нашему улусному головѣ, человѣку богатому, что онъ въ послѣднее время значительно похудѣлъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что весною всѣ якуты худѣютъ,—таковъ законъ природы.

Ребятишки, которыхъ толпятся у камина, указываютъ ясно, что вы находитесь среди первобытнаго народа. Маленькия дѣти, 2—3 лѣта, совершенно голы, съ громаднѣйшими животами, тонкими ногами и руками, а тѣ, которыхъ постарше,—въ рваныхъ и въ высшей степени грязныхъ рубахахъ изъ синей дабы. У мальчиковъ головы обстрижены подъ гребенку, а у девочекъ волосы заплетаются въ одну косу, туго перевязанную узень-кимъ ремнемъ и увѣшанную серебряными бляшками и трубочками, а также разноцвѣтными бусами; голова же всклокочена до такой степени, что волосы торчатъ во всѣ стороны,—совсѣмъ воронье гнѣздо. Дѣти грязны до невозможности, часто покрыты струпьями, со слезящимися глазами,—очень мало якутовъ, у которыхъ никогда не болѣли бы глаза; относительно же струпьевъ они думаютъ, что каждый ребенокъ долженъ имѣть ихъ въ извѣстномъ возрастѣ.

Ребятишки, при видѣ „нучи“ (нуча—русскій), съ испугомъ, а иногда и съ плачомъ бросаются къ взрослымъ членамъ семьи, ища защиты; женщины не менѣе пугаются „нучи“, но не бѣгутъ, а только погладываютъ съ опаской, да и мужчины смотрятъ исподлобья на незнакомаго „нучу“. Вообще, чѣмъ глуше мѣсто, тѣмъ большую сенсацію производить появление „нучи“.

Дѣти, какъ и взрослые, постоянно толпятся у каминя, который, при здѣшнихъ холодахъ въ теченіе 8 зимникъ мѣсяцевъ, служитъ центромъ всей якутской жизни. Въ каминѣ, впрочемъ, огонь горитъ круглый годъ, и только въ самое жаркое лѣтнее время якутка, войдя въ юрту, не подойдетъ къ камину грѣть руки и не скажетъ: „ычча“! (холодно!). Во всякомъ же другое время якуты обоего пола и всѣхъ возрастовъ, прия со двора, суютъ руки въ самый огонь, а затѣмъ согрѣваются сами, поворачиваясь около каминя и заворачивая полы верхняго платья. Якуты постоянно сидятъ передъ огнемъ,—работаютъ ли, ёдятъ ли, пьютъ ли чай, или болтаютъ. Гостю, которому желаютъ оказать уваженіе, предлагаются мѣсто у каминя. Каминъ же служить имъ главнымъ средствомъ лѣченія: больной, чѣмъ бы онъ ни былъ боленъ, жарвтса у каминя по цѣлымъ днамъ; во время осенней эпидеміи я видѣлъ взрослаго якуга, который, захвачавъ, немилосердно жарился у огня, сидя безъ рубахи.

Якутки—я говорю о массѣ—дома всегда ходятъ только въ одной рубахѣ и коротенькихъ штанахъ (зимой—изъ телячей шкурки, а лѣтомъ—изъ синей дабы), на головѣ—бумажный платокъ, а на ногахъ—кожаная обувь. Якуты сидятъ дома также въ однѣхъ рубахахъ и въ кожаныхъ штанахъ; на ногахъ у нихъ такая же кожаная обувь, но болѣе теплая; они, кромѣ того, всю зиму носить теплые набрюшки. Якутки, отправляясь въ сосѣдамъ версты за 3—4, чтобы поболтать или занять горсть муки, щепотку чаю и пр., надѣваютъ шапку (цабакка) съ верхушкой (туорчах) изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ сукна и широко опущенную мѣхомъ, затѣмъ суконный или кожаный „сон“—верхняя одежда съ талей, широкими рукавами у плечъ и съ разрѣзомъ назади до самой поясницы,—надѣваютъ также рукавицы и въ такомъ видѣ отправляются по 40—48° морозу. Якуть, собираясь ёхать за дровами или за сѣномъ, подвязываетъ себѣ уши бумажнымъ платкомъ, надѣваетъ мѣховую шапку, опять же „сон“, но короткій и безъ разрѣза,—беретъ теплые рукавицы, иногда обвязываетъ физиономію шарфомъ или большими теплымъ женскимъ платкомъ и въ такомъ видѣ ёдетъ

верхомъ на быкѣ, запряженоиъ въ сани, и ёдетъ верстъ за 10; таъмъ же порядкомъ, т.-е. верхомъ на быкѣ, возвращается онъ съ дровами или сѣномъ.

Якуты не любятъ ходить пѣшкомъ и потому, какъ бы ни былъ тяжело пагружень возъ и какой бы сильный морозъ ни былъ, они сидять верхомъ на быкѣ, напѣвая иногда свою незатѣливую пѣсню. Если якуту представляется возможность завернуть по дорогѣ въ юрту, то онъ не пропустить удобнаго случая. При этомъ онъ ничего не теряетъ, такъ какъ у него спѣшныхъ дѣлъ вѣтъ, а выиграть можетъ хоть понюшку табаку, а, можетъ-быть, и чашку чаю, или хоть просто поболтать и погрѣться. Онъ не заѣдетъ только въ томъ случаѣ, если везетъ сѣно, потому что не только бродящій вокругъ юрты скотъ нападаетъ на возъ, но и хозяйка, замѣтивъ становившагося съ сѣномъ простофію, нарочно выгоняетъ скотъ изъ хотонъа.

Богатые якуты одѣваются, разумѣется, теплѣе.

Съ другой стороны, тѣ же якуты уже съ ранней осени, когда нѣть еще и 10° мороза, одѣваются точно такъ же, какъ они одѣваются и въ 48° ,—разумѣется, они не одѣваются теплѣе въ большие морозы не потому, что вмѣ было бы слишкомъ жарко, а потому, что у нихъ нѣть болѣе теплой одежды. Я видѣлъ, какъ якути, отправляясь по вечерамъ въ концѣ августа доить коровъ, одѣваютъ тотъ самый „сон“, въ второмъ онѣ щеголяютъ въ сильнѣшіе морозы, и какъ они, возвращаясь отъ коровъ, оказывались совсѣмъ прозябшими, хотя на дворѣ было около $+8^{\circ}$. Якуты, на мой взглядъ, народъ забкій, но только привыкшій безропотно выносить и холодъ, и голодъ, и всякия невзгоды, такъ что со стороны можно подумать, что они не чувствительны ко всему этому, хотя, несомнѣнно, чувствительность вхъ слабѣе, чѣмъ у народовъ культурныхъ. — Я вспоминалъ самодовъ, которыхъ имѣлъ случай видѣть въ Мезени. Тѣ, дѣйствительно, смыклись съ суровостью своего климата до того, что, во время поѣздокъ въ городъ по дѣламъ, они всегда привозятъ съ собой чумъ, который и разбиваются на чьемъ-либо дворѣ,— въ избѣ они едва могутъ высидѣть минутъ 15, да и то еще выбѣгая на морозъ.

(Окончаніе следуетъ).

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ИСТОРИЧЕСКИЯ ПѢСНИ, НАИБОЛѢЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЯ НА ВОЛЫНИ.

Лирники и кобзари до настоящаго времени не перевелись на Волыни; но ихъ пѣсенныи репертуаръ подвергся значительной перемѣнѣ. Благодаря гонению на историческія малорусскія пѣсни со стороны администраціи, украинскіе миннезингеры стали предпочитать „пісні божествени“ и забываютъ знаменитыи думы, къ счастью, уже попавшія въ книги. Здѣсь я привожу нѣсколько украинскіхъ думъ, которыи донынѣ можно услышать на дорогахъ и деревенскихъ улицахъ Волыни отъ слѣпыхъ лирниковъ¹⁾.

Дума про Бондарівну.

Ой у місті на риночку капелія грала,
Молодая Бондарівна з радощив гуляла.
Говорили Бондарівні стари люде тихо:
— Втікай, втікай, Бондарівно, буде тобі лихо.
А втікала Бондарівна по межи до мами,
А за нею два жандара, с гострими шаблями.
А догнали Бондарівну на високимъ мосту
Сама вона хорошая, хорошего зросту.
А прибіли Бондарівну до якоїсь хати,
Там убрали Бондарівну як до шлюбу мати.
А в нашої Бондарівні вінокъ из баринку,
Так убрали Бондарівну, як до шлюбу дівку.
Посадили Бондарівну на золотимъ крислі,
— Співай, співай, Бондарівна, жалобної пісні!
Та став, та став пан Каневськи ружо набівати,
— Ой чи будешь, Бондарівно, в суконькахъ ходити,

¹⁾ Текстъ приводимыхъ думъ полученъ мною изъ рукописныхъ материаловъ Городецкаго музея (Ровенек. у.) бар. Ф. Р. Штейнгель.

Ой чи будешь, Бондарівно, в сирій землі гнити?
— Лучче мені, пан Каневські, в сирій землі гнити,
Ниж с тобою, збиточникомъ, на цім світі жити.
Ой як вдарив Бондарівну нід правее ухо,
Лежить, лежить Бондарівна ни слаба, ни глуха.
Ох як вдарив Бондарівну під праву ручку,
То потекла з Бондарівни кривавая річка.
А в нашої Бондарівни жовти черевички,
Куда ведуть Бондарівну все криваві річки.
А в нашої Бондарівни подолком мережка,
Куда її проводили— все кривава стежка.
Ой як сказав пан Каневській в капелю грати,
Молодую Бондарівну хороше сховати.
Грае, грає, капелія до гробу идучи,
Плаче, плаче стари Бондар за дочкою йдучи.
Ой як стали Бондарівну в діл спускати,
То став, то став старій Бовдар с жалю умлівати.
Як висипав пан Каневській на стіл бочку гроши,
— Ото тобі стари Бондар за дочку хорошу!
Як висипав на стіл гроши, а все таллярами,
— Ото тобі старій Бондар за личко біляве...

Бужовецька волость, Засл. у.

Дума про Коваленка.

У неділю та пораненьку
Збирав женців та Коваленко,
Збирав же він все добиршій,
Хлопці и дивчата все молодій.
— Ой жніть, женці, розжинайтесь,
Та на чорну хмару оглядайтесь,
А я пійду та по сніданьне,
Та по ранньосе та обіданьне;
А я пойду та поснідаю,
Свого домовства одвідаю.
Ой жнуть женці, розжиняюця,
Та на чорну хмару оглядаюця.
За годину, за дві Коваленко йде
И за собою орду веде,
Чорні очі заслоняни,
Назад ручки завязані:
— Утікайте, хлопці, як сила зможе,
Куди которому Бог допоможе,
Бо вже мене та Господь скарав,
Що я в неділю женців збирав..

С. Поягва, Острожск. у.

Дума про Немирівночку.

На дорогій горілочці на меду,
Продала мати свою дочку молоду.
— Ой за що ж ти, мою мамцю, в корчмі п'єшь,
Десь ти мене молоденьку продаєш?
— Ой продаю, моя донечко, продаю,
За молодого Денькевича замуж отдаю.
— Ой не хочу, моя матінко, не хочу,
Лучше пійду в бистру річеньку ускочу.
— Ой вінчайся, моя донечко, вінчайся,
Тай въ чисте поле з паном Денькевичем пускайся.
Ой пішла Немирівночка горою,
А за нею пан Денькевич другою.
— Ой чого ж ти, Немирівночко, пішки йдешь,
Десь ти у мене та воровихъ коней не маєшь?
— Як есть коні вороний—не мої,
Не до мишлі, пан Денькевич, мої.
— Ой чого ти, Немирівночко, боса йдешь,
Десь ти у мене та черевичок не маєшь?
— Як есть в мене черевиченъкі—не мої.
Не до мишлі, пан Денькевич, мої.
Ой як догнав Немирівночку на мосту,
Та привязав коню вороному до хвосту.
— Ой ступою, мій конику, ступою,
— Бо не зайде Немирівночка з тобою.
Ой в неділю та ранесенько до зорі
Мандрувала Немирівночка три мілі,
А в неділю вранці до сонця
Сидить плаче Немирівночка в виконці

С. Посягва, Острожск. у.

Дума про Почаєвську гору.

Зийшла зорà серед мора
Над монастиромъ стала,
Вивернуло турецьке військо,
Як чорная хмара.
Вивернуло турецьке військо
И святу гору укриває,
Вийшовъ отець Зелізь
З жалю умирає.
— Ой вийди, вийди, Божая мати,
Монастир погибає.
Вийшла, вийшла Божая мати
На кріжкові стала,

Кулі вертала, турків вбивала,
Коням вязи звертала.
Питаеця найстарши турокъ:
— „Що то за пані стала?
— Не есть то паві, то Божа мати,
Тут вам всім погибати.
— „Ой перестань Божа мати
На вас воювати,
Ми присягнемъ—до монастира,
Що року данъ давати.
Зсукали свічу из ярого воску,
Шід тую свічу сім пár волив запрягали.
Приснилось найстаршому черпецю,
Теї свічи не пріймати,
Вивезти свічу въ чисте поле
И сокірами розрубати.
Вывезли свічу в чистее поле,
Сокірами разрубили—
Кулі патрони и всякі знамени
По полю розсипали.

С. Милостово, Ровенск. у.

Сообщилъ Ив. Абрамовъ.

Волынская сказка про жадного попа и бѣдного Кирика.

Що ся стало на Волині, въ Овруцком повіті; таке було чудо, як не може бути на світі. У тим селі в Нездіборі, там тече річка, стоить хрест зелений, св. Івана капличка, и в ти селі чоловік Кириком звався, робив щире, нигде добра ні дождався. Мав, ди титко єдиним єдное, от бідности шолудиве, пузате, слабое; прійшов рабочи час жинка, померла Кирику дитинка; пішов Кирик до попа, упав на колінки: „Помилуй честний ойче, померла мені дитинка, и коб могли, честни отець, дитятко сховати, а грошей, шо буде палежатися, до осени заждати“. „Лучше я тобі Кирику скажу: иди ти мені на лан косити, а твоя жинка нехай йде мені жати, то тепера я тобі буду дитя ховати, ніж я маю тобі до осени ждати“.— „Не можно, добродзю, тепер не той час, як же ви и сами знаєте, тра панщину одробити, и собі кусок хліба заробіти“. Ціп туннув ногою, стряснув бородою, вдарив Кирика в спину: „Попол, бродяга, сукинъ съну!“ Пришов Кирик до дидича, упав на колівка: помилуй мене, пане, померла мені дитинка и не хоче мене ни піп, ни громада знати, як же я можу, несчастний, дитя сховати. „Ой, що я тобі, Кирику, скажу: не хоче тебе, ни піп ні громада знати, можешь ти и сам собі дитя поховати“. Прійшов Кирик до дому. Що має з лиха робити? Взяв заступа и лопату, пішов на могилки, зачав ямку знати; иде дідок: шапочка ясненька, одіжка на ним красненька. „Що ти, Кирику, думаєш? Ямку копати? не копай тут, бо тут тобі за твердо буде, нехай тут кощають кріпшиі люди, иди на долинку копати ямку на свою дитинку“. Пішов Кирик, не довго копався, до котла добрався, отримуває сміло: карбованці білі! звіс у гори очі, взав гроши під полу, пішов до дому охочи; гроші в комору, а жинці своїй лучшій обіл распорядив и пішов до коршми, взав спуст горілки и другій вина, и постарався йісти, е вже що лучь и у богатира. На завтра рано пішов до попа, став сміло питати: „щоб то честний ойче, треба за похорони дати?“ Ціп зачав на него очі витрещати: „Чи ти, Кирик, зворовав? Чи ти скрутися? чи ти до грошей добився? Дай п'ятнадціть рублів! Кирик довго не думає, на стіл корбованці вкладає... И просив вин на обід сусід близеньких: попа съ попадею и братчиків из цілою риднею. Ніхто ж ни завидливий був, як піп с попадею, що вчора Кирик ва колінка падав, не було в него и сухара, сьогодня есть що йісти й пiti, лучь як у богатира. Похоронивши дитятко, пришов піп до дому; сильно задумався. „Ах, добродзійко, як би тут дознаться, де Кирик до грошей добрався!“

— „Не знаєш, мое міле голубя, що: пристань на мое разсужденье,— приде свята висповідь, не дай ему разрішенья, Кирик признаецца де гроши взяв“. Чуть на висповідь займає, піп по Кирика посилає. „А шо он ти, скоте негодний! Ти п'єшь, гулаєшь, а об своїй душі не помітаєш? Окаймний! Де ти гроши взяв?“ „Нішов, добродзю, на могилках, як дитя ховав“. Ціп развеселився. „Ах, добродзійко! Кирик мені признається. Будемъ тепер думати, як би от

Кирика гроши одибрати". „Не знаєш ты, мое міле голуба, що, пристань на мое разсужденье: есть у нас на горі съ чорного вола великая шкура, ще й съ сумними рогами, я тебе в нее уберу. пійдешъ у пивночи до Кирика, станешъ двери ломати и дізинми голосами кричати. Скажи-ж так: „одай мои собственни гроши! Взявъ на могилках, як дитя ховав!.. Кирик перестрахився, за котел! На рижок ему повисив, а сам сів и думку думае. Під прійшов до дому, попадя зрадовалась, за котел вхопила, тай руки вкіпіла; вона руки одирвала, хтила гроши вибирати, але не хочуть гроши из куща розливатись; хтила вона и с попа шкуру сдирати, але ж зачала кровь літись. Сидить піп над грошіма, вже й на світ займає; піп попадю по Кирика посилає. Кирик трошки зівав; а решту догадався: „Э-э зачім то добродзій на висповіді попитався"!

Прійшов Кирик до попа,—сидить піп над грошіма, страшній, у шкурі, спустив в землю очі, а Кирик до него говорить охочій. „Эй, Кирику! Визьми свои собственни гроши до дому, змилуйся, ни кажи ни кому!“ „Не хочу я тих грошей брати, нехай я піду, дам дідичові знати“. Пишов Кирик до дідича, дав за сее знати. Дідич казав усю громаду зигнати, хтоб то миг отъ попа Кирикови гроши взяти. Хтила громада взяти, але котрій визьме за котел, то не хочуть руки отставати.

— „Возьми, Кирику, свои гроши собственни до дому“.

Кирик гроши сміло взяв и заніс до дому а попа веревкою за роги повели до Почаєва, де Божая мати. Вийшов архірей, подивився, одибрав бумагу и зачав читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ты чудов витворяти! Одишлю я тебе до Ганополя, там тобі буде несчастная доля“. Привели до Ганополя, вийшов архімандріть, став'я бумагу читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ты чудов витворяти“! и казав его по базару провожати. Взяли веревкою за роги, поведи на базар, біжать люде, илень до другого кричати, так що нигде не стало въ хаті и живої души; бо одни кажуть що город палиця, а други сказали, що жидивський мішіямъ заявився, а други здібали межи до мами, думали, що зловила чорта з рогами; водили, водили, потім положили на смітті, щей палками біля, завели нанич у пусту каплицю. Зачав піп дримати, аж тут над ним стало світло палати и зачало ему будім во сні придаватись: „Забудься чудов витворяти, то шкури позбудеся!“ то вин зачав без сон кричати: „Господе, буду забувати, вдамся до покути, ібі шкури позбути!“ Встань же рано, встрепеніся, шкури позбувся, пишовъ архімандриту поклонився, опять на піділіві добився.

Записаль учитель В. Качковский
въ с. Ледянкъ, Заславского уѣзда.

Сообщилъ Ив. Абрамовъ.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ И ШЕСНИ ВЪ Г. СТАРОДУБЪ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Стародубъ—уездный городъ Черниговской губерніи—принадлежитъ къ очень древнимъ русскимъ городамъ.

Въ 1080 году онъ уже подвергался нападенію Полоцкевъ, и съ тѣхъ поръ почти каждый годъ его жизни заисывался кровью: татары, польша, литва, Москва, внутреннія смуты—разоряли, сжигали, кровью заливали городъ.

Одна улица и до сихъ поръ зовется Красной отъ когда-то пролитой тамъ массы крови.

Съ конца 18-го столѣтія жизнь города становится спокойнѣе.

Послѣ раздѣленія Малороссіи на полки при гетманѣ Иванѣ Брюховецкому стала извѣстенъ и полкъ Стародубовскій, съ входящими въ него 11-ю сотнями, въ числѣ которыхъ были 1-я и 2-я полковыя Стародубовскія сотни.

Въ 1763 году 17 февраля гетманъ Разумовскій, учреждая для Малой Россіи земскіе, подкоморскіе и гродскіе Суды—раздѣлилъ ее кромѣ полковъ еще и на повѣты.

„Повѣтъ составлялъ иѣкоторое знатное число селеній, иѣсколько сотенъ въ себѣ заключающеъ“. ¹⁾

Въ Стародубскомъ полку было три повѣта: Стародубовскій, Погарскій и Глуховскій.

Съ врекращеніемъ гетманскаго правленія въ Малороссіи, генераль-губернаторъ и президентъ второй Малороссійской коллегіи гр. Румянцевъ учредилъ въ каждомъ повѣтѣ комиссарства; на обязанности комиссаровъ было не только собираніе денежныхъ доходовъ, но они „должны были въ своемъ округѣ переходящія войска провожать и жителей отъ обидъ защищать“ ²⁾.

Въ полку Стародубовскому было три комиссарства: Стародубовское, Топальское въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверское.

Въ 1782 году было совершено раздѣленіе Малороссіи на три намѣстничества изъ которыхъ Новгородское-Сѣверское было торжественно открыто 27 января. Въ числѣ 11 уѣздныхъ городовъ въ этомъ намѣстничествѣ оказывается и Стародубъ.

¹⁾ Черниговскаго намѣстничества топографическое описание... сочиненное Дѣйств. сгатскимъ сов. и кавалер. А. Шафонскимъ въ Черниговѣ 1786 г. Изд. Суденко. Кіевъ 1851. Ч. I, стр. 95.

²⁾ То же, ч. I, стр. 101.

Въ 1796 году онъ причисляется къ городамъ Малороссійской губерпіи и лишь съ 1802 года занимаетъ мѣсто уѣзднаго города Черниговской губерніи.

Какъ видно уже изъ этого очерка, Стародубъ игралъ видную роль въ жизни края и въ немъ происходилъ постоянный притокъ и отливъ людей.

Тешерь это захолустный городокъ съ едва слышнымъ пульсомъ жизни.

Населеніе состоитъ изъ казаковъ, купцовъ и мѣщанъ. Среди населенія нерѣдки случаи занятія отхожими промыслами, особенно на югъ, въ донецкія копи.

Наклонность къ сношенніямъ съ далекими рынками обнаруживалась у Стародубцевъ уже и раньше, такъ напр. въ 1701 году извѣстны торговыи ихъ сношения съ Архангельскомъ, куда они отправлялись съ товарами¹⁾.

Имѣя сношения съ крайнимъ сѣверомъ, югомъ, Петербургомъ и Москвою²⁾, Стародубъ до нѣкоторой степени долженъ былъ получить чуждны ему слова и наимѣны, которые изрѣдка слышатся въ немъ какъ отголосокъ далекихъ пѣсенъ и переплетаются въ причудливыхъ извивахъ съ его родными пѣснями.

Откладывая до слѣдующей статьи разборъ и сравненіе пѣсень всѣхъ уѣздовъ Черниговской губерпіи, я въ этой статьѣ приведу пѣсни Стародуба во всей ихъ чистотѣ, сохрания по возможности и произношеніе словъ.

Начинаю же я съ пѣсень Стародуба потому, что, какъ я сказалъ, городъ этотъ является однимъ изъ древнѣйшихъ Черниговской губерніи, а кромѣ того и я съ нимъ наиболѣе близко знакомъ, такъ какъ живу въ немъ около 27 лѣтъ.

Пѣсни я записывалъ отъ нѣсколькихъ пѣсениковъ и сравнивалъ однѣ и тѣ же пѣсни, но продиктованныя разными лицами—для избѣжанія субъективной передачи.

Если встрѣчается разница въ строфѣ или словѣ, то я помѣщаю варягъ тутъ же въ скобкахъ.

Особенно много пѣсень я записалъ отъ казака Ивана Прокофьевича Кастрюбы, письмоводителя инспектора народныхъ училищъ и его сестрѣ, менѣе отъ казака Федора Яковлевича Лужкова, служителя при Стародубской мужской гимназіи и казака Молчанова, служащаго въ казначействѣ.

Нѣкоторые изъ поименованныхъ лицъ участвовали въ исполненіи „царя Максимилиана“ и „ходили со звѣздой“. Такжѣ принималъ участіе въ моей работѣ инспекторъ народныхъ училищъ Г. С. Мезерницкій; Стародубскій городской голова В. А. Шешко былъ весьма обязателенъ, доставивъ мнѣ всѣ необходимыя справки.

1) Письма канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина къ гетману И. Скоропадскому LXXIV. Матер. для отечественной исторіи изд. М. Суденко. Кіевъ. 1855. Т. П., стр. 209.

2) См. прим. I. стр. 406.

Обычаевъ свадебныхъ, крестинныхъ, и проч. я описывать не буду, ... такъ какъ Пригаровскимъ¹⁾ описаны таковыя для с. Меленска, находящагося всего въ 12 верстахъ отъ Стародуба; они довольно близко походятъ на Стародубскіе, если же есть небольшая разница, то она будетъ мною указана въ слѣдующемъ сравнительномъ очеркѣ.

Пѣсни я располагаю въ слѣдующемъ порядке:

1. Щедровныя.
2. Коза.
3. Пѣсни вѣздоносцевъ.
4. На масляной.
5. Хороводныя.
6. Ивановскія.
7. Грязныя (передъ жнивьемъ).
8. Жнивныя.
9. Конопляныя.
10. На работу.
11. Съ работы.
12. Осенния.
13. Свадебныя.
14. Крестинныя (кстинныя).

} Рождественскія пѣсни.

Конечно, здѣсь переплетаются пѣсни города и пригородныхъ деревушекъ, изъ которыхъ много народа приходитъ на подземные работы въ Стародубъ: на огороды, „на табакъ“, убирать хлѣбъ подъ городомъ, на сѣнокосы и проч.; а вѣкоторыя деревушки (Костинка) занимаются стиркой бѣлля для города, что заставляетъ поддерживать постоянныя сношенія со Стародубомъ.

Въ этихъ деревушкахъ пригородныхъ вы встрѣтите тѣ же пѣсни, что и въ городѣ, да и жители ихъ, занимаясь плотничествомъ или другими ремеслами въ городѣ, мало отличаются отъ коренныхъ городскихъ жителей.

Въ началѣ всѣхъ пѣсень я помѣщу „пари Максимилиана“, кото-
рого разыгрывали на Рождество.

Лѣтъ 10—12 уже его почти совсѣмъ не играютъ и пьеса эта понемногу забывается.

Причиною къ запрещенію ее играть послужили нерѣдкія столк-
новенія артистовъ съ горожанами; вообразите себѣ дарній 50, мо-
лодыхъ, веселыхъ, разгоряченныхъ успѣхомъ и не знающихъ, куда
дѣвать накопившуюся въ душной хатѣ энергию. Конечно, шутками
ихъ не была довольна полиція, вслѣдствіе чего эти представлениія
и были запрещены.

А тутъ еще маленькое происшествіе съ невѣстой офицера въ
1-мъ лѣтствіи: ее игралъ молоденький, хорошенький мальчуганъ,
одѣтый „мамзелью“.

Публикѣ эта псевдо-барышня понравилась, и одинъ баринъ рѣ-
шилъ ее отбить у артистовъ; для этой цѣли состоялся цѣлый за-
говоръ и, послѣ порядочной свалки, псевдо-дѣвица была отнята въ
темномъ коридорѣ.

¹⁾ Пригаровскій. Описаніе с. Меленска. Записки черниговскаго губерн-
скаго статистическаго комитета. 1886 г.

Но когда на свѣту мальчишка сбросилъ платье и предсталъ въ своеемъ натуральномъ костюмѣ—у отбивавшаго его донъ Жуана фи-зиономія перекосилась отъ злобы и досады. Быть можетъ, эта досада, отчасти, вылилась и на всю труппу.

Стародубскій варіантъ „царя Максимилиана“, нося общій всѣмъ варіантамъ характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно отличается отъ при-водимыхъ Каллашомъ¹⁾ варіантовъ своими чисто мѣстными вставками и цѣлымъ дѣйствиемъ—сценой у разбойниковъ.

Подожимъ, все это находитъ свое объясненіе въ мѣстныхъ усло-віяхъ жизни: гнѣзда разбойниковъ, дѣйствительно, славились по всей округѣ; попы клинцовскіе, т.-е. раскольничіи, рѣзко отличались населеніемъ отъ своихъ поповъ; евреевъ неоднократно выѣзжали стародубцы; среди горожанъ находится довольно большой процентъ евреевъ, такъ что въ субботу, пожалуй, ничего и не купить, такъ какъ лавки по большей части еврейскія... Ненависть къ евреямъ стародубцы питаютъ особенную.

Вотъ эти нѣсколько особенныхъ условія жизни и создали рядъ тѣхъ добавленій, которыми Стародубскій варіантъ „царя Максими-ліана“ отличается даже отъ ближайшаго къ нему изъ записанныхъ—Глуховскаго.

ГЛАВА I.

Царь Максимилианъ.

Человѣкъ 50 парней, одѣвшіи сверхъ своихъ театральныхъ костю-мовъ полушубки или теплые пальто, являлись въ заранѣе назначен-ный домъ, гдѣ и давали представленіе, длившееся около 3-хъ часовъ.

Запавшись былъ свой, состоящій изъ нѣсколькихъ сшитыхъ кус-ковъ полотна.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Атаманъ—въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ; сбоку висить сабля; усы лихо подняты кверху; волосы черные, длинные; видъ страшный.

Есаулъ—одѣтъ также, по бѣдѣ.

Разбойники—одѣты въ красныя рубахи и синіе или черные шаровары, съ кинжалами, саблями, топорами, кастетами, пистоле-тами и проч.

Лица у нихъ звѣрскія, у многихъ шрамы и кровоподтеки на лицахъ.

Офицеръ—въ курткѣ или сюртукѣ съ эполетами изъ золотой бумаги, съ саблей, въ фуражкѣ съ кокардой, а иногда въ черкесскѣ и шапкѣ.

Невѣста его—молодой парень, одѣтый въ корсетку и юбку, въ платкѣ или иногда въ шляпкѣ.

¹⁾ Каллашъ. Къ исторіи народнаго театра. Царь Максимилианъ. Издъ XXXIX кн. Энглгр. Обозр.

Царь Максимилианъ—въ царскомъ одѣяніи съ золотой короной на головѣ. Черезъ плечо лента, на груди звѣзда, на плечахъ эполеты.

Венера—молодой женоподобный парень одѣтъ въ кофту и юбку; съ огромнымъ бюстомъ.

Тѣлохранители—въ треуголкахъ, съ булавами въ рукахъ, въ камзолахъ и шароварахъ.

Скорокодъ—въ огромныхъ сапогахъ, съ булавой и въ треуголѣ.

Попъ—одѣтъ въ рогожу и очень растрепанъ, на головѣ какая-то шапка.

Пономарь—въ подрясникѣ, весь измятый и растрепанный.

Адольфъ—въ серебряной коронѣ, съ лентой черезъ плечо и со звѣздой.

Татары—въ колпакахъ.

Старикъ гробокопатель—въ старомъ сюртукѣ, согнутый.

Соломонида—въ тряпкахъ, видъ отчаянны.

Докторъ—съ очками на носу, носъ красный, несетъ огромную спринцовку.

Фельдшеръ—заклеева щека пластиремъ, глазъ подбитъ, носъ красный, съ огромной бутылкой съ рецептомъ.

Жидъ—совершенно оборванный, въ грязныхъ тряпкахъ, которые висятъ на немъ лентами, въ ермолкѣ, съ огромными пейсами.

Шмерка—одѣтъ въ одну рвань.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Атаманъ, есауль, разбойники, затѣмъ офицеръ и его невѣста. Сцена представляеть пещеру. На аванъ-сценѣ стоять столъ, накрытый бѣлой скатертью.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Атаманъ, есауль, разбойники).

Выходитъ атаманъ въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ, вооруженъ шашкой и кинжаломъ; поетъ:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна свѣтлѣе блещеть
Въ сладкѣй часъ вечерней мглы.

Атаманъ (шапка наголо). Есауль!
Есауль. А что изволиши, баринъ атаманъ?
Атаманъ. Подать графинъ съ водкой
Есауль. Пойду и принесу графинъ съ водкой. (уходитъ и приходитъ съ графиномъ).

Атаманъ (береть графинъ и поетъ):
Братья, въ жизни горя много,
Кто его не испыталъ?
Богъ намъ даль вино на радость,
Самъ мудрецъ святой писалъ.

Братья, въ рюмки наливайте,
Лейте черезъ край вино!
Все до капли выливайте,
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Есауль!

Есауль. Чего изволить баринъ атаманъ?

Атаманъ. Садись-ка, мы съ тобою поговоримъ, я тебѣ расскажу про жизнь свою. (Есауль садится, опираясь на саблю).

Насъ было двое: братъ и я¹⁾;
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтамъ, жизнь была не въ радость,—
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое преэрѣнѣе,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученіе.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились между собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь,
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь...
Не долго братья пировали,
Поймали насъ— и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стражи отвѣла въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынѣсть больше брата могъ.
Въ цѣняхъ, за душными стѣнами,
Я упѣлѣлъ—онъ изнемогъ.

Есауль. Ну, полно, баринъ-атаманъ, намъ говорить про больного,
Давай-ка лучше выпьемъ хмельного.

Атаманъ. Иди и принеси изъ-подъ носка,
Чтобъ не брала атамана тоска!

Есауль. Пойду и принесу изъ-подъ носка,
Чтобъ не брала атамана тоска.

(Уходитъ и сейчасъ же возвращается съ графиномъ и стаканомъ).

Атаманъ. Ну, братъ, наливай-ка и выпей прежде самъ, я
знаю, что ты горькій пьяница.

Есауль. Щю за здоровье атамана. Ура!

Ватага разбойниковъ тоже кричтъ „ура“; есауль въ это время наливаетъ
водки атаману).

¹⁾ Братья-разбойники, Пушкина. Когда появилась эта вставка—я не
могъ установить.

Атаманъ. Пью за здравье шайки бойкой,
Пью пресладкую настойку! Ура!

(Ватага разбойниковъ кричить „ура“!).

Атаманъ (Есаулу): Поднеси-ка шайкъ!

(Есаулъ подноситъ шайкъ; разбойники пьютъ и кричать „ура“, раздается ихъ говоръ и хохотъ).

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволить, баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Что за шумъ?

Есаулъ. Наши молодцы какого-то чудака привели.

Атаманъ. Дать имъ волю, пусть ихъ дуракъ потѣшить.

(Шайка смеется до слезъ надъ дуракомъ).

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволить, баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Полно шутить! А ну-т-ка, пошли посмотреть въ подзорную трубку; пусть хорошо поглядятъ, не идетъ ли кто, не везетъ ли чего?

Одинъ изъ разбойниковъ (всматривается и говоритъ): Вижу!

Атаманъ. Что видиши?

Разбойникъ. На вербѣ сучки.

Атаманъ. О-то самые полицейские крючки!

Смотри-ка лучше!

Разбойникъ. Вижу!

Атаманъ. Что видиши?

Разбойникъ. На водѣ колода.

Атаманъ. О-то самый есть воевода —

Онъ нась хочеть поймать,

Въ тюрьму сплавляти! Смотри-т-ка лучше

Разбойникъ. Вижу!

Атаманъ. Что видиши?

Разбойникъ. Край рѣки, теремъ, а въ томъ теремѣ краснадѣвица Анастасьюшка.

Атаманъ. А нельзя ли ее достать?

(Разбойники садятся и будто плывутъ, изображая это стукомъ въ ладоши; они поютъ):

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ и т. д.

(послѣ этой пѣсни еще:)

Эхъ, вы, хлонцы, не робѣйте,

Своихъ ручекъ не жалѣйте,

Пригребайте красну лодочку

Къ Анастасьиному дворочку.

Анастасьюшка выходила,

Графинъ съ водкой выносила,

Всемъ ребятамъ подносила,
Съ атаманомъ рѣчи говорила.
Не прогнѣвайся, самъ хозяинъ,
Въ чемъ стояла, въ томъ и выбѣжала!

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е.

(Офицеръ и его невѣста входятъ въ разбойничье жилище, озираясь съ испугомъ кругомъ).

Офицеръ. Ахъ, Боже мой, куда это мы забрались; кругомъ ружья, книжали, ножи, вѣроятно, это разбойничье атаманское жилище.
(Выѣгнѣсть атаманъ и хватаетъ его за грудь.)

Атаманъ. Такъ точно, атаманское разбойничье жилище.

А ты какъ сюда зашелъ

И съ собой красну-дѣвицу завелъ?

Офицеръ. Выслушай, кровожадный разбойникъ: это есть не дѣвица, а моя нарѣченная невѣста, съ которой я пришелъ въ Стародубъ закалупиться законнымъ бракомъ.

Атаманъ. Значить, ты мой соперникъ? Полѣзай!

Офицеръ. Боясь!

Атаманъ. Полѣзай!

Офицеръ. Боясь!

Атаманъ. Полѣзай! ¹⁾

Офицеръ. Боясь!

Атаманъ. Значить, ты трусъ!

Офицеръ. Нѣть, я не трусъ, а такъ боюсь! Я готовъ душу на плаху, а голову на количекъ посадить!

Атаманъ. Есауль!

Есауль. А что изволить баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Отведи-тка этого молодца не на кухню, а на кюнью, пусть нашихъ трехдневныхъ щей похлебаетъ, да моихъ коней попасетъ!

(Есауль уводить офицера, который, обращаясь къ невѣстѣ, поетъ: „прощаюсь ангелъ мой съ тобою“).

Атаманъ (обращаясь къ дѣвицѣ). А тебя какъ звать?

Дѣвица. Людмила.

Атаманъ. А, не даромъ ты кавказскаго офицера полюбила! А званія какого?

Дѣвица. Поповскаго.

Атаманъ. Ахъ, эти намъ попы да протопопы, всѣ зашѣки оттолкали. А водку ты пьешь?

Дѣвица. Пью.

Атаманъ. Есауль!

Есауль. А что изволить баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Подай графинъ съ водкой!

Есауль. Пойду и принесу графинъ съ водкой.

(Уходить и возвращается съ графиномъ; отдавъ его атаману, снова уходить).

1) Совершенно нельзя добиться, куда атаманъ заставляетъ лѣзть офицера.

Атаманъ (наливая вино, подаеть Людмилѣ). Пей за смерть своего мужа.

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Есауль!

Есауль. А что изволить баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Эту красу-дѣвицу отведи на покой, да смотри самъ не подшутъ!

(Есауль уводить Людмилу и украдкой отъ атамана ее цѣлуетъ).

(Шайка идеть на добычу, слышится перестрѣлка, во время которой вдругъ раздается крикъ: "атаманъ мертвъ!" Складываютъ разбойники нѣсколько ружей и несутъ на нихъ атамана съ пѣсней):

Среди яѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ,
На руахъ могучихъ } 2 раза.
Товарища несутъ.
Носилки не простыя, —
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальные } 2 раза.
Мечи положены.
Два длинныхъ пистолета
За поясомъ висятъ
И два стальныхъ кастета } 2 раза.
У рукава блестятъ.

(Окончаніе следуетъ).

ТУНГУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

Помѣщаемыя ниже тунгусскія преданія записаны мной въ Туруханскомъ краѣ въ 1905 г., на обратномъ пути изъ Хатангской экспедиціи. По завершеніи ея главныхъ задачъ и раздѣленіи состава экспедиціи на двѣ партіи для слѣдованія въ обратный путь, мнѣ пришлосьѣхать съ начальникомъ ея И. П. Толмачевымъ, направлявшимся на Олекминскъ на р. Ленѣ. Часть этого пути между оз. Ессеемъ и оз. Яконгдой мы совершили съ илімпейскими тунгусами. Въ пути на почлегахъ, въ чумѣ у тунгусовъ, я занимался записываніемъ тунгусскихъ словъ и фразъ и собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній. При этомъ же мнѣ были сообщены и предлагаюмыя преданія. Главнымъ рассказчикомъ былъ тунгусскій князь Николай Хирагиръ, по прозвищу Чунго,—человѣкъ выдающійся по уму въ своей средѣ. Только одно преданіе „Умна“—рассказано другимъ тунгусомъ. Оба мои рассказчика не говорили на якутскомъ языке, которымъ я владѣю, почему приходилось пользоваться переводомъ тѣхъ, которые знали этотъ языкъ, записывая предавія уже на русскомъ языкѣ у себя въ чумѣ, непосредственно за разсказомъ. При этомъ я старался держаться возможно ближе его духа. Пять изъ этихъ преданій относятся исключительно къ тунгусскому быту. Одно,—озаглавленное мною „Юраки“,—по словамъ самого рассказчика, позаимствовано отъ юраковъ, на р. Енисѣй. Наконецъ, послѣднее—„Дыгын“—представляетъ, новидимому, одинъ изъ варіантовъ извѣстнаго якутскаго преданія, заимствованный отъ якутовъ и нѣсколько видоизмѣненный. Всѣ эти преданія приводятся здѣсь безъ всякихъ измѣненій, какъ были записаны мною въ то время, въ предположеніи, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онѣ были воспроизведены съ большимъ сохраненіемъ колорита и что позднѣйшія поправки и передѣлки лишь отдалили бы ихъ отъ духа разсказа.

В. Васильевъ.

Уріан и Молуна.

Жилъ въ старину витязь, но имени Уріан. Онъ былъ прекрасный охотникъ и неустршимый боепр. Не было звѣря, котораго онъ не могъ бы догнать и убить; не было человѣка, который могъ бы противостоять ему; всѣхъ онъ побѣжалъ, лучше всѣхъ стрѣлять и былъ сильнѣе всѣхъ.

Далеко шла слава объ удаломъ, непобѣдимомъ витязѣ Уріанѣ; всѣ тунгусы о немъ знали и слышали, всѣмъ были известны его подвиги. Въ то же время жилъ другой тунгуссвій витязь Молуна, такъ же знаменитый, одолѣвшій многихъ сильныхъ и главныхъ удальцовъ-тунгусовъ. Многое наслышался и Молуна объ Уріанѣ и досадно ему было, что о немъ говорить меньше, чѣмъ объ Уріанѣ, и видно; хотѣлось ему уничтожить славиаго Уріаня, но вступить съ нимъ въ открытый бой онъ не рѣшался. Слава объ Уріанѣ между тѣмъ росла да росла и не давала покоя Молунѣ. Наконецъ онъ собралъ своихъ людей и направился къ жилищамъ Уріаня. Жилъ послѣдній на берегу одной рѣчки, гдѣ стоялъ его чумъ и чумы его людей. Подкрался Молуна со своими людьми къ рѣчкѣ вечеромъ; уже темнѣло. Уріанъ съ частью своихъ людей въ это время были дома. Молуна со своими людьми, держа въ рукахъ свои луки вверхъ подобно рогамъ, стали перебредать рѣчку. Уріанъ слышалъ, что на водѣ происходит что-то, и, увидѣвъ въ темнотѣ какіе-то торчащіе къ верху предметы вродѣ роговъ, рѣшилъ, что это дикие олени.

— Ну, утромъ поохотимся на нихъ, а теперь темно,—сказалъ не подозрѣвающій ничего Уріанъ и успокоился.

Люди его и работники разошлись тѣмъ временемъ по разнымъ дѣламъ, кто въ лѣсъ, кто куда. На одного изъ нихъ какъ разъ напали люди Молуна: схватили бѣднаго тунгуса, скрутили и привели къ вождю своему. Молуна посмотрѣлъ на схваченнаго и говорить ему:

— Скажи намъ, какъ узнать твоего вождя, по какимъ примѣтамъ, и мы оставимъ тебя въ живыхъ, а иначе тебѣ грозить смерть.

Испугался пѣнникъ и говорить:

— Когда мы сядемъ за ёду, онъ одинъ лишь среди насъ будетъ сидѣть на камнѣ,¹⁾ и когда ему станутъ давать пищу, будетъ подставлять не голую ладонь, какъ мы, а таловыя стружки, чтобы не смягчить на пальцахъ кожу и мозоли отъ тетивы лука; вы это и примѣтайте.

— Хорошо, да смотри, не проговорись,—сказалъ Молуна.

Тунгусъ ушелъ и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Уріанъ со своими людьми сѣли на берегу у костра ёсть. Но только что онъ принялъ за ёду, какъ надъ головой его прожужжала стрѣла, пущенная изъ-за кустовъ рукой Молуна. Не ожидавшій ничего подобнаго, Уріанъ метнулся съ места и

¹⁾ Въ тѣ времена люди садились за ёду не въ чумѣ, а внѣ его, вокругъ костра.

однимъ прыжкомъ, безъ всякаго оружія, перескочилъ черезъ рѣчку, но здѣсь его догнала вторая стрѣла Molyuа и впилась ему въ икру ноги. Безоружный и раненый Уріан сѣлъ на берегу, а враги его тѣмъ временемъ, выскочивъ изъ-за кустовъ, стали осыпать его тучами стрѣль.

Однако—и безоружный, и раненый—Уріан такъ ловко отстрѣнялся отъ направленныхъ на него стрѣль, что ни одна изъ нихъ не попадала въ него. Долго стрѣляли въ него, но все безъ результата. Наконецъ Уріан крикнулъ своимъ противникамъ:

— Что же вы одни все стрѣляете? Бросьте и мнѣ кто нибудь свой лукъ и стрѣлы, попробую и я пострѣлять въ васы!

Никто, разумѣется, не бросилъ ему своего лука.

— Ну, все равно,—сказалъ тогда Уріан,—что мнѣ теперь мазаться хромому; скоро вы меня такъ ли иначе доканаете, такъ стрѣляйте же хорошенько!—и, закрывъ глаза, тотчасъ же паль, пораженный въ вѣсколькихъ мѣстахъ стрѣлами.

Molyuа съ людьми очень скоро послѣ этого спряталась и съ людьми, и съ работниками Уріан'a. Жена Уріан'a сдѣлалась добычей побѣдителя, но передъ тѣмъ, какъ быть уведенной, успѣла спрятать маленькаго сына своего подъ опрокинутый котелъ.

Довольно далеко отъ мѣста побоища, въ сторонѣ, въ лѣсу, жилъ престарѣлый отецъ убитаго Уріан'a. Туда то и направился Molyuа. Явившись къ старику, Molyuа съ насмѣшкой сказалъ ему:

— Убили сегодня одного мойку¹), но онъ оказался настолько худъ, что даже мозги растаяли²).

Понялъ старикъ, какая участь постигла его сына, поникъ головой и проговорилъ:

— Какъ не быть сухимъ и не стаять мозгамъ, въ послѣдніе три года онъ одинъ своей охотой на дичь прокармливавъ семь семейств.

Посмотрѣлъ Molyuа на старика, на его дряхлость и, рѣшивъ, что не стоить убивать его, отправился къ себѣ домой. По его уходу старикъ пошелъ къ мѣсту табора своего сына, увидѣлъ его трупъ, нашелъ подъ котломъ мальчугана и, взявъ его съ собой, вернулся къ себѣ домой. Сталъ старикъ воспитывать своего внутика. Долго-ли, коротко-ли—неизвѣстно, сколько прошло времени—мальчикъ ужъ подросъ, сталъ рѣзвиться, поигрывать лукомъ и скоро сталъ и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый разъ дальше и дальше отъ дома сталъ уходить сынъ Уріан'a: что ни день, то онъ позже и позже возвращался домой. Бродя такъ по лѣсамъ и лугамъ, между горъ и озеръ, онъ увидѣлъ однажды затесь на деревѣ, тамъ другую, третью. Затесь была старая, совсѣмъ постѣвшая. Сталъ парень прослѣживать затесь и увидѣлъ, что она показываетъ чѣтко путь, идя въ одномъ направлении, правильно и на близкому разстояніи другъ отъ друга. Вернувшись домой, парень сталъ разспрашивать дѣда—какія это затеси на деревьяхъ? Старикъ отдѣ-

¹) Годовалый оленій теленокъ.

²) Костный мозгъ оленя въ сырьемъ видѣ—у тунгусовъ лакомое блюдо. У сухого животнаго онъ разжижается и теряетъ свой вкусъ, почему выбрасывается.

лся незванiemъ. Заинтересовали парня эти старые затеси, чуялось ему, что тут кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще сталъ онъ приходить къ этимъ затесамъ и пробовать прослѣдить ихъ и чаще и настойчивѣе разспрашивать о нихъ дѣда. Спрашивалъ онъ его и обѣ отцѣ своимъ:

— Скажи же, дѣдъ, вѣдь долженъ быть у меня отецъ и мать; гдѣ же они, или что съ нимисталось?

Но дѣдъ упорно молчалъ. Сталъ сынъ Уріанъ приходить къ загадочнымъ затесамъ еще чаще и прослѣживать ихъ еще дальше, такъ что началъ уходить уже не на день, а на вѣсколько дней и настойчивѣе приставать къ старику съ разспросами. Видитъ старики, что парень возмужалъ и окрѣпъ и что его не удержишь: того и смотри—уйдеть самъ, и разскажетъ ему все обѣ Уріанъ и его смерти.

— Былъ у меня Molуа,—добавилъ старики къ своему разсказу,—посмѣялся надо мной и сказалъ, что на обратномъ пути сдѣлаетъ затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какиенибудь родственники и мстители за Уріанъ. Но ты, дитя мое, не вздумай преслѣдовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя былъ отецъ, и не плохъ долженъ быть человѣкъ, которому удалось убить его; не тебѣ съ нимъ таататься.

Не таковъ былъ однако сынъ Уріанъ, чтобы его можно было испугать. Попрощался онъ со старикомъ, взялъ свои охотничьи снаряды и отправился въ путь. Долго онъ шелъ и пришелъ, наконецъ, къ старому кузовцу. Здѣсь парень остался на нѣкоторое время и заставилъ старика ковать себѣ оружіе, а самъ занялся охотой и прокармливалъ старика, пока тотъ ковалъ ему. Скоро старики выковалъ ему броню желѣзную и множество стрѣль, но догадываясь о томъ, кто можетъ быть его заказчикъ, долго уговаривалъ его—не ходить къ Molуа и вернуться обратно. Тотъ ошѣя таки не послушался. Тогда старики указали ему путь къ Molуа и пожелали ему усилка и тотъ снова отправился въ путь. Скоро показался лагерь Molуа. Спялъ сынъ Уріанъ съ себя броню, колчанъ со стрѣлами, отложилъ лукъ, сирятъ все это въ лѣсу и самъ, одѣвшись въ рваную одежду, пошелъ къ чумамъ. По серединѣ лагеря стоялъ чумъ, сдѣланный лучше и просторнѣе другихъ. Рѣшившись, что это и долженъ быть чумъ вождя, парень вошелъ въ него. Въ чумѣ были однѣ женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины разспрашивать парня, кто онъ, откуда и зачѣмъ ходить. Пришелъ выдалъ себя за заблудившагося сироту, случайно набредшаго на жилье. Скоро стали слышны голоса возвращающихся съ охоты хохловъ. Сынъ Уріанъ выглянулъ за дверь и, увидѣвъ подходящихъ къ чумамъ людей, сразу и безошибочно опредѣлилъ—кто изъ нихъ долженъ быть самъ Molуа. Дѣйствительно, скоро вошелъ въ чумъ самъ Molуа, и, замѣтивъ новое лицо, спросилъ, что это за парень. Тотъ самъ повторилъ ему то же, что передъ тѣмъ говорилъ женщинамъ.

— А накормили ли его?—спросили хохлы бабы.

— Кормили,—отвѣтили тѣ.

Сталъ Molуа тутъ разскаживать, какъ онъ убилъ когда-то Уріанъ, какъ дѣлалъ затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Уріан'а родныхъ,—закончилъ онъ,—иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гмъ, такъ ты хвалишься, оказывается, тѣмъ, что убилъ его хитростью, изъ-за угла?!—воскликнулъ сынъ Уріан'а, вскочивъ съ мѣста;—я прослѣдилъ твой путь и пришелъ по твоимъ слѣдамъ!

Услышавъ это, Молуна винулся на него съ ножемъ, но тотъ успѣлъ выскочить. Крикнулъ тогда Молуна своимъ людямъ:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Уріан'овъ сынъ былъ уже далеко; онъ прибѣжалъ въ лѣсъ, къ тому мѣstu, гдѣ спряталъ свои доспѣхи, одѣлся, взялъ свои стрѣлы и лукъ и двинулся на встрѣчу людямъ Молуна. Тѣмъ временемъ и самъ Молуна, одѣтый и вооруженный, вышелъ къ своимъ людямъ, а тѣ уже начали стрѣлять въ пришельца; уже цѣлые тучи стрѣлья летѣли па сына Уріан'а, но ни одна не могла попасть въ него, такъ какъ онъ увертывался и отклонялся отъ каждой изъ нихъ, между тѣмъ какъ люди Молуна одинъ за другимъ падали пораженные стрѣлами пришельца; ни одной стрѣлы онъ не пустилъ мимо; что ни выстрѣль—то убитый или смертельно раненый. Со свистомъ летѣли его смертоносныя стрѣлы, опустошая ряды его враговъ. Мѣтко стрѣлялъ парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрѣлялъ всѣхъ людей и работниковъ Молуна. Остались они вдвое мъ другъ противъ друга; у нихъ уже начали разрываться отъ стрѣлья соединительныя вязки броней, а сынъ Уріан'а все приближается къ своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себѣ въ жены; дамъ я тебѣ за нея оленей и другого добра, сохрани только жизнь миѣ!—взмолился Молуна.

Парень опустилъ свой лукъ и пересталъ стрѣлять. Помирившись, Молуна дѣйствительно выдалъ за него свою дочь. Тутъ же сынъ Уріан'а нашелъ свою мать. Долго ли прожилъ здѣсь сынъ Уріан'а—неизвѣстно, только однажды онъ собрался въ обратный путь. Взялъ онъ свою жену, мать, оленей съ женинымъ имуществомъ и двинулся въ свою сторону. Дорогой, на обратномъ пути, онъ охотился. Иногда останавливались и дневали, тогда онъ уходилъ охотиться на цѣлый день. Однажды на одной изъ такихъ остановокъ ихъ догналъ Молуна, хозяина не было дома. Молуна зналъ это; онъ давно уже слѣдилъ за своимъ зятемъ и искалъ лишь удобнаго случая убить его. Выдача за него замужъ своей дочери была съ его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя въ чумъ, Молуна приказалъ женщинамъ собрать всю кладь вокругъ чума. Когда женщины исполнили это, онъ сказалъ:

— Сынъ Уріан'а придетъ вечеромъ, поздно; я спрячусь здѣсь, между кладью. Вечеромъ, когда онъ будетъ возвращаться, вы откроите дверь чума ему навстрѣчу, и когда огонь освѣтить его въ темнотѣ—я застрѣлю его.

Женщины не посмѣли ослушаться. Задегъ Молуна между тюками и стала ждать. Наступилъ вечеръ, стемнѣло. Скоро послышались и шаги человѣка. Вотъ они ближе и ближе подходяще къ чуму. Въ это время раскрылась дверь чума и огонь отъ костра освѣтилъ сына Уріан'а. Охотникъ подошелъ къ чуму и только что стала заносить ногу, чтобы войти, какъ мимо него проужжала стрѣла.

— Ну, Молунà, на этот разъ я тебя уже не пошажу,—проговорилъ сынъ Урiан'а, сразу узнавъ своего врага, и бросился къ тому мѣсту, откуда прилетѣла стрѣла. Увидѣвъ, что промахнулся, что старая испытанныя рука измѣнила, Молунà кинулся бѣжать; но не долго бѣжалъ онъ: стрѣлы,пущенные вѣрной и сильной рукой Урiан'ова сына, поразили его на смерть. Такъ кончилъ Молунà свою жизнь, а сынъ Урiан'а съ женой и матерью продолжалъ на утро свой путь.

Оран.

Среди Илимпейскихъ тунгусовъ былъ одинъ человѣкъ, по имени Оран. Жилъ онъ на рѣчкѣ и, перегораживая ее заколомъ, добывалъ себѣ рыбу. Однажды человѣкъ около тридцати тунгусовъ направились къ нему, чтобы убить его. На послѣднемъ почлегѣ передъ встрѣчей съ нимъ двое изъ нихъ остались хорыничать, а остальные направились къ 'Оран'у. Подкравшись тихонько лѣсомъ къ рѣчкѣ, они увидѣли 'Оран'а. Тотъ былъ на своемъ заколѣ. Тутъ же въ водѣ, у закола былъ вбитъ развалистый коль, на которомъ былъ повѣшнъ его лукъ. Изъ предосторожности онъ не оставлялъ свое оружіе на берегу. Увидавъ 'Оран'а и неразлучность его со своимъ оружіемъ, тунгусы не рѣшились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли къ оставшимся двумъ товарищамъ, тѣ спросили ихъ—убили ли они 'Оран'а.

— Нѣтъ,—отвѣтили тѣ и рассказали, что видѣли.

— Эхъ, вы, столько человѣкъ и побоялись напасть на одного!—замѣтили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы можете убить его,—возвра-
зили тѣ,—такъ идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдемъ!—сказали оставшиеся и дѣйствительно отправились.

Придя къ заколу, храбрецы увидѣли, что 'Оран'а тамъ уже нѣть и что онъ укочевалъ, причемъ шелъ, не выбирая чистыя мѣста для своего аргиша¹⁾), какъ дѣлали и дѣлаютъ обыкновенно, а прорубая цѣлые просѣки, если попадалась чаща. Двигался 'Оран' поэтому медленно и тунгусы скоро подошли къ нему настолько близко, что могли разсмотрѣть его. Тогда они обошли его и, зайдя къ нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, какъ разъ вротивъ пути 'Оран'а, такъ что послѣдній въ своеи стремлениі итти прямо долженъ былъ непремѣнно выйти на нихъ.

Выбили они въ двухъ иѣстахъ глину съ корневища вродѣ ма-
ленькихъ окошечъ и стали ждать. Скоро дѣйствительно подошелъ 'Оран' и всего въ какихъ нибудь 2—3 саженяхъ отъ засады сталъ рубить мѣшавшее ему деревцо. Одинъ изъ спрятавшихся пустилъ въ него изъ своего окошка стрѣлу, но промахнулся, такъ какъ 'Оран' успѣлъ уклониться отъ нея, прокричавъ крикоиъ какои то птицы. Страхъ тутъ напалъ на сидѣвшихъ въ засадѣ и они бро-

¹⁾ Обозъ.

сались бѣжать. 'Оран' пустилъ имъ въ догонку стрѣлу и убилъ одного изъ нихъ. Затѣмъ онъ закричалъ:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тотъ остановился. Подойдя къ нему, 'Оран' спрашивается:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя,—отвѣтчаетъ тунгусъ.

— А разгѣ вы слыхали объ 'Оран'ѣ, что пришли убить его?

— Какъ не слыхать; всѣ говорить о тебѣ, вотъ и пришли мы.

— А много васъ?

— Да, порядочно,—отвѣтилъ тунгусъ.

— Ну, такъ я не убью тебя, какъ и обѣщалъ; теперь же ты ступай и скажи своимъ, что видѣлъ 'Оран'а и что одинъ изъ васъ поспатился за свое желаніе убить меня,—и 'Оран' мирно отпустилъ тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

Два брата.

Жили два брата: старшій, женатый—весь хозяйство, младшій же, холостой парень—былъ лѣтній. Однажды жена старшаго брата замѣтила, что къ нимъ подходятъ три вооруженныхъ луками человѣка, и сообщила своему мужу. Тотъ посмотрѣлъ и видѣлъ, что дѣйствительно идутъ люди и, какъ ему показалось, довольно подозрительные. Затѣмъ старшій братъ говоритъ, обращаясь къ младшему:

— Слушай, братъ! Если я увижу, что это худые люди, то я мигнусъ тебѣ. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокуръ для оленей (а надо замѣтить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказать¹⁾ и лукъ.

Братъ ничего не отвѣтилъ. Тѣмъ временемъ пришли и замѣченіе люди, всѣ вооруженные и очень подозрительного вида. Поговоривъ немного съ пришельцами, хозяинъ мигнулъ брату, потомъ еще разъ и еще, а тотъ и не смотрѣтъ на него; уставилъ глазами въ полъ и сидѣть себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это время одинъ изъ пришельцевъ вытащилъ ножъ и ударили имъ въ лѣтніяя; ударъ пришелся въ самое сердце и парень тутъ же умеръ. Увидя это, хозяинъ кое-какъ, въ чемъ быль, успѣлъ выскочить на дворъ; ни лука, ни чего другого, кроме старого отказанія, онъ не успѣлъ съ собой захватить и пустился бѣжать. Пришельцы пустились за нимъ, но имъ не удалось догнать его и онъ спасся. Нѣкоторое время онъ скрывался, но потомъ, когда вернулся наконецъ домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья тамъ уже не оказалось. Всѣ было ограблено и похищено; даже съ брата его, съ мертваго—было снято все, и овъ лежалъ голый. Ничего не осталось у бѣдника, ни поѣсть или попить чего, ни одѣтъся во что, ни укрыться гдѣ отъ стужи; остался онъ въ одномъ лѣтнемъ платьѣ. Долго скитался бѣднякъ въ поискахъ своихъ обидчиковъ, питаясь чѣмъ Богъ пошлетъ.

¹⁾ Большой ножъ на древкѣ.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумает ничего, какъ намъ опять соединиться? — думалъ онъ, а самъ все искалъ, да искалъ.

Наконецъ ему удалось напасть на ихъ слѣдъ. Нашелъ онъ тутъ, на мѣстѣ одного изъ ночлеговъ, кусочекъ мяса, спрятанный его женой. Въ другомъ мѣстѣ онъ нашелъ старые утны¹). Такъ находилъ онъ, идя изо дня въ день по слѣдамъ, въ разныхъ мѣстахъ кой какія необходимыя для него вещи. Пока такъ скитался ограбленный мужъ, наступила уже осень; пошелъ снѣгъ, начались холода. Скиталецъ мерзъ, голодалъ, ночевалъ гдѣ придется, но шелъ все впередъ, пока наконецъ не открылъ убѣжища своихъ обидчиковъ. Однако онъ не могъ ничего подѣлать: похитители, три брата, изъ которыхъ старшій владѣлъ всѣмъ его добромъ и женой, всегда были на-сторожѣ. Между тѣмъ морозы росли. Наконецъ, въ одинъ морозный день, послѣ такой же ночи, старшій братъ говоритъ свою младшему братьямъ:

— Ну, врагъ нашъ теперь навѣрное уже замерзъ и болѣе не придется, такъ что опасаться намъ нечего больше.

— А порозъ²⁾ вашъ былъ охотничій? — спросилъ онъ, обратясь затѣмъ къ своей плѣнницѣ.

— Да, былъ охотничій, — отвѣтила та.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь сегодня охотиться, — сказалъ онъ, — вы тоже можете итти поохотиться, если хотите, — добавилъ старшій, обращаясь къ братьямъ, и двѣстѣвально уѣхалъ на охоту за дикими оленями. Братья тоже уѣхали въ разныя стороны. Осталась плѣнница одна домовничать. Замѣтивъ, что всѣ разошлись изъ чума, слѣдившій за ними ограбленный мужъ пришелъ въ чумъ, гдѣ нашелъ свою жену.

— Ты еще живъ? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, живъ! Ну, а лукъ мой еще цѣлъ? — спросилъ въ свою очередь мужъ.

— Цѣлъ. Каждый изъ нихъ пробовалъ натянуть твой лукъ, но ни одинъ не смогъ.

Взялъ человѣкъ свой лукъ, но, обезсиленный долгимъ холоданемъ и голоданемъ, не могъ и самъ натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такій совѣтъ:

— Ты теперь голоденъ и слабъ, такъ не стрѣляй изъ далека, промахнешься, а выжди лучше и стрѣляй, когда они сядутъ за ёду, чтобы бить навѣрняка.

Мужъ такъ и рѣшилъ поступить, а самъ спрятался. Время шло; день близился къ концу. Къ вечеру, одинъ за другимъ пришли младшіе братья и такъ же, одинъ за другимъ, были убиты иститительной рукой стрѣлка. Наконецъ послѣднимъ стала подѣзжать и старшій братъ. Порозъ подѣ нимъ, почуявъ старого хозяина, стала хоркать³⁾.

— Что ты хоркаешь? или пришелъ твой старый хозяинъ? Нѣть,

¹⁾ Обувь изъ оленыхъ камусовъ (ножныхъ шкурокъ). Ред.

²⁾ Нехолощеный самецъ. Ред.

³⁾ Хрюканіе оленя, напоминающее хрюканіе свиньи, на сѣверѣ называютъ „хорканіемъ“.

брать, шалишь; онъ ужъ теперь не придетъ; ужъ замеръ поди гдѣ нибудь!—го орилъ сѣдокъ, сердясь на олена и нанося ему удары палкой по рогамъ. Олень тѣмъ не менѣе не переставалъ хрюкать. Подѣхалъ охотникъ домой, оглянулся, осмотрѣлся, но, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, вошелъ къ себѣ въ чумъ. Женщина собрала ему ёсть, но только что овъ сѣлъ и взялся за первый кусокъ, какъ свалился, произенный вражьей стрѣлой; смертельно раненый, онъ тутъ же умеръ, едва успѣвъ сказать вышедшему къ нему врагу:

— Тамъ я убилъ сегодня дикаго оленя, такъ ты не бросай его; онъ жирный.

Мужъ же на утро, взявъ указаннаго дикаго оленя и забравъ съ собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитымъ, покинулъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ раньше.

(Окончаніе слѣдуетъ),

О Т Д Ъ Л Ъ III

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографического характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Новости этнографической литературы.

Русская этнографія находится въ счастливомъ положеніи: ею занимаются не мы одни, русскіе; ею усердно занимаются и поляки. Польскіе этнографические журналы имѣютъ статей по русской этнографіи едва ли не больши, чѣмъ статей по польской этнографіи. Конечно, поляки интересуются малоруссами и бѣлоруссами, а не великоруссами. Къ сожалѣнію, они мало знаютъ нашу, русскую, литературу по этнографіи и ею почти не пользуются, разумѣется, къ невыгодѣ для себя.

Сырой матеріаъ по русской этнографіи до сихъ поръ настолько преобладаетъ, что изслѣдованія въ немъ теряются и его почти никогда не исчерпываются. Само собою разумѣется, наши общества разныхъ наименованій не въ силахъ спрашиватьсь съ грудою разнообразныхъ записей и описаній, и потому значительная ихъ часть складывается пока въ архивахъ, въ ожиданіи лучшихъ дней, когда появится издатель или изслѣдователь.

Лучшіе дни настаютъ для сборника пѣсень Гоголя. Его небольшое собраніе, составленное изъ великорусского и малорусского матеріала, отысканное въ Румянцевскомъ музѣѣ въ одной изъ его записныхъ книжекъ, уже печатается Академіей Наукъ.

Через годъ оно выйдетъ въ свѣтъ и тогда только можетъ быть одѣнено по достоинству.

То же можно сказать о знаменитомъ собраниіи Петра Васильевича Кирьевскаго. Забытое было своимъ собственникомъ—московскимъ Обществоиъ Любителей Россійской словесности, оно опять показывается передъ ученой публикой. Общество недавно поручило А. В. Маркову подготовить его къ изданію, съ тѣмъ, чтобы выпустить въ свѣтъ понемногу, сообразно съ денежными средствами Общества. Какъ известно, Общество уже издало, подъ редакціей Безсонова, былины и историческія пѣсни этого собранія; оно же предоставило Безсонову воспользоваться изъ него духовными стихами. Но всетаки остается издать огромное количество лирическихъ и бытовыхъ пѣсень, въ записяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

О новѣйшихъ собраніяхъ этнографического матеріала я не буду говорить. Изъ нихъ нѣть ни одного столь важнаго, чтобы оно заслуживало особеннаго вниманія. Поэтому я перехожу къ изслѣдованіямъ.

Первое по достоинству и по значенію принадлежитъ г. Ветухову и называется: „Заговоры, заклинанія, обереги и другие виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова“, Варшава, 1907. Авторъ—послѣдователь покойнаго Потебни (стр. 4); уже и поэтому мы должны ожидать отъ него нѣкоторой односторонности.

И такая односторонность у него дѣйствительно есть.

„Задача изслѣдователя, говорить г. Ветуховъ (стр. 2),— вскрывать хотя отчасти тѣ основы, на которыхъ созидалась вѣра въ чудодѣйную силу заговора, подглядѣть иногда, какъ бываетъ или билася мысль народная, стараясь оградить себя отъ могучихъ силъ стихійныхъ“.

Всѣмъ известно, что заговоры нерѣдко оказываютъ желаемое дѣйствіе, что специалисты успѣшно „заговариваютъ“ кровь и зубы, что они излѣчиваютъ отъ лихорадки. Вообще сила заговоровъ несомнѣнна. Въ чёмъ же она?

Авторъ указываетъ на внушеніе и самовнушеніе, важность которыхъ уже вполнѣ признается и медициной и экспериментальной прихологіей. Даже пресловутый „отводъ глазъ“, говорить авторъ (стр. 3), „получаетъ нынѣ серьезное основаніе въ наблюденіяхъ надъ нервными больными, причемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человека жить—такъ сказать—двумя душами въ одномъ тѣлѣ“.

„Создание заговоровъ, точнѣе — творчество мысли народной въ этомъ направлениѣ, продолжаетъ авторъ (стр. 41), не прекратилось и понынѣ. Живучесть ихъ поразительна; для нихъ нѣть строго опредѣленной, отмежеванной эпохи, когда они народились и потомъ, исподволь развиившись, существуютъ лишь какъ культурное переживаніе“:

Источникъ народного творчества въ области заговоровъ — вѣра въ могущество человѣческаго слова.

Какъ стараются выгнать изъ болѣзни или злого духа, шумомъ, криками, выкуриваніемъ, какъ пытаются „передать болѣзнь“ другому лицу черезъ передачу ему венци болѣзного, такъ на болѣзнь и на человѣка дѣйствуютъ заговоромъ.

Авторъ разбираетъ формы заговоровъ, распредѣляетъ заговоры по группамъ и затѣмъ приступаетъ къ отдельнымъ заговорамъ.

Изслѣдованіе обѣ отдельныхъ заговорахъ составляетъ большую часть его книги.

Онъ начинаетъ съ заговоровъ русскихъ, отъ нихъ перходить къ славянскимъ, нѣмецкимъ, романскимъ и т. п. и вообще не упускаетъ ничего подходящаго изъ доступной ему литературы предмета. Конечно, ему приходится пользоваться большими сборниками и монографіями, такъ какъ пытаться исчерпать материалъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей и журналовъ заграничныхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ почти что невозможно.

Такимъ образомъ г. Ветуховъ послѣдовательно разбираетъ заговоры отъ лихорадки, отъ слаза, отъ кровотеченія, отъ зубной боли, отъ рожи, чирьевъ, бородавокъ, утина и т. д.

Разборъ производится съ отличнымъ знаніемъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Обширная (слишкомъ 500 страницъ) монографія г. Ветухова, дающая новыя точки зренія и превосходно объясняющая многое изъ того, надъ чѣмъ останавливались въ недоумѣніи ученые, — наиболѣе выдающееся явленіе въ нашей этнографической литературы послѣднаго времени. Она доставила бы честь любой литературѣ европейскаго Запада.

Но, какъ я сказалъ, въ ней есть нѣкоторая односторонность.

Г. Ветуховъ мало интересуется литературными вліяніями и обращаетъ меньше, чѣмъ нужно, вниманія на литературное заимствованіе.

То, что мы называемъ теперь заговоромъ, у грековъ византійского периода, имѣло часто форму апокрифической молитвы.

Значительное число апокрифическихъ молитвъ въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ разновременно перешло отъ грековъ къ православнымъ славянамъ, всего болѣе къ русскимъ.

Г. Ветуховъ знакомъ съ частью изданныхъ греческихъ и славянскихъ апокрифическихъ молитвъ (съ сборникомъ Васильева, „врачевальными молитвами“ Алмазова, съ монографіей Мансветова о трясавицахъ), но пользуется ими наравнѣ съ народными заговорами, рассматривая ихъ не какъ источники послѣднихъ, а какъ параллельные данные.

Междѣ тѣмъ въ рядѣ случаевъ апокрифическая молитвы были, несомнѣнно, источниками заговоровъ какъ въ цѣломъ, такъ въ частяхъ, въ многочисленныхъ отдельныхъ подробностяхъ. „Шель Іисусъ Христосъ“, такъ начинается одинъ заговоръ; „шли апостолы Петръ и Павелъ“, такъ начинается другой. Подобные приступы мы находимъ нерѣдко въ апокрифическихъ молитвахъ. „На морѣ на окіанѣ“: иногда такъ начинаются заговоры. И подобный приступъ имѣется въ апокрифическихъ молитвахъ.

Однимъ словомъ взаимныя отношенія заговоровъ и апокрифическихъ молитвъ нуждаются въ изслѣдованіи и могутъ дать для многихъ подробностей заговоровъ важные результаты.

Само собой разумѣется, для такого изслѣдованія необходимо воспользоваться прежде всего недавнимъ, очень важнымъ сборникомъ апокрифическихъ молитвъ Алмазова: „Апокрифическая молитвы, заклинанія и заговоры. Къ исторіи византійской отреченній письменности“, Одесса, 1901, а также другими сборниками: Порфириева, Кааратыгина, Качановскаго, Алмазова и наконецъ Прагеля¹).

Другая монографія принадлежитъ польской литературѣ. Авторъ ея — М. Жмигродскій (M. Źmigrodzki): *Lud Polski i Rusi wśród Słowian i Agyów. Obrzędy weselne*, Краковъ, 1907.

Авторъ задался мыслью дать сравнительное освѣщеніе и оцѣнку народнымъ обычаямъ и вѣрованіямъ поляковъ и малоруссовъ и началъ со свадебнаго ритуала.

Мысль его можно назвать счастливой, но выполнение оставляетъ желать много лучшаго.

Сначала онъ подробно описываетъ ритуалъ польский, по-

---

¹) *Pragel; „Griechische und süditalienische Gebete, Beschworungen und Rezepte des Mittelalters“*. Giessen, 1907.

томъ ритуалъ малорусскій, но такъ, что въ описаніи ритуала польскаго пользуются данными и терминами несомнѣнно малорусскими (коровай, дружко, приданка и т. п.). Кажется, по обычаю многихъ поляковъ, онъ отрицааетъ существованіе русскаго населенія въ предѣлахъ Царства Польскаго и потому материалы изъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній признаетъ за польскіе.

Описаніе этихъ двухъ ритуаловъ занимаетъ половину монографіи.

Описанія остальныхъ ритуаловъ болѣе или менѣе кратки.

За ритуаломъ малорусскимъ авторъ помѣщаетъ ритуалъ южно-славянскій. Его описание составлено исключительно на основаніи совершенно устарѣвшихъ трудовъ Крауса (1885 г.) и Сумцова (1881 г.); даже обильные материалы „Сборника“ болгарскаго министерства нар. просв. остались ему неизвѣстны.

Описаніе остатковъ ритуала западно-славянскаго—лучше предыдущаго, но и въ немъ не видно знакомства автора съ новѣйшими этнографическими изданіями. Описанія ритуаловъ литовскаго и латышскаго, римскаго и итальянскаго, древне-греческаго, древне-индійскаго и ново-индійскаго, нѣмецкаго, французскаго, ирландскаго и т. д. составлены кратко и наскоро, но даютъ полезный материалъ.

Великорусскому ритуалу у г. Жмігродскаго совсѣмъ не посчастливилось. Ему извѣстно его разнообразіе; тѣмъ не менѣе онъ описалъ его всего на 20 страницахъ, исключительно на основаніи далеко не современныхъ трудовъ Н. Ф. Сумцова.

Выводовъ г. Жмігродскій не даетъ никакихъ. Его попытки уяснить значеніе или происхожденіе нѣкоторыхъ подробностей свадебнаго обряда рѣдко бываютъ удачны.

Значеніе купальскаго праздника и теперь, и особенно въ старое время заставляетъ меня упомянуть о статьѣ г. *Матусяка* въ львовскомъ журналь „Lud“ (т. XIII): „Sobótka“.

Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается объясненіями названій этого праздника: польскаго *Sobótka*, русскаго *Купало—Купайло*, словинск. *Кгез*, очень мало удачными; по его мнѣнію, первое происходитъ отъ того, что будто бы въ старой Польшѣ прогалины въ лѣсу назывались *соботками*, второе и третье—отъ именъ древняго славянскаго божества...

Д-ръ Генрихъ Шурцъ., Исторія первобытной культуры". Переводъ съ нѣмецкаго проф. И. Н. Смирнова, подъ редакціей, съ предисловіемъ и дополненіями Д. А. Клеменца. 434 рис. въ текстѣ, 8 хромолитографій, 15 гравюръ и автотипій и 1 карта. С.-Петербургъ. Книгоиздательство „Просвѣщеніе".

Объемистый томъ въ 663 страницы, принадлежащий перу талантливаго, рано скончавшагося ученика Фр. Ратцеля—Генриха Шурца, появившійся въ переводѣ двухъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ, представляетъ несомнѣнно цѣнныій вкладъ въ небогатую, въ общемъ, нашу этнографическую литературу. Книга Шурца имѣетъ большой интересъ не только для ученыхъ—специалистовъ, которые найдутъ въ ней много оригинальныхъ мыслей и смѣлаго исканія новыхъ путей въ области этнологическихъ изысканій, но и для читателей—неспециалистовъ, такъ какъ она способна возводить живой интересъ къ изученію исторіи культуры и освѣтить для нихъ многое въ окружающей настѣ жизни, мимо чего нерѣдко даже образованный человѣкъ проходить равнодушно, не чувствуя величія часто неблестящихъ предметовъ и скромныхъ по своему содержанію фактовъ и явленій.

Большіе труды Шурца (списокъ всѣхъ его трудовъ, до мелкихъ газетныхъ статей включительно, читатель найдетъ на стр. 664 и 665-й русскаго изданія) вообще производятъ впечатлѣніе, будто авторъ ихъ предвидѣлъ скорую свою кончину и торопился высказать свои мысли, которыми давили его самого и перебивая другъ друга, просились на бумагу. И это впечатлѣніе выступаетъ особенно отчетливо при чтеніи его „Исторіи первобытной культуры". Этнологія ждетъ еще своего Дарвина, и только тотъ, кто во всеоружіи массы фактовъ, которыми располагаетъ современное народовѣдѣніе, будетъ обладать геніальныи мышленіемъ великаго біолога, въ состояніи будетъ написать книгу, которая оправдаетъ такое заглавіе. Шурцъ ясно сознавалъ всю трудность своей задачи и не переоцѣнивалъ своихъ силъ. „У культурныхъ народовъѣтъ еще настоящей исторіи ихъ бытія и возникновенія" — говорить онъ въ заключеніи своей книги. „Если когданибудь возьмутся за писаніе такой исторіи, то прежде всего нужно будетъ заложить прочный фундаментъ, а для этого необходимо изслѣдованіе тѣхъ весьма несложныхъ, но мало понятныхъ явленій, на которыхъ возвышается колоссальный храмъ высшей цивилизациіи. Фундаментомъ же будетъ служить не что иное, какъ созданный упорной и тяжелой работой многихъ компетентныхъ работниковъ трудъ. Моя книга можетъ считаться только подготовительной работой къ будущей, которая дастъ намъ настоящую и всестороннюю исторію первобытной культуры". Такъ смотрѣлъ на свою работу самъ авторъ ея. И можно съ увѣренностью сказать, что своими трудами, въ которыи онъ вложилъ всю свою недолгую, полную кипучей работы жизнь, Шурцъ самоотверженно и добросовѣстно поработалъ надъ закладкой фундамента того храма, который онъ видѣлъ вдали, и почву для этого фундамента онъ расчищалъ надежно и неутомимо рукою. Много труда въ разныхъ областяхъ положено имъ было на изслѣдованіе „зачаточныхъ явленій", но пылкій темпераментъ и большія познанія вмѣстѣ съ недюжиннымъ талантомъ — влекутъ его почти

всегда и вездѣ на путь болѣе широкаго строительства. И если дуя, напримѣр, вопросъ о возникновеніи одежды, онъ хочетъ создать не менѣе чѣмъ „философию одежды“ и въ то же время горячо наставлять на дедуктивномъ методѣ въ этнографіи, свои же выводы строить на болѣе чѣмъ неполномъ матеріалѣ, такъ какъ основательно изученіе имъ было лишь матеріалъ, касающійся этнографіи Африки. И въ этомъ слабая сторона работы Шурца вообще, какъ впрочемъ, и всей школы, изъ которой онъ вышелъ. Заключенія и слишкомъ широкія обобщенія дѣлаются безъ полнаго и обстоятельнаго знакомства съ генезисомъ и постепеннымъ развитіемъ матеріальныхъ факторовъ культурнаго развитія человѣчества. И въ этомъ смыслѣ наилучшіе пути, избранный французской школой въ лицѣ ея молодыхъ представителей, которые именно съ особеннымъ стараніемъ и любовью занялись изученіемъ генезиса „зачаточныхъ явлений“ и фактовъ и отказываются пока отъ созиданія всего зданія исторіи культуры или хотя-бы „философи“ отдѣльнаго ея элемента.

Обстоятельную критику міросозерцанія Г. Шурца вмѣстѣ съ краткой его біографіей читатели найдутъ въ весьма цѣнномъ предисловіи къ русскому изданію его книги, написанномъ Д. А. Клеменцомъ. Предисловіе это можетъ служить образцомъ беспристрастной критики вообще. Спокойно и съ любовью къ собрату по научнымъ интересамъ, авторъ критического обзора работы Шурца вскрываетъ всѣ основные пункты разногласія, которые образуютъ зіающую пропасть, отдѣляющую немецкаго патріота націоналиста со всѣми присущими этому типу грубыми чертами міровоззрѣнія отъ широкаго гуманиста съ нѣжной и многосторонней славянской душой; вскрываетъ безъ раздраженія, съ тихой грустью надъ заблужденіями своего противника, съ полнымъ признаніемъ его таланта, ума и заслугъ въ области науки.

Черу Д. А. Клеменца принадлежать также многочисленныя примѣчанія редактора, которые содержатъ то цѣнныя бібліографическія указанія, то дополненія и примѣры изъ личныхъ наблюденій и обширнаго знакомства съ этнографіей Сибири, то важныя разъясненія, которые будутъ по достоинству оцѣнены читателями — неспециалистами въ области этнографіи и археологіи. Въ лицѣ Д. А. Клеменца съ его предисловіемъ и примѣчаніями такой читатель имѣть надежнаго путеводителя.

Н. Могильскій.

М. А. Энгельгардтъ. Вредныя и благородныя расы. Спб. 1908 Стр. 40. Ц. 15 коп.

Съ большимъ интересомъ читается популярно написанная брошюра г. Энгельгардта, задавшагося цѣлью разобраться въ противорѣчивыхъ взглядахъ разныхъ ученыхъ на пониманіе термина „раса“. Авторъ, прежде всего, останавливается на попыткахъ „связать съ опредѣленнымъ соматическимъ (физическимъ) типомъ расы опредѣленный типъ моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ“, т.-е. „по соматическимъ признакамъ опредѣлять признаки психические“. Тщательный анализъ этихъ попытокъ приводить автора къ заключенію, что „во всякомъ случаѣ никакой связи между соматическими расовыми

признаками и психическими типомъ мы установить не можемъ" и что "вообще нельзя установить определенного физического (соматического) типа, соответствующего определенному психическому типу". По определению автора, расовый признакъ есть признакъ "прирожденный" и "наследственный", независимый отъ внешнихъ условий и неизменный. "Негръ во всѣхъ климатахъ будетъ родиться чернымъ, и, сколько бы поколій негровъ ни смѣнилось въ умѣренной странѣ, они будутъ родить черныхъ дѣтей... Расы *вымираютъ* въ борьбѣ съ другими расами (старыми или вновь возникающими); но не *измѣняются*" (стр. 15). Не мало места удѣляетъ г. Энгельгардъ вопросу о смѣшаніи расъ: въ то время какъ данныхъ о вредѣ этого смѣшанія почти нѣтъ, если не считать бѣглыхъ наблюдений туристовъ и путешественниковъ,—въ пользу благотворного вліянія скрещивания расъ данныхъ такъ много, что о превосходствѣ "чистой расы", каковою считается попреимуществу арійская, не можетъ быть и рѣчи. Теорія благородства арійской расы, въ смыслѣ ея морального и интеллектуального превосходства, не выдерживаетъ критики, такъ какъ "никакою *состношеніемъ* (курсивъ автора) между количествомъ арійскаго элемента въ составѣ націи и даровитостью этой націи не обнаруживается" (стр. 32).

Въ результатѣ изложенія выводъ о несостоительности раздѣленія расъ на "благородныя" и "неблагородныя" напрашивается самъ собою.

Книжку г. Энгельгардта прочтутъ съ пользой не только обыкновенные читатели, но и очень многіе газетные и журнальные публицисты, смѣшивающіе сплошь и рядомъ понятіе о расѣ съ понятіемъ о націи или народности. Не чуждъ такого смѣшанія, между прочимъ, извѣстный публицистъ г. Шарановъ.

Заголовокъ брошюры не вполнѣ соответствуетъ ея содержанию, и въ самой брошюрѣ "благородный" расамъ вездѣ противополагаются "неблагородные", а не "вредные", какъ значится на заглавномъ листѣ.

Л. Э.

Д-р Іларіон Святыцкій. Відроджене білорускаго письменства. Львовъ. 1908. 58 стр. 8⁰.

Вышедшая за границей на малорусскомъ языке маленькая книжка можетъ остаться совсѣмъ незамѣченной, а между тѣмъ въ ней содержатся очень любопытныя указанія на быстрое возрожденіе бѣлорусской письменности. Почтенный авторъ ознакомился съ новѣйшей бѣлорусской литературой и справедливо замѣчаетъ, что въ настоящее время, даже безъ особыхъ доказательствъ, можно говорить обѣ этомъ возрожденіи.

Довольно богатая въ свое время бѣлорусская письменность, отъ которой дошло до насъ сотни двѣ-три грамотъ, правительственные акты и другихъ рукописей XIII—XVII вв. да сотни двѣ печатныхъ произведений конца XVI и начала XVII в., потомъ совершенно замерла и, казалось, угасла навсегда, если не считать собранныхъ въ теченіе XIX в., обширныхъ материаловъ по народной словесности и небольшихъ произведеній Маньковскаго, Чечота, Борщевскаго, Мардзинкевича, Бурачка, Лучини и др. Только въ послѣднее время,

начиная съ 1904 г., среди бѣлорусовъ началось усиленное движение по изданію брошюръ, книгъ и газеты на народномъ бѣлорусскомъ языке. Для издательства бѣлорусскихъ произведеній возникло два кружка: „Беларусская супблка“ — Загляне сонце и у наша ваконце — въ С.-Петербургѣ (1904 г.) и „Общество изученія бѣлорусского края въ городѣ Могилевѣ“ (1905 г.). Первый проявилъ чрезвычайно живую дѣятельность, второй не обнаруживаетъ признаковъ жизни. Кронѣ того въ г. Вильнѣ небольшой кружокъ молодыхъ бѣлорусскихъ дѣятелей издавалъ двухнедѣльникъ „Наша Доля“, потомъ „Наша Нива“. Въ 1906 г. появилось около 50 пумеровъ газеты „Бѣлая Русь“, но она прекратила свое существование.

Г. Святыцкій приводить множество отрывковъ изъ твореній новыхъ бѣлорусскихъ поэтовъ и писателей. Изъ этихъ любопытныхъ отрывковъ отчасти и можно заключить о возрожденіи бѣлорусской литературы.

А. Сержпутовскій.

Ахмаровъ, Г. Н. Тентяри и ихъ происхожденіе. (Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казан. Университетѣ. Т. XXIII, вып. 5, стр. 340—364).

Во введеніи къ своему очерку авторъ говорить: „Цѣль настоящихъ изслѣдований — не этнографическое описание тентярей въ различныхъ отношеніяхъ, а лишь желаніе внести въ этнографическую литературу нѣкоторый матеріалъ для разрешенія спорного вопроса о народности тентярей, о происхожденіи ихъ названія, объ отношеніи ихъ къ тѣмъ или другимъ инородцамъ Поволжья и пр.“ (стр. 341).

Цѣль очень почтенная, если принять во вниманіе, что, по свидѣтельству автора, „литература о тентярахъ довольно бѣдна“ и „никто ихъ тщательно не изслѣдовалъ въ различныхъ отношеніяхъ“, такъ что даже происхожденіе названія „тентярь“ остается до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ (стр. 343). Неудивительно, поэтому, что г. Ахмаровъ, несмотря на свое крайне отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ сообщеніямъ о тентярахъ, „голословнымъ и неправдоподобнымъ“ (напр. въ книжѣ г. Рыбакова: „Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта“. Спб. 1897), — все-таки вынужденъ прибѣгать и къ такого рода литературѣ, въ погонѣ за стремлениемъ исчерпать возможно полнѣе скучный литературный матеріалъ. Предупрежденный авторомъ читатель долженъ, конечно, отнестись соотвѣтственнымъ образомъ къ „незаслуживающимъ вѣроятія“ сообщеніямъ, не подтвержденнымъ „никакими данными“, и постарается ихъ просто игнорировать, какъ излишній балластъ, мѣшающій усвоенію более цѣнныхъ свѣдѣній. Это единственный упрекъ, который мы можемъ сдѣлать автору по прочтенію его интереснаго и обстоятельного, не взирая на небольшой объемъ, очерка.

Читатели, которые почему-либо не могутъ ознакомиться непосредственно со статьею г. Ахмарова, найдутъ подробное ея изложеніе въ библиографической замѣткѣ г. А. А. Б., помѣщенной въ I книжкѣ „Землевѣдѣнія“ (стр. 163—166) за тек. годъ, гдѣ, между

прочимиъ, г. Ахмаровъ ошибочно названъ Ахматовымъ¹⁾). Поэтому, здѣсь мы ограничимся лишь сообщеніемъ слѣдующаго заключенія, къ которому пришелъ авторъ на основавіи данныхъ литературы и собственныхъ историко-этнографическихъ и выскакій въ губерніяхъ Вятской (уѣзды: Елабужскій и Саранульскій), Уфимской и другихъ:

„1) Название „тептаръ“ есть искаженное персидское слово дефтаръ... и означаетъ запись, списокъ (именъ башкирскихъ припущенниковъ).

„Ведя особую запись своимъ припущенникамъ для обложенія ихъ оброкомъ за пользованіе землею, башкиры называли ихъ (въ отличіе отъ прочихъ сосѣдей) по названію этой записи.

„2) Числившиеся у башкиръ по такимъ записямъ ихъ припущенники (тептары) не составляютъ изъ себѣ особой народности,... а суть особый разрядъ крестьянъ, находившихся въ прежнее время въ нѣкоторой зависимости отъ башкиръ.

„3) Тептары дѣлятся по національностямъ на тептарей-татаръ, тептарей-черемисъ и тептарей-вотяковъ. Прочихъ инородцевъ, а также и русскихъ, въ числѣ тептарей не находится.

„4) Тептары дѣлятся также и по вѣроисповѣданіямъ—на мусульманъ и не-мусульманъ. Къ первой группѣ относятся тептары-татары, ко второй—язычники черемисы и вотяки.

„5) Тептары переселились въ Башкирію изъ бывшаго ханства Казанскаго, послѣ его паденія.

„6) Огромное большинство тептарей въ настоящее время составляютъ татары, религія, языкъ и обычаи которыхъ, а также и названія населенныхъ мѣстъ, доказываютъ, что они вышли изъ нынѣшихъ губерній Казанской и Вятской и имѣютъ родственную связь съ татарами этихъ губерній, т.-е. съ казанскими татарами“.

Въ концѣ статьи проф. *П. Кротовъ* сдѣлалъ такого рода выноску: „Задача тюркологовъ состоять теперь въ томъ, чтобы происхождение тептарей было доказано и лингвистическимъ путемъ“. Изъ этихъ словъ г. *Кротова* явствуетъ, что онъ тюркское происхождение тептарей считаетъ уже достаточно доказаннымъ приведенными г. Ахмаровымъ историко-этнографическими данными и ждетъ отъ тюркологовъ лишь подтвержденія послѣднихъ данными лингвистическими. Быть можетъ, въ решеніи спорного вопроса болѣе важную роль сыграли бы, какъ справедливо замѣтилъ и вышеупомянутый рецензентъ г. *Б.*, данные антропологическая, на которыхъ въ литературѣ о тептарикахъ нѣтъ и намека.

Обращаемъ вниманіе читателя, что послѣдній абзацъ на стр. 346 плохо редактированъ и для удобопонимаемости долженъ читаться такъ:

„Имѣя въ виду.... означающее запись, что административнаго значенія..... „дептюлинъ“, я пришелъ къ заключенію“ и т. д.

Э. П.

¹⁾ Та же ошибка въ фамиліи автора допущена и въ „Этнографическомъ Обозрѣніемъ“ (1908, № 1 и 2: Хроника, стр. 221).

К. Иностранцевъ. Материалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной истории сасанидской Персии. Примѣты и повѣрья. Спб. 1907. Стр. 120. Ц. 1 р. 50 к. (Отд. оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣлениа Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XVIII, стр. 113—232).

Въ своемъ новомъ труде г. Иностранцевъ даетъ арабскій текстъ сочиненія, возводиаго къ арабскому писателю IX вѣка Джѣхизу (стр. 1—27), переводъ текста (стр. 28—58) и, наконецъ, его разборъ и комментарій къ нему (стр. 59—120). Сочиненіе это, несмотря на краткость, представляетъ, по мнѣнію г. Иностранцева, интересъ для науки въ трехъ отношеніяхъ: „Оно интересно во-первыхъ тѣмъ, что авторомъ его считается Джѣхизъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей древнаго периода арабской литературы, всѣ сочиненія котораго заслуживаютъ внимательнаго изученія и изданія. Во-вторыхъ... оно по содержанію является однимъ изъ древнѣйшихъ въ арабской литературѣ и столь мало еще изученныхъ сборниковъ примѣты и повѣрій, коренящихся съ одной стороны въ древней науцѣ, съ другой въ народномъ міросозерцаніи. Въ-третьихъ... эти примѣты и повѣрья возводятся въ до-мусульманскую Персію и такимъ образомъ даются намъ матеріалъ для ея культурной истории“ (стр. 60).

Рассматривая изданный трактатъ „какъ нѣчто составное“, г. Иностранцевъ раздѣлилъ свой комментарій на нѣсколько главъ, въ которыхъ выясняетъ вопросъ объ источникахъ трактата (гл. 1), касается отношеній древне-индійскихъ науки и повѣрій въ сасанидской Персіи (гл. 2), затѣмъ, переходя къ группировкѣ примѣтъ, разбираетъ повѣрья и примѣты, имѣющія связь съ календаремъ (гл. 3) и относящіяся къ опредѣленнымъ животнымъ и къ огнямъ (священному огню въ храмахъ и огню домашнаго очага), а также примѣты и повѣрья общаго характера (гл. 4), и заканчиваетъ свое изслѣдованіе разборомъ физиономической части трактата, останавливаюясь особенно подробно на двухъ значительныхъ группахъ физиономическихъ наблюденій: гаданіи по родимымъ пятнамъ и гаданіи по дрожанію членовъ (гл. 5).

Въ своемъ взглѣдѣ на значеніе примѣтъ г. Иностранцевъ приближается къ точкѣ зрѣнія К. Кавелина, по мнѣнію котораго „примѣты не только памятники бытовые, но и памятники эволюціи народной психики“ (стр. 72).

Мы не беремся судить, насколько г. Иностранцевъ удачно спрavitся съ предметомъ своего изслѣдованія, предоставивъ сдѣлать это людямъ, обладающимъ специальную подготовкою, и ограничимся лишь сообщеніемъ, что данная работа была представлена авторомъ въ петербургскій университетъ на соисканіе ученой степени магистра арабской словесности, каковой степени авторъ и удостоенъ послѣ публичной защиты своего труда.

Э. П.

Изданія сербской Королевской Академіи за 1907 г.

Изъ изданій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ этнографіи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить Населъ српскихъ земаља к.в. IV подъ редакціей проф. Цвијића. Это огромный томъ въ 1088 стр. Въ немъ помѣщены двѣ работы: 1) д-ра Јов. Ердељановића: „Кучи,

племе у Цриј гори и 2 Колубара и Подгорина Любомира Шавловића. Въ первой изъ нихъ слѣдующія главы: 1) Область, занимаемая племенемъ. 2) Заселенныя имъ мѣста. 3) Древности и исторія Кучей. 4) Ихъ происхожденіе. 5) Физическая особенности. 6) Общественная жизнь: родовыя группы, племенная организація, юридический строй. 7) Экономическая условія. 8) Матеріальная культура. 9) Изъ духовной культуры: языкъ и обычаи. Вторая раздѣляется на двѣ части: общую и частную. Въ первой идетъ рѣчь о географическомъ положеніи областей, ихъ исторіи, природѣ и заселенныx мѣстахъ. Эта послѣдняя глава обнимаетъ экономическихъ условія и занятія населения, устройство дома съ имѣющимися при немъ постройками, уцѣлѣвшія древности и данные о старожилахъ и позднѣйшихъ поселенцахъ и о характерныхъ особеностяхъ въ быта. Во второй части слѣдуетъ подробное описание каждого села въ отдельности. Къ той и другой работѣ присоединены указатели географическихъ и этнографическихъ терминовъ и именъ мѣстъ и лицъ. Заслугой проф. Цвијића является его дѣятельность, какъ руководителя географическихъ и этнографическихъ работъ въ предѣлахъ сербскихъ земель Балканского полуострова. Цѣлый рядъ изслѣдователей обогатили и обогащаютъ сербскую географическую и этнографическую литературу, собирая и группируя обильные материалы. Г. Ердељановић написалъ свою работу послѣ путешествія въ Черногорію, которое онъ предпринялъ, получивъ пособіе изъ фонда проф. Карића. Выборъ племени Кучей изслѣдователь объясняетъ интересомъ, который оно представляетъ. Кучи живутъ на границѣ сербовъ съ албанцами, они только 28 лѣтъ, какъ присоединены къ Черногоріи, а до того жили племенною жизнью вѣкъ какихъ-либо вѣшнихъ вліяній. Въ то же время это одно изъ самыхъ большихъ черногорскихъ племенъ. Ихъ изученіе интересно для сужденія о тогъ, до какого состоянія дошла извѣстная часть народа, предоставленная самой себѣ. Изъ предшественниковъ, трудами которыхъ г. Ердељановић пользовался, онъ называетъ извѣстный трудъ П. А. Ровинскаго и книгу воеводы Марка Миљанова: Племе Кучи у народној причи и пјесми. Биоград. 1904. Нѣкоторыя данные, касающіяся обычаевъ населенія, были сообщены г. Ердељановићу Стефаномъ Дучићемъ изъ Подгорицы, который занять подробнымъ описаніемъ обычаевъ и вѣрованій этого черногорскаго племени. Пользуясь этими трудами изслѣдователь постоянно даетъ поправки къ нимъ и дѣлаетъ посильныя попытки къ разъясненію цѣлого ряда вопросовъ, связанныхъ съ остатками старины и особенностями быта. Таковы напр. объясненія происхожденія разсѣянныхъ вблизи жилыхъ мѣсть кургановъ изъ камней и земли „камене и земљане гомиле“ (тумули), племенного имени Кучъ и отдельныхъ мѣстностей. При этомъ г. Ердељановић постоянно имѣеть въ виду, въ какой формѣ извѣстное имя слышится у сербовъ и албанцевъ. Такимъ образомъ выясняется цѣлый рядъ названий и выдѣляются изъ славянскихъ такія, которые получаютъ объясненіе изъ албан. яз. Собранный здѣсь материалъ представляетъ большой интересъ. Г. Ердељановичъ не соглашается съ мнѣніями ученыхъ, напр. Пайскера, который ссылается на Н. Дучића и Ровинскаго, отрицающихъ задругу у черногорцевъ. Въ главѣ о матеріальной культурѣ заслуживаютъ вниманія рисунки на стр. 249, 250,

251. Но еще более даетъ ихъ Атласъ, вышедшиі къ этой работе отдельно и заключающій 10 картъ и 86 фотографическихъ снимковъ. Общая карта съ нанесенными на ней именами приготовлена въ географическомъ заведеніи Университета. Карта важна для исправленія неточностей карты Ровинскаго и еще большихъ австрійской карты. Рисунки представляютъ виды мѣстностей, постройки, типы.

Г. Павловић изучалъ избранную имъ мѣстность Колубара и Подгорина, пользуясь руководящими указаніями проф. Цвијића, опубликованными еще въ 1896. Помимо своихъ наблюдений распрашивалъ многихъ мѣстныхъ жителей, которыхъ имена и называетъ, принося имъ благодарность за оказанную помощь. Во всей этой мѣстности, центромъ которой является Валево, живетъ самое чистое сербское населеніе. Всѣдѣ за общей частію, написанной скжато, слѣдуетъ подробное, напечатанное мелкимъ шрифтомъ описание отдельныхъ селъ.

Книга 7 сербскаго этнографического сборника заключаетъ собрание народныхъ обычаевъ: Обичаји народа српскага, књига прва. Въ этомъ сборнику помѣщены труды Стан. М. Мијатовића: Обичаји српског народа из Левча и Темнића, свајаћ. Дена Дебельковића: Обичаји српског народа на Косову полу и Ат. Петровића: Народни живот и обычаји у Скопској црној гори. При описаніи постоянно приводятся поющіяся при совершенніи извѣстнаго обряда пѣсни. Двѣ послѣднія работы интересны помимо другого и тѣмъ, что относятся къ области Старой Сербіи и Сѣверной Македоніи. Весь томъ заключаетъ цѣнныи материалъ, пользоваться которымъ помогаютъ указатели.

Книга 9 этнографического сборника редактирована Т. Р. Ђорђевићем и посвящена сербскимъ народнымъ играмъ: Српске народне игре икн. 1. Во введеніи редакторъ останавливается на вопросѣ: шта је игра, т. е. что такое игра, затѣмъ говорить о дѣленіи игръ: деоба игара. Послѣ того слѣдуютъ замѣтки о играхъ въ такомъ порядке: 1) Витешке игре, которые предназначены для укрѣпленія тѣла, 2) забавне игре, т. е. служащія для увеселенія, 3) игре духа, загадки и пр., 4) игре за добит, т. е. азартныи игры и 5) орске игре, т. е. хороводныи, танцы. Редакторъ смотрить на свой трудъ не какъ на монографію, посвященную играмъ, а лишь какъ на такую книгу, которая могла бы служить для руководства при собираніи материала. Поэтому тотчасъ за перечисленіемъ игръ слѣдуютъ напомене за скучьище и описище народныхъ орскихъ игара, всего 119 вопросовъ. Это, разумѣется, весьма цѣнныи опытъ. Послѣ замѣчаній о значеніи народныхъ игръ идетъ указавіе доставленныхъ сборниковъ игръ, вошедшихъ въ первую книгу. Это: 1) Луке Грѣћића Бјелокосића, собранныя въ Босніи и Герцеговинѣ, 2) С т. М. Мијатовића, собранныя въ Левчѣ, и 3) Ат. Петровича, собранныя въ Скопльской Черной Горѣ.

Желая помочь собирателямъ ориентироваться, редакторъ даетъ библиографическія указанія, относящіяся къ дѣтскимъ играмъ въ сербской литературѣ, за что всакій интересующійся этимъ вопросомъ долженъ благодарить редактора. Послѣ этого слѣдуетъ описание самыхъ игръ собирателями, при чемъ мѣстами имѣются рисунки. Въ концѣ книги приложенъ указатель.

Въ выпускахъ Гласа LXXII и LXXIV помѣщены слѣдующія статьи: I. Октавијанов илирски рат и изгнанье Скордиска из Горѣ Мезије

Н. Вулића; Илирска царина у римско доба, его же; Старогрчки споменици у Србији Н. Васића; Два питања из историје римске Мезије Н. Вулића; К историји домицијајових дачких ратова Н. Вулића. Поновно певање народно. Прилог испитивању српских народних песана А. Гавриловића; О песнику Јов. Дошевовићу его же, Један рани хришћански саркофаг из његовог гроба В. Нетковића; Један прилог историји Александра Великог Н. Вулића. А. Гавриловић, који је у својој статици писао о Марку Краљевићу, предлагаје већ концију још такоје дјелене српске народне пјесме. Први период. Ритуални пјесми: епичко-лиричка. 2-и период. Историјске пјесми. Прва епоха — епичко-лиричка. Втора епоха: епичка. А. Пјесми вторичног происходења (поновно певање или препевање): а) библейско-легендарни, б) историјске до конца XV в. Б. Нови пјесми (непосредно или ново певање): а) пјесми о лицах до XVI в., но спјетији тек у то време по образцу пјесми о современим лицах тога времена и событијима, или съ заимствованимъ сказочнымъ материјаломъ; б) о ускокахъ; в) о гайдукахъ; г) обј осталыхъ лицахъ и событияхъ до XIX в.; д) о востаніи за освобождение. Сообразно съ этимъ обычный кругъ пјесми о Краљевићу Марку распадаје се на пјесми, относящије съ отдѣламъ Аб и Ба, а косовсје пјесми виђају се већ у групни Аб.

Если за основу дѣленія взять форму пѣсень, тогда это дѣленіе нѣсколько измѣняется. Первый, периодъ. Эпично-лирические пѣсни. 1) ритуальные, 2) историеские (до конца XV в.). Второй периодъ. Эпические пѣсни; тотъ же порядокъ, что и выше.

Не имѣя задачей входитъ въ разборъ этого дѣленія, должны, замѣтить, что ничего нового оно не представляетъ. Авторъ трактуетъ вопросъ слишкомъ поверхностно.

LXXIV. Јован Стеријин Поповић, од Стојана Новаковића. Интересный разборъ литературной деятельности сербского драматического писателя.—Један поглед на еволюционистичку правну школу, од Јив. Перећа.—Мезијске легије до године 68 по Хр.; од. Н. Вулића.

Стојановић Люб. Вукова преписка книга прва. Неутомимый издатель сочинений В. С. Караджића выпустилъ первую книгу его богатой переписки. Въ 1-й книжкѣ помѣщена переписка съ Милутиновичемъ, Стеф. Живковичемъ, К. Јов. Ранковичемъ, П. Томичемъ, М. Радоничемъ, Јан. Димитријевичемъ Чуричемъ, Ст. Немадовичемъ, Фот. Попичемъ, Јевт. Савичемъ-Чотричемъ, Мих. Павловичемъ, Кастрютомъ, Х. В. Петровичемъ, Совѣтомъ народныхъ, Т. Тирка, Пант. Радовановичемъ, Сарой Михайловой, Копитаромъ, Савой Текели, Платономъ Атанацковичемъ, Д. Фрушичемъ, Б. Ружичемъ. Изданіе было начато П. Ворћевичемъ, но смерть не дала ему довести до конца и половину книги. Наибольшій интересъ представляется, конечно, переписка съ Копитаромъ. Заслуживаетъ вниманія также переписка съ Милутиновичемъ, Атанацковичемъ, Фрушичемъ. Но, разумѣется, извѣстный интересъ, особенно для биографіи, Караджића, представляютъ и всѣ другія письма. Можно пожелать редактору поскорѣе довести изданіе до конца¹⁾.

П. Лазарев.

¹⁾ Изъ сербскихъ журналовъ, вышедшихъ лѣтомъ, видно, что вышелъ и 2-й томъ Переписки. П. Л.

Журнали за 1907—1908 рр.

Варшавська Університетська Інвістія. Е. Ф. Карский. Бѣлорусы
Історический очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія.—**В. Топоръ-Рабчинскій**
Макіавелли и эпоха Возрождѣнія.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 1. *И. Лаппо.*
Гродскій судъ въ вел. княж. Литовскомъ въ XVI столѣтіи.—*А. Ристенко.*
Фроловскій списокъ „Сновъ Шаханши“.—*В. Веременниковъ.* Очеркъ по исто-
рии Тайной Канцеляріи Петровскаго времени (и № 5). № 2. *Л. Карасевичъ.* Извѣ-
стіи о духовной культурѣ падающей Римской имперіи.—*Фр. Вестбергъ.* Къ
анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ (и № 3). № 3. *П. Г.*
Васенко. Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ „Временника“. № 4. *А. Грушевскій.*
Изъ Харьковскихъ лѣтъ Костомарова.—*В. Миллеръ.* Къ былинѣ о Добрынѣ
и Василии Казимировичѣ.—*Н. Шапошниковъ.* Ремесло.—*С. Шумаковъ.* Столбцы
помѣстнаго приказа. № 5. *А. Мулякинъ.* О свободѣ прѣѣзда иностранцевъ
въ Московское государство.—*А. Тюменевъ.* Пересмотръ извѣстій о смерти
царевича Дмитрія (и № 6). № 8. *Е. Бобровъ.* Научно-литературная дѣятель-
ность И. А. Худакова.—*И. Джавахаховъ.* Обзоръ теорій и литературы о про-
исхожденіи Грузинскаго языка.—*В. Чекавскій.* Методы изученія права.
№ 9. *В. Миллеръ.* О братяхъ суздалцахъ.—*И. Тихомироффъ.* Строельная
книга г. Пензы, какъ материалъ для исторіи заселенія Восточной Россіи въ
XVII вѣкѣ.—*А. Яцкімірскій.* Значеніе румынскій филологіи для славистики
и романскихъ изученій.

**Записки Классического Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическо-
го О-ва.** Т. V. А. Г. Бекштремъ. Прошлое и настоящее этрусологіи, ея успѣ-
хи и задачи.—Д. В. Айналовъ. Этюды по истории искусства Возрождѣнія.—
Протоколы заѣданій Отдѣленія Археологии древне-классической, византій-
ской и западно-европейской за 1907 г.

Записки Наукового Товариства імені Шевченка. Т. LXXXI.
Зміст: Слово про збурене пекла. Українська пасійна драма, написав Др.
Іван Франко.—Невідомі вірші еромонаха Климентія (з поч. XVIII в.), подав *Михайло Зубрицький.*—Урядові заходи против холери в 1831 р., подав *Михайло Грушевський.*—Абучна статія Миколи Кміцікевича з р. 1834, подав. Др.
Василь Шурамъ.—Микола Дацкевич (1852† 20. I. 1908), написав *Михайло Грушевський.*—*Miscellanea:* а) Причинки до історії Мазепинщини, под. С. Томашівскій; б) До історії закріпощення селянства въ Лівобічній Україні, под.
В. Барвінський; в) Із кореспонденції Р. Моха, под. М. Возник.—*Наукова хро-
ніка:* Студії А. Петрова до історії Угорської Руси, нап. С. Томашівскій.—
Бібліографія (рецензії й справождання).—Показчик до тт. LXXV — LXXX
Записок Наук. Тов. ім. Шевченка.

Т. LXXXII. Зміст: Присвята і портрет В. Антоновича.—Памяті Воло-
димира Антоновича, написав *Михайло Грушевський.*—Надгробні хрести на
Україні, написав *Люстъ Широніцький.*—Нові матеріали до історії українського
вертепа, подав Др. *Іван Франко.*—Проектъ правописи Івана Жуківського на
згад „руськихъ ученихъ“, подав *Михайло Вознякъ.*—Польські конспірації серед
руськихъ питомцівъ и духовенства въ Галичинѣ въ 1831—1846, студія Дра

Кирила Студинського. — *Miscellanea:* а) Причинок до історії „свобідних маєт, ностей“, под. В. Бареницький; б) Рукопись Бродовича: *Widok przemocu*— под. Іо. Шпитковський; в) Іа історії галицької літератури: І. Дві пісні А. Якубінського про самбірську Богородицю з 1770 р.; II. Загадкова польська пісня в українськім перекладі, под. Др. В. Щурат.— *Наукова хроніка: Антропологічні й археологічні часописи* за 1906 р., огляд Др. З. Кузелі.— *Бібліографія* (рецензії й справовдання).

Т. LXXXIII. Студії над українськими народними піснями, подає Іоан Франко. Причинки до студій над писаними Лаврентія Зизанія, написав Михайло Возняк. Угорщина і Польща на початку XVIII в., написав Стефан Томашівський. Причинки до історії Коліївщини, V: Тринітарський мемуар про Коліївщину, подав Іоан Шпитковський. З сорокових років, студії Олександра Грушевською: „Пов'єсть об' українскомъ народѣ“ Куліша. *Miscellanea:* а) Дві замітки до тексту найдавнішої літописи, под. І. Франко; б) З сільського архіва, под. І. Франко; в) Україніца в альбомі Н. Гербеля, под. В. Доманіцький. Наукова хроніка: Антропологічні й археологічні часописи за 1906 р., огляд Зенона Кузелі. *Бібліографія* (рецензії й справовдання).

Збірник історично-фільософічної секції Наукового Тов. ім. Шевченка. Т. X. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський Том VI, ч. I. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: I. Економічне житє: торговля й промисл.—II. Господарство сільське.

Т. XI. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський Том VI, ч. II. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: III. Відносини культурні й національні: національний склад і національні елементи.—IV. Побут і культура.—V. Культурно і релігійно-національний рух на Україні в XVI віці.—VI. Боротьба за і против унії по її проголошенню, в житію і письменстві.—Примітки.—Показчик імен і річей.

Ізвѣстія Отдѣленія русскаго яз. и словесности И. А. Н. кн. 2-я. Ф. Ф. Фортунатовъ. Старославянское тѣ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ.—Н. Н. Винogradovъ. Бѣлорусскій вертепъ. (Его устройство. Описание куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представлениа въ Спасъ-Деменскѣ. Съ XVII табл. рис.).—Н. Степановъ. Таблицы для рѣшенія лѣтописныхъ задачъ на время.—В. В. Латышевъ. Замѣтки къ агиологическимъ текстамъ.—М. А. Остроѣская. Четыре древнія частныя грамоты.—А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературѣ. LI—LX.—А. И. Томсонъ. Родительный—винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ.—М. Н. Сперанскій. Николай Павлович Дашиевичъ.—Д. В. Айналовъ. Очерки и замѣтки по истории древне-русского искусства. II. О дарахъ русскихъ князьямъ и послахъ въ Византии. III. О нѣкоторыхъ серіяхъ миниатюр Радзивилловской лѣтописи.—А. В. Рыстенко. Матеріали для литературной истории толковой Палеї. I—II.—*Бібліографія*.

Národopisný Věstník českoslovanský. (Чешско-славянський Этнографіческий Вѣстникъ). № 4. І. Янко. Нынѣшня мінянія о древніхъ Индо-европейцахъ. I.—К. Хомекъ. Андрей Кметь (некрологъ). Рецензія на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—К. Krotoski. Stosunki etnograficzne na Spisu.—Revue des Études Ethnographiques et Sociologiques.—W. F. O'Connor. Folk Tales from Tibet.—Бібліографія: Сочиненія теоретическая, антропологическая, этнологическая и пр.—Этнографическая мелочь.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложение. I. Кубинъ. Чешскія сказки изъ Кладскаго края съ комментаріями Ю. Поміка. —Отчетъ О-ва Чешско-славянскаго Этнографического Музея за 1907 годъ. № 5—6 (двойной). Продолженіе статіи Янко.—А. Кадлецъ. Валтазаръ Богишичъ (некрологъ).—Рецензія на: F. Heger. Hölzovy Evropské typy národní.—Rostański. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Slowian.—I. Anerhan. Ceské kolonie v jižních Uhrách. —Paměti Fr. J. Vaváka.—А. И. Сонни. Горе и Доля въ народной сказкѣ.—Бібліографія: Малороссы. Русские. Южные славяне. Сосѣдня народности. —Этнографическая мелочь.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложение. Сборникъ сказокъ I. Кубина. № 7. Народные обычай въ южныхъ мѣстечкахъ въ семидесятыхъ годахъ. Т. Новакова.—Рецензія на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—D-r. O. Howorka u. d-r. A. Kronfeld. Vergleichende Volksmedizin.—Antropological essays presented to Edward Burnett Tylor.—D-r. M. Haberlandt. Neuer Führer durch die

Sammelungen des Museums für Österreichische Volkskunde. — Библографія: Мелкія сосѣднія племена славянъ. Нѣмцы. — Этнографическая мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. — Приложение. Сборникъ сказокъ I. Кубина.

Славянскія Извѣстія. 1907. № 1—8. Ф. Ю. Мука. Полабскіе славяне. — В. К—съ. Славянское племя. — Когда средня Европа была заселена славянами. — П. А. Забломотскій. Культурная работа у славянъ. Чехи. Словаки. В. И. Никольскій. О русскомъ национальномъ самосознаніи.

Труды Саратовской ученой архивной Комиссии. Вып. XXIV. М. Е. Соколовъ. О дутѣахъ. — И. Горизонтовъ. Раскопка кургана близъ г. Саратова. — Ф. Черновъ. Раскопка кургана въ г. Царицынѣ. — Б. Зайковскій. Къ докладамъ И. П. Горизонтова и Ф. И. Чернова. — Ею-же. Каменные бабы въ Саратовскомъ Поволжье. — Ею-же. Городище Бальджаменъ. — Ею-же. Бугоръ Стеньки Разина. — А. И. Михѣль. Быть духовенства Саратовскаго края въ XVIII и началѣ XIX ст. — М. Е. Соколовъ. Фонетическая запись сказки объ Ильѣ Муромцѣ. — Ею-же. О языѣ сказокъ, пѣсень и областныхъ словаряхъ. — Ею-же. Великорусскія пѣсни, записанныя фонетически. — Ею-же. Историческія пѣсни Саратовской губ. — Б. Зайковскій. Новый варіантъ Царинской легенды. — Смѣсь. Преданія о Стенькѣ Разинѣ и Емелькѣ Пугачевѣ. Казны Березина. Мѣры противъ холеры. Почему хохловъ дразнятъ: наставная башка. Изобрѣтеніе счетовъ.

Филологическія Записки, вып. II. Культурные движения въ Московской Руси въ половинѣ XV в. — Рецензія на: В. Трахтенбергъ. Блатная музыка. — Л. Лэже. Славянская миѳологія.

Этнографическое Обозрѣніе, 1907, № 4. Дунгане селенія Каракунузъ Пишпекскаго у. Семирѣченской области. И. Свадьба. Ф. В. Погрѣбова. — О былинномъ царѣ Калинѣ. Всев. Миллера. — Нѣкоторыя замѣчанія о роли загадки въ сказкѣ Е. Елеонской. — По поводу замѣткѣ Р. Андре о новомъ этнографическомъ музѣѣ въ Антверпенѣ. В. Харузиной. — Смѣсь. Извѣдебныхъ обрядовъ и повѣрій Ярославской губ. И. Костоловскію. — Праздникъ воскресенія до христианства. Д. А. — Нѣсколько пѣсень лиро-эпического характера. А. Маркова. — Баксы. А. Дидаева. — Критика и библіографія. — Хроника. № 1—2 (двойной), 1908 г. Ограничение отношений между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого. А. Максимова. — Замѣтки по поводу употребленія слова фетишизмъ. В. Харузиной. — Памяти бытоискусителя Грузіи кн. И. Г. Чавчавадзе Вс. Миллера. — Князь И. Г. Чавчавадзе, какъ этнографъ. А. Хаханова. — Быть и нравы грузинскаго народа средины XIX вѣка въ литературныхъ произведеніяхъ кн. И. Г. Чавчавадзе. Г. Жорданія. — Кн. Чавчавадзе и его произведенія въ грузинской народной пѣснѣ. Д. Аракчіева. — Смѣсь. — Ить-ала-казъ. (Повѣрье). А. Дидаева. — Какъ киргизы развлекаютъ дѣтей. Ею-же. — Духовные стихи крестьянъ-старообрядцевъ Челябинскаго уѣзда, по сообщенію Ив. Крашенинникова. — Къ этнографіи сѣвера Европейской Россіи. А. Маркова. — „Коляда“ и „Купало“ въ Бѣлоруссіи. А. Петровавлѣвскою. — Критика и библіографія. — Хроника.

Н. В.

Новости этнографической литературы¹⁾.

Алооз, Вик. Русские „еретики“ XIV—XVI вв. Стригольники. — Жидовствующие. — Матвій Башкинъ. — Артемій Троїцкій. — Феодосій Косой. (Всеобщая библиотека, № 11). Спб. Атлантікъ сборникъ. Вв. VI—VIII. Барнаулъ. 1907.

Ардалис, В. Narodne pripovijetke iz Bukovice i Dalmaciji. Kommentare napisao dr. I. Polivka. Zagreb. 72 стр.

Астрономія. Спиритизмъ. Хиромантия. Сомнамутизъ. Френология. Психометрия. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей В. Синга. Спб.

Бардінз, Б. Путешествіе въ Лавранъ. Спб.

Баранъ, Г. М. Библейско-агадическая параллели къ лѣтописнымъ сказаниямъ о Владимирѣ Святомъ. Кіевъ.

Бобринскій, А. А. Горцы верховьевъ Пянджа (Ваханцы и Шикашими). Очерки быта по путевымъ замѣткамъ. М.

Божеряновъ, П. Н. Женщины древней Греции. Исторический очеркъ. Спб.

Бонч-Бруевичъ, В. Программа для сбиранія свѣдѣній по изслѣдованию и изученію русскаго сектантства и раскола. Спб.

Бринчакиновъ, Николай. Скитанія. (Нубія. — Суданъ. — Палестина. — Лиранъ). М.

Бубновъ, Н. М. Ариометрическая самостоятельность Европейской культуры. Культурно-исторический очеркъ. Кіевъ. X+408 стр.

Венiamиновъ, П. Крестьянская община. Спб.

Вейнбергъ, П. Рускія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грязномъ. Спб.

Виноградовъ, Николай. Бѣлорусскій вертепъ. Его устройство. Описаніе куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленіе въ Спасъ-Деменскѣ. (Съ XVII табл. рис.). Спб.

Ело-же. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. I. Спб. 102 стр.

Ело-же. Лодка. Баринъ и приказчикъ. (Народныя драмы). Спб.

Вознякъ, М. Проект правописи Івана Жуківського на зѣлді „руськихъ ученихъ“. Львівъ. Ст. 36.

Воронежская старина. Вып. VII. Воронежъ. II+LI+304+8+97+182 стр.

Вороновъ, Н. И. Записки о событияхъ Владимиrской губ. Владимиrъ. 1907.

Врадій, В. П. Географический, этнографический и экономический очеркъ Амурской области. Спб.

Въ царствѣ обуви. Очерки села Кимры. 29 стр. М.

Гарнакъ, А. Монашество, его идеалы и его история. Спб.

Гедффенъ, І. Изъ исторіи первыхъ вѣковъ христианства. Спб.

Гильчукъ, А. М. Отрывокъ Писцовой книги Вотской пятини второй половины 1504—1505 г. Кіевъ.

Годинникъ на Софийскую университетъ. II. 1905—1906. Софія.

Данилевичъ, В. Е. Курсъ русскихъ древностей Кіевъ.

Дамаскіе населенія въ Европейской Россіи и въ двухъ губерніяхъ Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. Спб. 1907. XXII+227.

Девель, Н. М. Старая Ладога и ея каменное городище. Спб.

Джайлсевіо, А. К. Начало итальянского возрожденія. М.

Доманіцкій, В. Невідомі вірші еромонаха Климентія (з початку XVIII в.). Львівъ. Ст. 76.

Дорогостайскій, В. Попѣзда въ сѣверо-западную Монголію. Спб. 14 стр.

Дунікъ-Гаркавичъ, А. Этнографический составъ населения Тобольской губерніи въ 1904 году. Тобольскъ.

Забльинъ, Н. Исторія русской жиз-

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

ни съ древнейшихъ временъ. Ч. 1. Доисторическое время Руси. М.

Зубрицкий, М. Урядові заходи противъ холери в 1831 р. Львів. 1907.

Извѣстія Восточного института. Т. XXIII, в. 1; XXIV, в. 1; XXV, в. 1; XXVII. Владивостокъ.

Извѣстія Кавказскаго Музея. Т. III, в. 1, 4. Тифлісъ.

Извѣстія XIV Археологического Съезда въ г. Черниговѣ. №№ 1—10.

Ильинский, Г. Задокументовано ли название "терем" въ славянскихъ языкахъ? Харьковъ.

Иностраницъ, К. Къ вопросу о "басмѣ". Спб.

Историко-филологический факультет Харьковского университета за первыи 100 лѣтъ его существованія (1805—1905). Подъ ред. М. Халанского и Д. Багалѣя. Харьковъ.

История русской литературы. Подъ редакціей прив.-доц. Е. В. Аничкова. При участіи: К. И. Арабажина, проф. Бородзина, А. Блока, П. Н. Бирюкова, Н. Н. Виноградова, С. Городецкаго, Е. Н. Елеонской, М. Г. Халанского, П. Е. Щеголова и др. Томъ II. Народная словесность. Издание Т-ва И. Д. Сытина. М.

Jacob, G., d-r. Beiträge zur Kenntnis des Dervisch-Ordens der Bektašchis. Berlin. 100 стр.

Донъ, О. О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ. Спб.

Дохельсонъ, В. И. Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки. Спб.

Капустинъ, Вл. А. Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованского. Историческія замѣтки изъ жизни служилаго человѣка XVII столѣтія. Съ 12 фототипіями. М.

Катакаевъ Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль въ обслѣдованіи и занятіи русскими Сибири и Средней Азіи. Выпукль. I. Конецъ XVI и начало XVII столѣтій. Спб.

Киттерманъ, Б. Явленія диссимиляціи согласныхъ звуковъ въ русскомъ языке. Спб. 23 стр.

Клоддъ, Э. Эволюція человѣчества въ письменахъ. Исторія алфавита. Спб.

Комаровъ; Г. По славянскимъ землямъ. Пострѣ Пражскаго съѣзда. I. Поѣздка по Чехіи. II. По Галицкой Руси. Спб.

Коноваловъ. Д. Г. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ

сектантствѣ. Часть 1, вып. I. Физиологія явленія въ картинахъ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ.

Крамаренко, Г. Путешествіе на Камчатку и обслѣдованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г. Слб.

Купера, В. Исторія розги во всѣхъ странахъ. Флагелляціи и флагеллянты. Спб.

Лазаревскій, А. М. Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1788 гг.). Историко-юридический очеркъ. Кіевъ.

Лазарескій, Г. Кіевскій Владимиrскій соборъ. Альбомъ фотографій.

Лаэртъ, П. Сборникъ Македонскихъ пѣсень, сказокъ и обычаевъ С. И. Верковича. Спб. 69 стр.

Макаренко, Н. Матеріали по археологии Полтавской губ. I. Полтава. Съ 2 табл.

— Памятники украинскаго искусства XVIII вѣка. Спб.

Матеріали къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Вып. 1-й. Баптисты, бѣгуны, духоборцы. Л. Толстой о скопчествѣ, павловцы, поморцы, старообрядцы, скопцы, штундисты. Подъ ред. Владимира Бонч-Бруевича. Спб.

Матеріали по Маньчжуріи, Монголіи и Китаю. Вв. 22—26. Харбинъ.

Моны русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова. М.

Никифоровъ, В. В. Манчары. Якутскъ. 65 стр. 16°.

Очинниковъ, Н. Къ вопросу о по-земельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ. Съ IV табл. Барнауль. 1907. (VIII в. „Алтайскаго Сборника“).

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Музея Имп. Александра III за 1907 г. Спб.

Отчетъ о 48-мъ присужденіи на-градъ графа Уварова. Спб. 236 стр.

Отчеты о заѣзданіяхъ Император-скаго Общества любителей древней письменности въ 1905—1907 году. Съ приложеніями. Спб.

Памятная книжка Олонецкой губ. на 1908 г. Петрозаводскъ.

Памятники Эзопской письменности. VI. Спб. 1907.

Петровъ, А. Матеріали для исторіи угорской Руси. V. Первый печатный памятникъ угрорусского нарѣчія. Спб.

Петровъ, М. Западная Сибирь. Губ. Тобольская и Томская. М.

Polivka, S. Neue Arbeiten zur slavischen Volkskunde. 2. Sudslavisch-3. Russisch. 2 оттиска изъ „Zeit.

schrift des Vereins für Volkskunde". Berlin.

Ею-же. Lidové pověsti o původu tábaku. Berlin. 12 стр.

Полный алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣсть Уфимской губ. Уфа.

Программы для сбиранія свѣдѣній по этнографіи. Изд. Костр. учен. архивн. Комиссіи.

Путникъ (Н. Лендеръ). По Европѣ и Востоку. Очерки и картинки. Съ рисунками. Берлинъ. — Гамбургъ. — Парижъ. — Константинополь. — Смирна. — Аеины. — Островъ Критъ. — Италия. — Вѣна — Дунай. Издание А. С. Суворина. Спб.

Ренакъ, Э. Исторія Израильского народа, томъ 3-й. Спб.

Рудаковъ, В. Е. 14-й археологический съездъ и тысячелѣтіе города Чернигова. Съ 6 рис. въ текстѣ. Спб.

Самоквасовъ, Д. Сѣверская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. М.

Семиніцкій, Иларіонъ. Каталогъ книгъ церковно-славянской печати. Жовква.

Святскій, Д. Исторический очеркъ городовъ Сѣвска, Дмитровска и Комаріцкой волости. 152 стр. Орелъ.

Седиръ, П. Индійскій факиризмъ. Перев. съ франц. А. В. Трояновскаго. (Библіотека оккультныхъ наукъ Вып. III). Спб. 1909.

Сергеевичъ, В., проф. Древности русского права. Томъ второй. Вѣче и князь. Совѣтиники князя. Издание третье, съ поправками и дополненіями. Спб.

Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ ред. И. С. Мельника. Спб. 294 стр.

Сибирь, Вильгельмъ и Люкентайль Вили. Австралия, Океанія и Полярные страны. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія Г. Г. Генкеля, съ дополненіями проф. А. Н. Краснова. 198 рис. въ текстѣ, 13 картъ, 9 хромолитогр. и 15 гравюръ. Издание товарищ. "Просвѣщеніе". Спб.

Симони, Павелъ. Памятники старинной русской лексикографіи по русскимъ рукописямъ XIII—XVIII стол. Выпускъ третій. Половецкій и Татарскій словарики. — Рѣчи тонкословія греческаго. Спб.

Смирновъ, С., проф. (изд.). Житіе

преподобнаго Даніила, Переяславскаго чудотворца, повѣсть объ обрѣтеніи мошой и чудеса его. М. XXXVIII+133 стр.

Спамонъ, Е. Къ характеристику трудовъ и направления г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія. I. Владивостокъ.

Сперанскій, М. Извѣстія исторіи отрѣченыхъ книгъ. IV. Аристотелевы врата или тайная тайныхъ. (Памятники древней письменности и искусства. CLXXI). Спб.

Спимонъ, А. Археологические развѣдки (со 110 рис. въ текстѣ). Спб. 96 стр.

Статистика Российской Имперіи. LXVII. Спб.

Статистический обзоръ Симбирской губ. за 1907 г. Симбирскъ.

Статистический обзоръ Ферганской области за 1905 г.

Труды Бессарабской ученой Архивной Комиссіи. Т. III. Кишиневъ. 1907.

Труды Вятской ученой архивной Комиссіи 1907 г. Вып. III и IV. Вятка.

Франко, Ив. Нові матеріали до історії українського вертепа. Львівъ, 1907. Ст. 24.

Фюстель де-Кулланжъ. Римскій колонатъ. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Грэвса. Спб.

Ею-же. Слово про збурене пекла. Українська пасйна драма. Львівъ. Ст. 46.

Шахматовъ, А. Мстиславъ лютый въ русской поэзіи. Харьковъ. 13 стр.

Ею-же. Предисловіе къ Начальному Кіевскому Своду и Несторова лѣтописи. Спб. 58 стр.

Шахрай, Л. Исторія Израїля для юношества. Вып. 2-й. Отъ периода судей до раздѣленія царства. Одесса.

Широцкій, К. Надгробні хрести на Українѣ. Львівъ. Стр. 20+6 табл.

Штернбергъ, Л. Я. Матеріали по изученію гиляцкаго языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ. Томъ I. Образцы народной словесности. Часть 1-я. Эпосъ (поэмы и сказания, первая половина). Тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Спб. 1908. Стр. XXII+232. Ц. 3 р. Издание Академіи Наукъ.

Энгельгардтъ, М. А. Вредная и благородная расы. Спб.

О Т Д Ё Л Ъ V.

С м ъ с ь.

О религіозномъ состояніи инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

(По отчетамъ миссионеровъ).

Въ приложении къ „Православному Благовѣстнику“ за мін. 1907 годъ напечатанъ „Отчетъ Православнаго Міссионерскаго Общества за 1906 годъ“, содержащий въ себѣ очень интересныя сѣдѣнія о современномъ религіозномъ состояніи нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ нашего Востока. Позволяемъ себѣ сдѣлать краткое извлечеіе изъ той, имѣющейся у насъ подъ руками, части „Отчета“, которая помѣщена въ приложении къ № 22 (ноябрь, книжка 2-ая) „Православнаго Благовѣстника“ и которая касается религіознаго состоянія инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

Относительно многочисленныхъ инородцевъ Пермскаго края въ „Отчетѣ“ находимъ общее замѣчаніе, что они „легко поддаются влиянию окружающихъ ихъ не только язычниковъ и магометанъ, но иногда даже старообрядцевъ... Не говоря уже объ язычникахъ инородцахъ, ревностно выполняющихъ свой богослужебный кульпъ и строго держащихся обычаевъ своихъ предковъ, даже и крещеные изъ инородцевъ обыкновенно не соблюдаютъ христіанскихъ обрядовъ и не следуютъ правиламъ христіанской жизни, такъ что со міссионерамъ приходится наставлять послѣднихъ наравнѣ съ некрещеными, побуждать ихъ къ исполненію обязанностей принятаго ими на себя званія христіанъ“. Въ отчетномъ году зарегистрированъ только одинъ случай обращенія въ христіанство—крещеніе магометанина (стр. 95).

Въ частности необходимо отмѣтить, что въ то время какъ вогулы нѣкоторыхъ деревень Верхотурскаго уѣзда—бывшіе ясачные, а нынѣ государственные крестьяне—„совершенно обрушили и даже позабыли свой природный вогульскій языкъ и говорятъ теперь по-русски и никакъ не отличаются отъ русскаго крестьянина по образу своей жизни“, ирическъ „христіанство смѣнило здѣсь шаманство и въ значительной степени вытѣснило прежнія языческія понятия и суевій“,—

кочующие на съверѣ уѣзда вогулы (до 70 душъ) все еще остаются полуязычниками, у которыхъ „вѣра христіанская перемѣшана съ языческими понятіями“. Отчетъ констатируетъ, что у нихъ „кровавыя жертвоприношения проходятъ въ полной силѣ, причемъ они совершаются въ честь Господа Иисуса Христа, Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, которые въ представлениіи вогуль являются—бѣлымъ, добрымъ и строгимъ шайтанами“. Замѣтально, что, по свидѣтельству русскаго торговца, „и православные русскіе люди приносят и жертвуютъ въ храмы овецъ, телятъ и другихъ животныхъ, которыхъ рѣжутъ и здѣсь же продаютъ“. Русскій торговецъ въ данномъ случаѣ отвѣчалъ за вогуль на возраженія священника и его доказательства о грѣховности такихъ жертвоприношеній, доказывая, въ свою очередь, что „вогульскія жертвоприношения въ честь Бога и Св. угодниковъ представляютъ собою нечто иное, какъ подражаніе тѣмъ же православнымъ“ (стр. 99—100). Хотя священникъ пытался „доказывать и разъяснять существенную разницу“ между этими жертвоприношеніями, но съ большою вѣроятностью можно предположить, что эта разница осталась неясной даже для русскаго торговца, а объ инородцахъ и говорить нечего.

Говоря о способѣ погребенія у вогуль, „Отчетъ“ сообщаетъ, что „вогульское кладбище расположено на возвышенномъ мѣстѣ (увалѣ) и очень каменистомъ, могиль вогулы не копаютъ, а строятъ небольшой деревянный срубецъ, ставить въ него гробъ съ покойникомъ, заваливаютъ гробъ камнами и срубъ закрываютъ досками. Рядомъ съ первымъ всегда ставится и второй срубъ, предназначенный для склада тѣхъ вещей и предметовъ, которыми пользовался покойный при жизни,—какъ то: одежды, обуви, чайника, котелковъ и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ срубовъ лежитъ и гнѣтъ добра рублей на 100 и болѣе. При могилѣ умершаго, послѣ похоронъ, закалывается нѣсколько оленей, принадлежащихъ умершему или умершей, мясо оленей съѣдается здѣсь же тѣми вогулами и родственниками, которые сошлились почтить память умершаго, а шкуры убитыхъ животныхъ кладутся въ срубъ“. Поставленные при могилахъ „небольшіе восьми-конечные кресты, сдѣланные изъ тонкихъ, въ видѣ школьнѣхъ квадратиковъ, палочекъ“, должны служить признакомъ того, что здѣсь христіанско, а не языческое кладбище (стр. 100—101).

Что касается Оренбургской епархіи, то въ нѣкоторыхъ инородческихъ приходахъ, такъ называемыхъ нагайбакскихъ (нагайбаки—крещеные татары), въ отчетномъ году замѣтно было сильное движение къ магометанству. Это слѣдуетъ сказать въ особенности относительно Нѣжинскаго и Требіатскаго нагайбакскихъ поселковъ и Ильинской станицы. Собственно говоря, въ первомъ изъ названныхъ поселковъ нагайбаки всегда находились подъ сильнымъ вліяніемъ ислама и склонны были къ магометанству“, но „особенно усилилась открытая магометанская пропаганда послѣ объявленія Манифеста съ свободой вѣроисповѣданія“. Главную причину массового отпаденія нѣжинскихъ нагайбаковъ въ магометанство „Отчетъ“ видитъ въ щедрой материальной помощи, которую имъ оказывають всѣ состоятельные татары; тою же материальною зависимостью объясняется въ „Отчетѣ“ и склонность къ магометанству требіатскихъ нагайбаковъ, имѣющихъ,

къ тому же, возможность слушать устную проповѣдь ислама на прі-искахъ, гдѣ они проводятъ большую половину года въ качествѣ чернорабочихъ и старателей и гдѣ имѣется мулла и медрессе (начальное магометанское училище). „Въ Ильинской станицѣ незамѣтно материальной помощи нагайбакамъ со стороны татаръ, но зато нагайбаки все время вращаются среди татаръ, башкиръ и киргизовъ—магометанъ. По отзыву священника Мордрова, и русскіе православные жители станицы мало религіозны, рѣдко посѣщають храмъ и плохо исполняютъ христіанскія обязанности“ (стр. 107).

Какъ видно изъ данныхъ „Отчета“, приходскіе священники почти безсильны бороться съ все возрастающимъ вліяніемъ ислама. Такъ, на религіозныхъ бесѣдѣ, на которыхъ приглашается нагайбаковъ священникъ, они не являются и даже всасчески избѣгаютъ съ нимъ встречи, а при встречѣ „на всѣ увѣщанія священника даютъ только одинъ отвѣтъ: „я, батюшка, ни православной, ни магометанской вѣры хорошо не знаю, спорить съ вами не могу. Всѣ наши нагайбаки переходятъ въ магометанство, а если я одинъ останусь въ православіи, то всѣ прочіе сдѣлаются моими врагами и житія миѣ не будетъ“ (стр. 106). Въ Требіатскомъ поселкѣ съ 1902 года состоять священникомъ нагайбакъ Макарій Софоновъ, который хорошо знаетъ „продивомусульманское ученіе“ и „ведеть религіозно-нравственныя бесѣды съ нагайбаками и полемическая бесѣды съ отпавшими и прочими магометанами“. При всемъ томъ, „несмотря на его стараніе, магометанское вліяніе не ослабѣваетъ, а, наоборотъ, усиливается“, такъ что „въ концѣ 1905 года перешло въ магометанство два семейства нагайбаковъ“, причемъ „Отчетъ“ констатируетъ, что „только благодаря дѣятельности священника Софонова въ этомъ поселкѣ нѣть массовыхъ отпаденій“. Если въ остальныхъ нагайбакскихъ приходахъ магометанского вліянія, по словамъ „Отчета“, незамѣтно, то это обстоятельство и объясняется именно тѣмъ, что „по близости къ этимъ приходамъ не имѣется татарскихъ селеній, и въ самыхъ поселкахъ нѣть татаръ“ (стр. 108).

Вотъ все, что можно было извлечь изъ „Отчета“ по вопросу о религіозномъ состояніи инородцевъ двухъ епархій, строго придерживаясь фактической стороны. Къ сожалѣнію, „Отчетъ“ не удержался до конца на почвѣ фактовъ и въ своемъ заключеніи (№ 24, декабрь, книжка 2-я, стр. 129) всѣ отмѣченные выше случаи отпаденія инородцевъ „въ прежнія языческія суевія“ пытаются приписать, совершенно голословно и вразрѣзъ съ высказанными ранѣе сужденіямъ и, „волятъ такъ называемаго „освободительного движенія“, которая коснулась будто-бы и нашихъ миссій. Такое утвержденіе является для читателя „Отчета“, по меньшей мѣрѣ, неожиданнымъ, такъ какъ на всемъ его протяженіи на роль освободительного движенія въ дѣлѣ частичнаго или массового отпаденія инородцевъ отъ православія нѣтъ даже малѣйшаго намека. Это и понятно: тогда какъ „Отчетъ“ составленъ на основаніи фактическихъ сообщеній миссіонеровъ,—придѣланное къ нему заключеніе носить явные слѣды канцелярскаго творчества...

Нѣкоторыя русско-литовскія и русско-эстонскія параллели:

(По даннымъ Ярославской губерніи).

Работающій на новый годъ будеть работать весь годъ, я вообще, кто какъ проводить время при наступлениі нового года, тотъ такъ будеть жить весь наступающій годъ. (Срвн. „Живая Старина“, 1906 г., в. IV, отд. II, стр. 201).

Иглу или булавку нельзя дарить: поссоришься съ подарившимъ (тамъ же).

Сидя на чѣмъ-нибудь, особенно за столомъ (обѣдомъ), болтать и качать ногами грѣшно или, по меньшей мѣрѣ, нехорошо, неприлично. Литовцы объясняютъ: „качаешь чертятъ“ (стр. 198).

Свистать въ комнатѣ (избѣ, покойѣ, обитаемомъ помѣщеніи) нехорошо. Литовцы объясняютъ: „можеть чортъ придети“; у русскихъ чорта и лѣшаго вызываютъ тоже свистомъ (тамъ же).

Если у покойника не закрыты глаза — къ покойнику, высматриваетъ нового покойника. То же у литовцевъ (стр. 194).

Удивленіе или похвали хорошимъ умственнымъ, особенно же тѣлеснымъ качествамъ дѣтей или скотины и особенно со стороны посторонняго человѣка — не хороши и не желательны: слазять — умрутъ или испортятся. (Срвн. стр. 193).

Видѣть во снѣ: рѣку, особенно бурную и воду вообще (но въ природѣ, а не въ посудѣ) — къ большому горю, (у эстовъ мутная вода къ худу, стр. 185); покойниковъ или мертвцевовъ — къ холоду (у эстовъ къ дурной погодѣ, къ дождю, стр. 187); каль (деръмо, говно) или обмараться испражненіями — къ богатству, золоту, деньгамъ (то же у эстовъ, стр. 186); подниматься, идти въ гору — къ горю, спускаться съ горы — миновать гора (у эстовъ къ ухудшенію и къ улучшенію жизни, стр. 186); кровь — къ свиданію съ „кровными“, съ родными (стр. 186); въ банѣ мыться — къ болѣзни; вѣничаться — къ смерти, къ болѣзни (стр. 185); цѣловаться съ женщиной или дѣвушкою — къ лихорадкѣ, къ болѣзни (то же у эстовъ обниматься, стр. 188).

Ил. А. Тихомировъ.

Х р о н и к а.

1-го ноября сего года исполняется тридцатилѣтіе ученой и литературной дѣятельности т. с. В. В. Латышева, занимающаго нынѣ постъ директора Императорскаго историко-филологическаго института и вице-предсѣдателя Императорской археологической комиссіи.

†. А. В. Григорьевъ. Въ ночь съ пятницы на субботу (25 окт.) внезапно скончался одинъ изъ выдающихся членовъ Императорскаго русскаго географическаго общества, *Александръ Васильевичъ Григорьевъ*, положившій всю свою жизнь на искреннее служеніе дѣлу изслѣдованія своего отечества. Будучи ботаникомъ по своему образованію, ученикомъ с.-петербургскаго университета, онъ еще молодымъ человѣкомъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ на берега Бѣлого моря и Ледовитаго океана, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ возможность проявить свою наблюдательность и охоту къ географической дѣятельности въ болѣе широкомъ смыслѣ. Разнообразное участіе въ трудахъ географическаго общества и работы на сѣверѣ Россіи послужили къ избранію его представителемъ общества въ экспедиціи, снаряженной Сибиряковымъ для поданія помощи Норденшельду, когда послѣдній совершилъ знаменитое плаваніе на „Вегѣ“ кругомъ Сѣверной Азіи. Но прежде чѣмъ судну Сибирякова удалось дойти до Ледовитаго океана, вокругъ Азіи съ юга, Норденшельдъ самъ пришелъ въ Японію. Необходимость ити къ сѣверу миновала, и А. В. Григорьевъ употребилъ оставшееся время на изученіе Японіи, откуда привезъ обществу обстоятельный коллекціи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ занять отвѣтственное мѣсто секретаря общества, которымъ и пробылъ въ теченіе 20 лѣтъ подрядъ. За этотъ періодъ, означеніемъ вавшійся рядомъ блестящихъ экспедицій общества для изученія Центральной Азіи, снявшихъ съ нея завѣсу тайны, и большими числами другихъ ученыхъ предпріятій иногда очень обширнаго размѣра, какъ напримѣръ участіе Россіи въ международныхъ полярныхъ изслѣдованіяхъ въ 1881—82 гг., когда общество снарядило блестящія двѣ экспедиціи: на Новую Землю и на устье Лены, А. В. Григорьевъ принималъ самое горячее и усиленное участіе во всѣхъ работахъ по организаціи, подготовкѣ и снабженію экспедицій, а по ихъ возвращеніи—въ обработкѣ и изданіи ихъ трудовъ. Не будучи путешественникомъ или кабинетнымъ изслѣдователемъ, А. В. Григорьевъ, благодаря своей широкой и всесторонней эрудиціи въ географическихъ наукахъ и своему отзывчивому характеру, принималъ самое дѣятельное и сердечное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ.

не только общества, но и многихъ членовъ его. Всякій желавшій работать на поприщѣ изученія Россіи шель къ нему, увѣренный встрѣтить теплый, дружескій пріемъ и всякую помощь и указаніе, выраженные всегда съ необыкновеннымъ тактомъ, свойственнымъ чуткой, отзывчивой, честной натурѣ. Въ послѣдніе годы, будучи членомъ совѣта общества и потому—помощникомъ предсѣдателя его, онъ все свое время употреблялъ на работу на пользу родной ему географіи Россіи. Онъ розыскалъ, изслѣдовалъ и описалъ оригиналъ рѣдчайшей карты, писанной на бязи и относящейся къ числу первыхъ картъ Россіи, обработалъ каталогъ иностранной части обширной библіотеки общества, вѣль два обширныхъ изданія: описание трудовъ экспедицій П. К. Козлова и Цибикова въ Центральную Азію и Лхассу. Первое онъ вполнѣ закончилъ, а второе почти, положивъ въ это дѣло, какъ и во все, за что только онъ брался, всю свою душу. Еще за два часа до своей кончины онъ трудился надъ обработкою каталога и умеръ какъ истинный гражданинъ, на своемъ посту не покладая руки до послѣдняго момента жизни. Умеръ А. В. 60 лѣтъ. („Нов. Вр.“, № 11719).

† Кункинъ, И. Я. 12 сентября скончался видный членъ Тверской архивн. комиссіи И. Я. Кункинъ. Несмотря на незначительное образованіе, пополненное, впрочемъ, усиленнымъ самообразованіемъ, покойный съ большой любовью занимался археологіей и этнографіей родного края. Послѣ него осталась хорошо подобранныя библіотека, коллекціи старинныхъ одеждъ и монетъ. Имъ изданы 2 вып. „Акты г. Кашина“, выбранныхъ преимущественно изъ московскихъ архивовъ. (Некрологъ см.: Новое время, 1903, № 11677).

† Н. П. Павловъ-Сильванскій, скончавшійся 19 сент. отъ холеры, погибъ въполнѣ расцвѣтѣ силъ. Оставленный при СПБ. университетѣ по кафедрѣ Русской Исторіи, онъ посвятилъ себя спѣциально изученію соціального строя въ удѣльной Руси. Онъ является авторомъ оригинальной и весьма интересной теоріи о существованіи въ древней Руси цѣлаго ряда институтовъ, вполнѣ аналогичныхъ съ западными феодальными. Эта теорія проведена Н. П. въ работахъ: „Закладничество-патронатъ“; „Феодальные отношенія въ древней Руси“; „Новое объясненіе закладничества“.

† Г. И. Перетятковичъ, проф. Новороссійскаго университета, скончался 7 авг. въ г. Кишиневѣ 68 лѣтъ отъ рода. Въ 1869—70 гг. онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра Русской Исторіи. Въ 1877 г. имъ была защищена дисертациѣ „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи колонизаціи края“, послѣ чего онъ и былъ избранъ въ приватъ-доценты Новороссійскаго университета. Въ 1882 году онъ получилъ степень доктора за работу: „Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в.“. Въ томъ же году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1886 г. ординарнымъ профессоромъ. Кроме названныхъ выше двухъ крупныхъ работъ послѣ покойного осталось лишь нѣсколько небольшихъ статеекъ. Много писать онъ не любилъ.

† Радченко, К. Ф. Умеръ всего на 36 году жизни. Еще будучи студентомъ онъ написалъ сочиненіе, удостоенное золотой медали. Послѣ оставлениія при университѣтѣ (Киевскойъ) для подготовки къ профессурѣ, въ 1896 г. сдалъ магистерскій экзаменъ и былъ командированъ въ столичную библиотеку для занятія славянскими рукописями. Результатомъ этой командировки явилась работа, представляющая цѣлый рядъ опытовъ по изученію историческихъ памятниковъ, вродѣ: болгарского сборника 1345 г. древнихъ житій святыхъ и пр. Всѣдѣ затѣмъ на основаніи тѣхъ же материаловъ покойнымъ были написаны еще двѣ книги, одна изъ которыхъ („Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. 1899 г.“) явилась дисертацией на степень магистра. Послѣ двухгодичной командировки заграницу онъ въ 1900 г. былъ избранъ совѣтомъ Нѣжинскаго института на кафедру славянской филологии. Цѣлый рядъ его послѣднихъ работъ посвященъ изученію апокрифовъ и богомильства. Таковы: „Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской библиотеки“; „О пергаментномъ сборнике XIV в. Вѣнской придворной библиотеки“; „Апокрифическое житіе самаранки по прологамъ Бѣлградской народной библиотеки“; „Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“; „Видѣніе пророка Исаи въ пересказахъ катаровъ-богомиловъ“, и др.

† Н. В. Султановъ, бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ и предсѣдатель техническо-строительного комитета М. В. Д., скончался въ Висбаденѣ 2 сент. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей онъ всюю душою преданъ былъ изученію археологии, древнерусского искусства и русскаго быта. Кромѣ крупныхъ трудовъ: „Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра“ и „Теорія архитектурныхъ формъ; каменные формы“ съ объемистыми атласами рисунковъ, Н. В. написалъ и перевелъ значительное количество болѣе мелкихъ, но цѣнныхъ по своему содержанію работъ. Бездременная смерть прервала цѣлый рядъ задуманныхъ и частью уже начатыхъ работъ. Рецензія на одинъ изъ его крупныхъ послѣднихъ трудовъ „Объ остаткахъ Якутскаго острога“ помѣщена въ IV в. „Живой Старины“ за 1907 г.

15 октября состоялось общее собрание Имп. Русского Географического Общества. Заслушаны были: 1) Докладъ о дѣйствіяхъ Общества за лѣтній періодъ времени. 2) П. чл. А. И. Всейкоъ и д. чл. Ю. М. Шокальскій доложили о работахъ IX Международнаго Географическаго Конгресса въ Женевѣ лѣтомъ 1908 г. 3) Д. чл. А. И. Ивановъ, В. М. Котевичъ и С. Ф. Ольденбургъ сообщили краткія свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ П. К. Козлова въ открытомъ имъ древнемъ городѣ Хара-Хото.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О—ва.

- № 8. Засѣданіе 3 октября. Сообщеніе д. чл. П. Е. Островскаго: „Туруханскій край, его исторія и современное положеніе“. № 9. Засѣданіе 17 октября. 1) Выборъ членовъ медальной ко-

миссії. 2) Сообщеніе д. чл. *Н. Е. Ончукова*: „Сказки и сказочники Сѣвера“. О новомъ сборникѣ сказокъ: „Сѣверные сказки“. Гдѣ и кѣмъ записывались сказки сборника. Условія записей. Какая будеть идеально записанная сказка. Сказки съ эпическимъ содержаніемъ. Сказки про животныхъ, чудесныхъ, бытовыхъ, прибауточкі и прибасеночки. Разсказы про чертей, лѣшихъ, водяныхъ, мертвцевъ, оборотней, колдуновъ и пр. Историческая преданія. Разсказы про ино-родцевъ и про сосѣдей. Отношенія народа къ сказкамъ, вѣра въ ихъ содержаніе. Общій колоритъ сказокъ Сѣвера. Сказки Печорскія и Олонецкія и ихъ особенности. Море и лѣсъ въ Печорскихъ сказкахъ и Петербургъ въ Олонецкихъ. Отраженіе въ сказкахъ особен-ныхъ чертъ сказочниковъ. Женскія сказки и ихъ особенности. Въ нихъ отражается вся жизнь женщины съ рожденія до могилы. Характеристика нѣкоторыхъ сказочниковъ. 3) Сообщеніе чл. сотр. *И. С. Абрамова*: „Поѣздка въ Стародубье“. (О старообрядцахъ, штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ стѣверныхъ уездовъ Чернигов-ской губерніи). Содержаніе: Историческая данныя о заселеніи Стародубья. Нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ населеніикахъ изъ рукописи 1736 г., найденной въ посадѣ Еліонкѣ. Буйные нравы поселенцевъ. Промыслы слобожанъ: трепальщики пеньки, щетинники, коробейники, книгоноши. Черты изъ быта старообрядцевъ: хороводы, свадьбы, тайная милостыня. Изъ области вѣровавій. Новая секта „пасхальники“. О дѣятельности православныхъ миссіонеровъ. Послѣ манифеста о вѣротерпимости. Краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ. Заключеніе.

Во время доклада были показаны костюмы стародубскихъ старо-обрядцевъ и предметы ихъ домашняго обихода.

Соединенное засѣданіе Отдѣленій Географіи Математической и Географіи Физической. 16 окт. д. чл. *К. Н. Давыдовъ* сдѣлалъ сооб-щеніе „Изъ поѣздки въ Папуасію. Очеркъ природы Аруанскихъ острововъ“. Приведемъ нѣкоторые пункты программы: Цѣль поѣздки на острова Индо-Австралийского Архипелага.—Маршрутъ.—Общій очеркъ путешествія отъ Явы до Аруанскихъ острововъ.—Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о географіи Архипелага Ару.—Населеніе, административное положеніе въ Нидерландской Индіи.—Се-леніе Добо и его обитатели.—Мѣстные нравы.—Значеніе Добо въ жизни Аруанского Архипелага.—Къ вопросу о положеніи голанд-цевъ на Ару и вообще въ Папуасіи.—Деревня Ванумбай—яя харак-теръ, населеніе.—Нѣкоторыя данныя о населеніи Коброра и Во-кама.—Коброрскія селенія.—Кочевыя племена.—„Срѣзыватели голо-въ“.—Blakang Tahva.—Общая характеристика и значеніе въ эконо-мической жизни Ару.—Населеніе.—Промысловая жизнь.—Ловля рыбы, добываніе жемчуга, черепахи, трепанговъ.—Общій очеркъ этнографіи Ару.—Туземцы Ару: племена, языки, наружность.—Домашній бытъ.—Общественная и семейная жизнь.—Положеніе женщины.—Рели-гіозныя вѣрованія.—Къ вопросу о каннибализмѣ въ Папуасіи и въ частности на Ару.—Научные результаты путешествія.—Заключеніе. (Были показаны діапозитивы и демонстрированы зоологическая и этнографическая коллекціи).

Русское Антропологическое О—во. 24 окт. сообщение д-ра Л. Г. Оршанскаго: О дѣтскихъ рисункахъ. Программа: Дѣтскіе рисунки, какъ пограничный вопросъ психологии, эмбриологии искусства и педагогики. Обзоръ литературы о дѣтскихъ рисункахъ. Программы собирания и изученія дѣтскихъ рисунковъ (проф. Лампрехта и Левинштейна, Кершенштейнера). Результаты изученія и ихъ оцѣнка. Положеніе вопроса въ Россіи. Программа собирания рисунковъ, выработанная Русскимъ Обществомъ психологии и Обществомъ Учителей рисования въ 1908 г.

Демонстрація рисунковъ и діапозитивовъ.

Въ четвергъ, 11 сентября, въ Университетѣ состоялось 57-е засѣданіе Лингвистической секціи Неофилологического общества. Былъ выслушанъ докладъ Л. В. Щербы: „Экспериментально-фонетическая наблюденія изъ области русской фонетики“.

Студенческій Географический кружокъ. Въ четвергъ, 23 октября состоялось XVII засѣданіе. *Предметы занятий.* Сообщенія: 1) С. И. Руденко: Палеолитическая стоянка въ Мезинѣ, Черниговской губ., 2) Н. Н. Дебедева: Предварительное сообщеніе о поѣздкѣ на Байкалъ.

Сибирская и дальневосточная коллекціи Этнографического Отдѣла Музея Императора Александра III.

Музей—одно изъ значительнѣйшихъ хранилищъ очень цѣнныхъ коллекцій домашней обстановки, предметовъ культа, рабочаго инвентаря, одежды и т. п. вещей, собранныхъ въ средѣ русскаго и ино-родческаго населения Сибири.

Однимъ изъ самыхъ большихъ и полныхъ коллекціями отдѣловъ музея является отдѣлъ якутскій, получившій цѣнныя вещи еще на второмъ году существованія музея,—въ 1902 г., отъ Э. К. Пекарскаго и совѣтника якутскаго областнаго управления А. И. Попова. Э. К. Пекарскимъ коллекціи были доставляемы еще и въ 1903—1904 гг. А. И. Поповъ присыпаетъ вещи ежегодно; въ якутскомъ коллекціонированіи на музей принимали участіе и гг. Іоновъ, С. А. Бутурлинъ, Е. П. Поповъ. Якутскими коллекціями представлены въ музѣи Императора Александра III—якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи и коряки.

Иркутская губернія представлена разновременно доставленными коллекціями гг. Д. П. Першина, Хангалова, Ц. Ж. Жамцарано-Шараидъ; здѣсь обслѣдовались преимущественно буряты, и обслѣдованія эти естественно распространились и на бурятско-тунгуское населеніе Забайкальской области; въ послѣдніе годы цѣнныя коллекціи были доставлены изъ Забайкалья и гг. Борисомъ Вампиловымъ, Лыссокомъ Жаповымъ (буряты). Заслуживаетъ быть отмѣченной большая отзывчивость какъ бурятскаго населенія, такъ и молодой бурятской интеллигенціи къ важному дѣлу научнаго коллекціонированія предметовъ ихъ материальнаго быта и культа. Эта высоко-культурная черта очень помогаетъ осуществленію работъ музея, предпринимаемыхъ въ бурятской средѣ. Князь Д. Э. Ухтомскій, сынъ извѣстнаго журналиста, собирая въ текущемъ году въ Забай-

кальни коллекціі по ламаизму, Ц. Жамцаано собирая лѣтомъ текущаго-же года коллекціі по шаманизму забайкальскихъ бурятъ.

Коллекціі изъ Енисейской губерніи доставлялись разновременно гг. П. Е. Островскихъ (съ 1901 г., Туруханский край), покойнымъ Мартыновымъ (Минусинскій уѣздъ), А. В. Адріановимъ, Ф. Я. Конъ и А. А. Макаренко. П. Е. Островскихъ представилъ своими коллекціями остыаковъ, якутовъ, самоѣдовъ, долганъ, юраковъ; тунгусы и татары мелекской инородческой управы охарактеризированы вещами, доставленными г. А. А. Макаренко, собиравшимъ утварь и предметы культа у тунгусовъ еще въ 1907 и текущемъ 1908 г. въ системѣ рѣки Подкаменной Тунгуски; работы г. Островскихъ по Туруханскому краю продолжаются сейчасъ гг. Рычковымъ и Толстымъ; г. Конъ и г. Адріановъ въ верховьяхъ Енисея обслѣдовали старовѣрческія поселенія Усинскаго края, качинскихъ татаръ; г. Конъ доставилъ коллекціі и по быту сойотовъ. Русское населеніе губерніи представлено и по другимъ ея уѣздамъ коллекціями А. В. Адріанова и А. А. Макаренко. Въ текущемъ году на р. Тазъ былъ посланъ для собирания коллекцій среди обитающихъ тамъ инородцевъ г. Тугариновъ.

Коллекціі по Томской губерніи собирались Д. А. Клеменцъ (Алтай), по Тобольской—г-жей Рагозиной (русское населеніе) и г. Ю. Горбатовскимъ (тарские татары). Киргизскій югъ Сибири почти не представленъ въ музѣѣ. У киргизъ, народа болѣе многочисленнаго, чѣмъ буряты, не находится, однако, достаточнаго количества лицъ, способныхъ отдаваться этнографическому коллекціонированію разной национальной обстановки.

Амурская и Приморская области, о. Сахалинъ, Шантары, Командоры и другія островныя группы сѣверо-восточныхъ морей Сибири также очень слабо освѣщены коллекціями музея. Кое-что передано въ музей Александра III изъ Гродековскаго музея въ Хабаровскѣ и изъ Сахалинского музея; есть работы П. Ю. Шмидтъ, извѣстнаго ихтиолога сѣверо-востока Тихаго океана, попутно занимавшагося и этнографическимъ коллекціонированіемъ обслѣдованныхъ имъ побережий. Чукотскія и корякскія коллекціі доставлялись въ музей начальникомъ анадырскаго округа г. Сокольниковымъ. Коллекціі, доставленные названными мѣстами и лицами изъ Приморской области, характеризуютъ корейцевъ, алеутовъ и мѣстные племена тунгусовъ, гольдовъ, гиляковъ, орочей, коряковъ, чукчей.

Можетъ быть отмѣченной еще коллекція кн. Э. Э. Ухтомскаго по ламайскому культу у монголовъ. Вообще же китайскія области, со-предѣльныя Сибири, представлены очень слабо въ коллекціяхъ музея. Мало вещей изъ Монголіи; изъ Тибета есть лишь отдѣльныя вещи. Джуңгарія, китайскій Восточный Туркестанъ зарегистрированы также очень слабо работами прежнихъ лѣтъ. Теперь же самая возможность собирания даже чисто научныхъ коллекцій въ западномъ Китаѣ вообще и въ Тибетѣ въ особенности сильно затруднена послѣднимъ англо-руссскимъ трактатомъ о разграничении сферъ вліянія Россіи и Англіи въ Центральной Азіи.

Музей Императора Александра III много сдѣлалъ по сибиревѣдѣнію, но еще больше остается ему сдѣлать въ этой области. Цѣлые районы страны вовсе не представлены коллекціями, другіе предста-

влены иногда лишь немногими вещами. Между тѣмъ живой переселенческий потокъ быстрѣе, чѣмъ раньше, стираетъ своеобразныя черты сибирской жизни—русской старожилой и инородческой; поэтому надо спѣшить съ регистраціей этихъ чертъ,—и сибирская интеллигентія должна бы помочь такой регистраціи, какъ путемъ живого содѣйствія лицамъ, командируемымъ въ Сибирь музеемъ, такъ и путемъ самостоятельныхъ коллекціонированій предметовъ домашней утвари, рабочаго инвентаря, оружія, культа и одежды какъ русскаго-старожилаго, такъ и инородческаго населенія Сибири, въ цѣлахъ доставленія этихъ коллекцій въ музей. Намъ кажется, что такая работа внесла бы разнообразіе, повысила бы интересъ интеллектуальной жизни и самой сибирской интеллигентіи.

Минусинскій городской Мартыновскій Музей въ 1906 году.
(По „Отчету”... Кансъ. 1908). Въ отчетномъ году коллекціи Музея достигли слѣдующихъ цифръ: въ антропологическомъ отдѣлѣ—518 №№, въ этнографическомъ 2.962, въ археологическомъ—17.394, въ нумизматическомъ—3.002. При чемъ въ 1906 г. поступило вновь по археологии 147 №№ и по нумизматикѣ 124 №№.

Въ частности этнографический отдѣлъ состоить изъ коллекцій: русскаго населенія края (510 экз.), инородческаго (697 экз.), пограничныхъ сойотъ (851 экз.), латышей изъ колоній (140 экз.), финскаго племени (48 экз.), по сравнительной этнографіи (381 экз.) и по народной медицинѣ¹⁾. Этнографическая групша есть также въ образовательномъ отдѣлѣ (978 №№). Въ промышленномъ отдѣлѣ есть предметы кустарной промышленности, ремесль (1.315), охотничьаго и рыбнаго промысла (59). Изъ новыхъ приобрѣтений по отдѣлу археологии интересенъ желѣзный жертвенникъ (изъ д. Листяговой на р. Тубѣ)—первая такого рода находка въ Минусинскомъ округѣ.

Рѣдкій шаманскій костюмъ поступилъ въ Этнографический музей Академіи Наукъ. Костюмъ принадлежитъ шаману енисейскихъ оставьевъ. Въ цѣломъ онъ, видимо, изображаетъ птицу и въ этомъ отложеніи совершенно оригиналъ. Помимо обычныхъ желѣзныхъ привѣсковъ на костюмѣ есть нѣсколько новыхъ украшеній и, кромѣ того, весь онъ украшенъ красочными рисунками, вышитыми оленимъ волосомъ.

Обществомъ изученія Амурскаго края намѣчены слѣдующіе проекты использования 2.000 р., пожертвованныхъ приамурскимъ генераль-губернаторомъ: 1) Археологическая экспедиція въ окрестности „Тыра“ для изысканій и раскопокъ въ окрестностяхъ извѣстныхъ развалинъ. 2) Экспедиція съ лингвистическими цѣлями къ гольдамъ. 3) Издание маршрутной карты Приморской области. 4) Экспедиція съ цѣлью изученія быта переселенцевъ. 5) Издание руководства для собирания разныхъ свѣдѣній и предметовъ, касающихся разныхъ

¹⁾ Почему-то общее число предметовъ по этнографіи не сходится. По подсчету выходитъ 3.012, а ранѣе помѣчено—2.962.

сторонъ жизни Амурскаго края. 6) Экспедиція въ мѣста необслѣдованныя въ географическомъ отношеніи.

Изъ поѣздки въ Кубинскій уѣздъ Бакинской губерніи директоръ кавказскаго музея А. Н. Казнаковъ привезъ коллекцію по этнографіи горскихъ евреевъ и нѣкоторые предметы по этнографіи татовъ и лезгинъ. Особенно полно собраны предметы по кустарнымъ промысламъ: по приготовленію ковровъ, изъ которыхъ лучшими въ уѣздѣ являются татскіе, приготовленію галуновъ, шнуровъ, пойсовъ, обуви, кузнечному промыслу и др., а также множество дѣтскихъ игрушекъ, амулетовъ и т. п.

Малорусская этнографія въ „украинскомъ товариствѣ“ — „Просвѣта“. Въ 1907 году въ малорусскомъ Одесскомъ обществѣ „Просвѣта“ („Просвѣщеніе“), въ которомъ еженедѣльно читается по два реферата, часть послѣднихъ была посвящена этнографіи Украины. Такъ были прочитаны доклады — Комарова: „Украинскій вертепъ и вертепная драма“, „Кармелюкъ въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ“, „Про пасхальныя крашанки и писанки“, „Народная пѣсня про Бондаривну“, „Байда, князь Вишневецкій въ украинской словесности“; Ящуржинскаго: „Культь хлѣба въ пѣсняхъ и обрядахъ“, Шелухина: „Народная украинская пѣсни“, Андріевскаго: „Кобзарь Остапъ Вересай“ и нѣк. др. Всѣ рефераты читались по-украински и, хотя не отличались ни научностью, ни новизною (большинство было составлено по нечтнымъ русскимъ статьямъ), тѣмъ не менѣе приходились по вкусу той средней публикѣ, которая посѣщаетъ общество „Просвѣта“.

Въ Петербургѣ недавно закрылась грандіозная выставка керамики, на которой были экспонированы издѣлія не только художественно-промышленныя, но также для огнестойкаго строительства до самыхъ простыхъ его формъ въ видѣ черепицы и огнеупорныхъ плитокъ и другихъ материаловъ для сельскихъ построекъ. Кромѣ того, на выставкѣ была русскій историческій отдѣлъ, тамъ такъ у насъ эмалированная глина получила широкое распространеніе еще въ древнемъ зодчествѣ.

Этнографическая поѣздка къ тунгусамъ. Во вторую этнографическую поѣздку къ тунгусамъ бассейна рѣки „Катонги“, предприняту по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, А. А. Макаренко былъ занятъ пополненіемъ лексического материала по языку тунгусовъ, продолжалъ изученіе образа жизни ихъ, шаманства и обычаевъ; собирая свѣдѣнія о разселеніи тунгусовъ, объ устояхъ ихъ экономической жизни и условіяхъ и формахъ торговли съ ними русскихъ; имъ записаны также тунгусскія сказки: о якутскомъ царѣ Тыгы-ракта (по-якутски: Тыгин-ырахтабы), о „Шоломонѣ“ царѣ и др.; добыты образцы рисовального искусства и письменности тунгусовъ и пр.

Экскурсантъ совершилъ поѣздку въ обществѣ двухъ своихъ, испытанныхъ въ предыдущія командировкѣ въ Сибирь, спутниковъ: К. А.

Масленкова и И. Т. Воронова. Первый вель подъ наблюдениемъ г. Макаренко метеорологическая наблюдения, занимался при помощи гипсотермометра определеніями береговыхъ высотъ, а также заново воспроизвелъ по компасу глазомѣрную съемку фарватера рѣки „Катонги“ (она же Средняя Тунгуска), съ ея притоками, на протяженіи слишкомъ 900 верстъ; первая съемка была сдѣлана въ 1907 году въ полу воду (большую); съемка этого года, начатая съ начала вскрытия рѣки, закончена была лѣтомъ, когда обнаружились ея пороги и шиверы; получены, такимъ образомъ, весьма интересныя данныя для сравнительного сужденія, въ связи съ промѣрами, о высотахъ уровня воды въ „Катонгѣ“ въ главные моменты навигаціоннаго времени и объ условіяхъ возможнаго по ней судоходства. И. Вороновъ, будучи уроженцемъ Ангарскаго края и въ то же время прекраснымъ охотникомъ и знатокомъ мѣстности, оказалъ весьма полезное содѣйствіе при собираніи свѣдѣній о поверхности, флорѣ и фаунѣ бассейна „Катонги“, во многомъ сходныхъ съ таковыми Ангарскаго края; своимъ лоцманскимъ искусствомъ Вороновъ, кромѣ того, былъ неоцѣнимъ проводникомъ въ тайгѣ и по рѣкѣ, изобилующей серьезными препятствіями: благодаря его распорядительной предусмотрительности, быстрой находчивости и поразительному присутствію духа, утлая лодка экскурсантовъ не разъ избѣгла серьезной опасности въ нѣкоторыхъ порогахъ „Катонги“.

Переѣздъ до мѣста назначенія въ 1.200 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ зимнимъ (въ январѣ) путемъ на лошадяхъ; въ глубь жительства тунгусовъ совершена поѣздка на оленяхъ; а главный маршрутъ по „Катонгѣ“ и ея видномъ притокѣ—Чунѣ былъ сдѣланъ на небольшой лодкѣ.

На сокращеніе экспедиціоннаго времени и на сравнительно малый результатъ этнографическихъ изысканій иовліяло, между прочимъ, расширение оспинной эпидеміи среди тунгусовъ изслѣдованнаго края; послѣдніе, по словамъ А. Макаренко, избѣгали, благодаря этому, посѣщеній ярмарочныхъ мѣстъ и уходили въ невѣдомыя малодоступныя таежныя трущобы.

По той же немаловажной причинѣ оказался мало успѣшнымъ сборъ этнографическихъ коллекцій среди тунгусовъ, порученный А. Макаренко Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III. Имъ доставлены въ обѣ поѣздки (1907—1908 г.) предметы домашней утвари тунгусовъ, одежды съ раскраской и бисернымъ шитьемъ, оружіе, орудія промысла, ремесль, амулеты, предметы шаманскаго культа и похоронъ (гробъ съ останками и пр. принадлежности), берестяная лодка, лыжи, посохи, а также броня тунгусскихъ воиновъ, скованная по старинному образцу, и проч.

Експедиція на полуостровъ Я-малъ. Изъ Обдорска получены извѣстія обѣ экспедиціи на полуостровъ Я-малъ. Члены экспедицій прошли въ Обдорскѣ 12 дней, ушедшихъ на подготовительныя работы по снаряженію въ дальний и долгій путь. Въ Обдорскѣ была организована особая комиссія изъ обдорскихъ обывателей. Въ составъ экспедиціи вошли: миссионеръ-священникъ Мартемьяновъ, прекрасно владѣющій самоѣдскимъ языкомъ и хорошо знакомый съ жизнью и бы-

томъ самойдовъ, и толмачъ Кудринъ. Для экспедиціи собрано было больше четырехсотъ оленей, сравнительно хорошаго достоинства. Первоначальный путь экспедиціи изъ Обдорска намѣченъ такъ: озеро Вангады, Поды, затѣмъ ираемъ Оби до Ориела, до Ямбуринского острова, Ямбуриныхъ юртъ (астрономически определенный пунктъ), отъ Ямбуры серединой Я-мала на крайній сѣверный его пунктъ. По исчислениамъ самойдовъ, отъ Ямбуры до сѣверной оконечности Я-мала 40 переходовъ (переходъ 30 верстъ), т.-е. около 1.200 верстъ.

Неудавшаяся экспедиція. По порученію этнографического отдѣла Русск. Музея Имп. Александра III, г. Тугариновъ долженъ быть собрать этнографическую коллекцію среди инородцевъ области р. Тазъ (Туруханскій край). Но экспедиція эта не удалась вслѣдствіе того, что выбранный г. Тугариновымъ путь оказался непроходимымъ.

По слухамъ въ 1909 году возобновляется изданіе исторического журнала „Кievskaya Starina“, вмѣсто которого въ 1907 году издавалась „Україна“, просуществовавшая только одинъ годъ. „Кievskaya Starina“ была богата этнографическими изслѣдованіями и материалами, касавшимися Южной Руси. Можно ожидать, что возобновленный журналъ такъ же будетъ полезенъ въ послѣднемъ отношеніи, какъ и раньше, лишь бы онъ пошелъ по своей прежней строго научной дорогѣ.

Вновь открытое племя въ Алясѣ. Но сообщенія изъ Філадельфіи, туда вернулся изъ продолжительной научной поѣздки въ Аляску американскій ученый проф. Г. Гордонъ, привезшій съ собою богатую коллекцію цѣнныхъ предметовъ, добытыхъ имъ у одного племени, до сихъ поръ неизвѣстнаго ученымъ. Племя это, прежде повидимому многочисленное, насчитываетъ въ настоящее время не болѣе 400 человѣкъ, поселенія ихъ расположены въ 600 миляхъ отъ устья рѣки Кусковилы. Гордонъ назвалъ это странное племя „кусковагами-тами“. Въ противоположность атабаскамъ (индѣйцамъ) и эскимосамъ, оно сохранило рѣзко выраженные черты азіатской расы. Повидимому, племя принадлежитъ къ раннему поселенію Аляски; вытѣсненное индѣйцами и эскимосами, оно переселилось въ долину рѣки Кусковилы, гдѣ и нашло себѣ естественную защиту. Проф. Гордонъ прошелъ среди этого племени нѣсколько мѣсяцевъ, наблюдалъ ихъ жизнь, нравы и обычай и собралъ огромную коллекцію разныхъ предметовъ и одежды. Мужчины, по словамъ Гордона, отличаются высокимъ ростомъ и силой, женщины—миловидностью; въ умственномъ отношеніи этотъ народъ стоитъ далеко выше другихъ обитателей арктическихъ странъ; все они—моногамисты, законовъ писанныхъ не имѣютъ; управляются старѣйшимъ въ родѣ—патріархомъ, исполняющимъ въ то же время обязанности священника: одежду дѣлаютъ себѣ не изъ звѣринныхъ шкуръ, а изъ кожи и перьевъ птицъ.

Археологическая находка. Аллагабадъ, 4 (17) сентября.—По полученнымъ отъ путешественника, доктора Штейна, изъ Хотана

отъ 2-го юля съѣдѣніемъ въ Карапарѣ, въ сѣверо-восточной части пустыни Тарима, найдены картины и скульптурные изображенія, относящіяся къ эпохѣ преобладанія буддійскаго вліянія. Близъ Мазаръ-Тага найдены большія собранія документовъ, писанныхъ на деревѣ и на бумагѣ, главнымъ образомъ, индійскаго, китайскаго и тибетскаго происхожденія. Документы относятся къ VIII или IX вѣку и принадлежать, очевидно, къ периоду тибетскихъ нашествій.

Новые открытия въ области изученія древняго Востока. — Temps даетъ краткое описание коллекцій, вывезенныхъ Жакомъ Морганомъ изъ Персіи. Коллекціи эти размѣщаются въ настоящее время въ Луврѣ. Жакъ Морганъ уже раньше составилъ себѣ крупное имя въ качествѣ изслѣдователя древняго Востока. Во время своей первой экспедиціи Моргану подъ развалинами древне-персидскихъ Сузъ (временъ Даріевъ и Ксерксовъ) удалось напасть на слѣды болѣе старого города, Сузъ эламитскихъ (между 2300 и 750 гг. до Р. Х.), и еще болѣе старого, существовавшаго, какъ онъ думаетъ, въ первыя времена владычества халдеевъ. Результаты раскопокъ только-что закончившейся второй экспедиціи Моргана еще болѣе продуктивны. На каждой найденной имъ вещи обозначенъ почвенный слой, въ предѣлахъ котораго она найдена. Уже отсюда, слѣдовательно, можно извлечь приблизительныя хронологическія указанія. Эти догадки въ свою очередь подтверждаются многочисленными надписями, собранными Морганомъ на различной глубинѣ. „Такимъ образомъ, — пишетъ авторъ статьи въ Temps, — несомнѣнно, что эта маленькая телѣжка, эта миниатюрная военная колесница, этотъ парикъ изъ обожженной глины, эти лѣстницы, снабженныя колесами, не что иное какъ дѣтскія игрушки, которымъ дѣти приблизительно за 5000 лѣтъ до христіанской эры возили на веревочкахъ по площадямъ или узенькимъ улицамъ примитивнаго города“. Къ той же древнѣйшей эпохѣ относится коллекція расписныхъ вазъ, одинаково любопытныхъ и своей формой, и своими укращеніями, бронзовыя копья, топоры, пилы, кирки и пр. Къ той же эпохѣ относится найденное въ большомъ количествѣ алебастровое оружіе, сдѣланное очень прочно и изящно, прекрасно выполненные изображенія животныхъ. Впрочемъ изображенія животныхъ находили во всѣхъ слояхъ, гдѣ производились раскопки. Серія человѣческихъ фигуръ очень богата; почти всѣ онѣ воспроизводятъ положеніе, извѣстное по найденнымъ раньше на мѣстахъ древней Халдеи статуямъ. Тѣсно прижатыя къ тѣлу руки, покоящіяся на груди, и кисти, плотно охватывающія одна другую. Головы у статуй нѣть, за рѣдкими исключеніями. Объясняется это тѣмъ, что страна много разъ опустошалась войной, и побѣдители, забирая драгоцѣнности, уродовали все, чего не хотѣли брать. Такъ поступали они и со статуями. Только въ томъ случаѣ, если статуя была изображеніемъ особенно знаменитаго лица, ее брали въ качествѣ трофея. Въ числѣ статуй, найденныхъ Морганомъ, есть одна, сдѣланная изъ ліорита и восходящая ко времени за 3000, а можетъ быть и 4000 лѣтъ до Р. Х. Статуя изображаетъ одного изъ царей, и подъ ней двѣ надписи: одна — старая, другая — болѣе поздняго происхожденія, гласящая,

что эта статуя какъ побѣдный трофеиѣ была взята изъ Халдеи царемъ Шутрукъ-Наконта.

Отказъ отъ кровавой мести. О событии, имѣющемъ не малое, культурноисторическое значеніе, сообщаютъ изъ Салонинъ. Албанскія племена въ трехъ вилайетахъ, Янинѣ, Монастырѣ и Коссовѣ, отказались навсегда отъ кровавой мести. Ихъ уполномоченные прінесли „народную клятву“ въ томъ, что кровавая мѣсть отнынѣ исчезаетъ изъ жизни албанцевъ. Съ первыхъ же временъ появленія албанцевъ въ исторіи кровавая мѣсть существовала и сохранялась какъ „священный законъ“, какъ „институтъ“, безъ котораго албанцы не представляли себѣ возможнаго жить. Она замѣнила собою юстицію, и, регламентированная во всѣхъ подробностяхъ, служила основою, на которой поконилась семейная жизнь албанскихъ племенъ. Неписанный законъ мести рѣшалъ вопросы уголовнаго права и даже частныхъ столкновеній.

Хроника составлена *Н. Виноградовыимъ.*

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

СТРАН.

1. Новости этнографической литературы. <i>Акад. А. И. Соболевская</i>	371
2. Рецензія на: Ген. Шурцъ. Исторія первобытной культуры. <i>Н. М. Могилевская</i> .—М. Энгельгардтъ. Вредныя и благородныя расы. <i>П. Э.—Л. Святыцкій</i> . Видрожене белорусскаго письменства. <i>А. Сережнуповская</i> .—Ахмаровъ, Г. Н. Тентяри и ихъ происхождение. <i>Э. И.</i> —К. Иностранцевъ. Материалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. <i>Э. П.</i> —Издание сербской Королевской Академіи за 1907 г. <i>Проф. П. А. Лазарова</i>	376
3. Журналы за 1907—1908 г. <i>Н. В.</i>	385
4. Новости этнографической литературы. <i>Н. В.</i>	387

Приложение.

6. Указатель къ „Живой Старинѣ“ за 15 лѣтъ ея существованія. Сост. <i>Н. Виноградовъ</i>	17—32
--	-------

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

1. О религіозномъ состояніи инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій. <i>Э. П.</i>	391
2. Нѣкоторыя русско-литовскія и русско-эстонскія параллели. <i>Ил. А. Тихомирова</i>	394
3. Хроника. (28 замѣтокъ). Сост. <i>Н. Виноградовъ</i>	395

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

XVII

годъ издания
1908

XVII

годъ издания
1908

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакцією Предсѣдателя Отдѣленія Этнографії В. И. Ламанского и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить четырьмя выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе вѣнчанихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критический и библіографический обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ издания, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложений—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашению, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельского духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.